

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Олимова Аниса Шохруховна

**ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Искандарова Дилоро Мукаддасовна,
д.ф.н., профессор

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ФОНОСЕМАНТИКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1. История возникновения и развития психолингвистики как научной дисциплины.....	11
1.2. Основные направления психолингвистических исследований в трудах зарубежных, советских (российских) и региональных ученых.....	21
1.3. Методы психолингвистики	31
1.3.1. Метод психолингвистического эксперимента.....	32
1.4. Взаимосвязь психолингвистики и когнитивной науки: современные научные центры.....	35
1.4.1. Исследования таджикских лингвокогнитивистов на основе ассоциативного эксперимента.....	38
1.5. Текст как продукт речевой деятельности и предмет изучения психолингвистики.....	44
1.6. Становление фоносемантики как самостоятельной дисциплины.....	49
1.6.1. Исследование звукоизобразительных слов: от эмпирики к теории.....	54
1.6.2. Классификация онomatопов как база для становления фоносемантики.....	56
1.6.3. Исследование звукоизобразительных слов в языках мира и в таджикском языкознании.....	59
Выводы по первой главе.....	65
ГЛАВА 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА	
2.1. Исходные теоретические положения фоносемантики.....	68
2.2. Исследование фоносемантической структуры текста: компьютерные программы.....	73
2.2.1. Основная идея и критерии фоносемантического анализа (на примере политического дискурса).....	74

2.2.2. Возможности компьютерного фоносемантического анализа.....	78
2.3. Специфика проведения фоносемантического эксперимента в таджикской аудитории.....	82
2.3.1. Языковая ситуация и особенности билингвизма в таджикской лингвокультуре.....	83
2.3.2. Основные фонологические отличия таджикского языка от русского языка.....	86
2.3.3. Подготовка эксперимента: адаптация шкал и процедура опроса.....	87
2.3.3.1. Ход эксперимента и характеристика выборки.....	89
2.3.4. Анализ согласных звуков таджикского языка: результаты эксперимента и культурно-историческое обоснование.....	90
2.3.4.1. Фоносемантика звуков в структуре имени собственного.....	96
2.3.4.2. Культурно-историческое обоснование результатов: влияние традиции Таджвида.....	97
2.3.5. Фоносемантический анализ гласных звуков таджикского языка.....	98
2.3.5.1. Акустическое и культурно-эстетическое обоснование результатов.....	99
2.4. Результаты ассоциативного эксперимента в билингвальной среде.....	104
2.4.1. Анализ гласных звуков: билингвальный аспект.....	107
2.4.2. Фоносемантический анализ согласных звуков в структуре звукоподражаний.....	108
2.4.3. Сравнительный анализ звуков таджикского и русского языков (по результатам эксперимента).....	110
2.4.4. Анализ результатов эксперимента в билингвальной среде.....	111
2.5. Фоносемантический анализ художественного текста в сопоставительном аспекте (оригинал и перевод).....	119
2.5.1. Анализ перевода «Письма Татьяны к Онегину».....	119
2.5.2. Анализ патриотической лирики (на материале стихотворения Х. Юсуфи).....	125
Выводы по второй главе.....	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	136

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	142
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	143
ПРИЛОЖЕНИЯ	166

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в мировой лингвистике наблюдается возрастающий интерес к суггестивной проблематике звучащей речи. Многочисленные исследования доказывают, что речевой звук от природы обладает собственным эмоционально-оценочным потенциалом, способным оказывать подсознательное психологическое влияние на реципиента независимо от лексического значения слова. Данная диссертационная работа посвящена комплексному типологическому и экспериментальному анализу фоносемантической структуры таджикского языка.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью восполнения существенного пробела в таджикском языкознании, где звукоизобразительные механизмы словопорождения и суггестивный потенциал фонем до сих пор остаются малоизученной областью. Развитие фоносемантики таджикского языка требует перехода от описательных наблюдений к точным экспериментальным и компьютерным методам анализа. Практическая актуальность работы продиктована высокой востребованностью фоносемантического инжиниринга в современных сферах нейминга, маркетинга, создания рекламных брендов и политических спичрайтерских текстов, где фонетическая субстанция выступает мощнейшим инструментом подсознательного воздействия на массовую аудиторию.

Степень разработанности темы. Фундаментальная база современной фоносемантики и психолингвистики была заложена в трудах выдающихся ученых: А.А. Леонтьева («Основы психолингвистики»), Л.В. Сахарного и А.С. Штерн («Введение в психолингвистику»), И.Н. Горелова, а также в классических работах основателей отечественной фоносемантики С.В. Воронина («Основы фоносемантики») и А.П. Журавлева («Звук и смысл»), разработавших методологию измерения фонетического значения. В таджикском языкознании фоносемантическая проблематика не подвергалась комплексному экспериментальному анализу, однако отдельные структурно-семантические

аспекты звукоизобразительных слов и редупликаций рассматривались в диссертационных и монографических трудах М.Ф. Фазылова, Ф.Р. Турсуновой, Л. Бекташа, Д.Ш. Музафаровой, Н.А. Гафурова. Базой для применения экспериментальных психолингвистических методик (в частности, ассоциативного эксперимента) в Республике Таджикистан служат фундаментальные труды ученых научной школы «Прикладная лингвистика в РТ» под руководством Д.М. Искандаровой (М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, З.А. Гулова, Х.Ё. Худоёров и др.).

Объектом исследования выступает фоносемантическая система таджикского языка в ее перцептивном и суггестивном аспектах.

Предметом исследования являются эмоционально-оценочный потенциал и суггестивные особенности гласных и согласных фонем таджикского языка, выявляемые в монологической и билингвальной аудиториях в сопоставлении с русским языком.

Цель работы заключается в проведении комплексного экспериментального исследования фоносемантической системы таджикского языка в типологической перспективе с последующим выходом на автоматизированный анализ текста.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- провести критический анализ теоретической базы психолингвистики и фоносемантики;
- осуществить сбор, систематизацию и адаптацию инструментария (антонимических шкал) для проведения фоносемантического эксперимента в таджикской лингвокультуре;
- провести направленный ассоциативный эксперимент по оценке фонем таджикского языка среди монологической и билингвальной аудиторий;
- выявить и сопоставить фоносемантические характеристики специфических таджикских звуков, не имеющих аналогов в русском языке;
- апробировать алгоритмы автоматизированного фоносемантического анализа (*analizpise.ru*) и технологий искусственного интеллекта на материале художественных текстов и их переводов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в таджикском языкознании проводится полномасштабный экспериментальный анализ перцептивной оценки звуков таджикского языка. Впервые определен фоносемантический ореол специфических таджикских фонем ([K], [F], [Ч], [X], [Ū]), а парадоксы их восприятия научно обоснованы сквозь призму культурно-исторической матрицы (сакральной фонетики и Таджвида). Впервые сопоставлены фоносемантические профили таджикского и русского языков в условиях активного билингвизма.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении понятийно-методологического аппарата таджикского языкознания за счет интеграции фоносемантики, психолингвистики и лингвокультурологии. Доказано влияние артикуляционных баз и традиционных фонетических канонов на подсознательную эмоциональную оценку языкового знака.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что созданная в ходе экспериментов верифицированная матрица оценок таджикских фонем послужит алгоритмической базой для разработки первого таджикоязычного программного обеспечения фоносемантического анализа. Материалы исследования могут быть использованы в вузовской практике при чтении курсов по психолингвистике, теории перевода, прагмалингвистике, а также в практическом нейминге и контент-анализе.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической базой послужили концепции С.В. Воронина и метод семантического дифференциала (шкалирования) А.П. Журавлева. В ходе работы применялся комплексный инструментарий: описательный и сравнительно-сопоставительный методы, метод направленного психолингвистического эксперимента (анкетирования), методы статистической и количественной обработки данных. Для интерпретации текстов применялись алгоритмы компьютерных программ (*analizpisem.ru*, *Vaal.ru*), а также методы кросс-верификации (триангуляции) с привлечением больших языковых моделей (LLM, в частности *ChatGPT* и *Perplexity AI*), что позволило

систематизировать массивы данных и повысить глубину герменевтического анализа.

Материалом исследования послужили данные, полученные в ходе направленного фоносемантического эксперимента (анкетирования), в котором приняли участие более 180 респондентов (представители монолингвальной и билингвальной среды Таджикистана, а также контрольная русскоязычная группа). Кроме того, в качестве материала для сопоставительного компьютерного анализа были использованы отрывки из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его перевода на таджикский язык, а также патриотическое стихотворение Х. Юсуфи «Ман Ватанро беш аз харвакта дорам дӯсттар» и его русский перевод В. Левики.

Положения, выносимые на защиту:

1. **Этнокультурная детерминация фоносемантики:** Эмоционально-перцептивная оценка звуков таджикского языка обусловлена не только универсальным акустическим иконизмом, но и глубокой культурно-исторической матрицей. Специфические гортанные и увулярные согласные ([К], [Ғ], [Ҷ]), исторически относящиеся к категории напряженных звуков (*муста'лия/тафхим*), формируют в таджикском языковом сознании устойчивый кластер негативной и суровой (маскулинной) фоносемантики, в то время как фарингальный [Х] (*хамс*) выступает абсолютным носителем позитивной, легкой семантики.

2. **Фоносемантическая полярность таджикского вокализма:** Система гласных таджикского языка демонстрирует четкое фоносемантическое расслоение, коррелирующее с историческими фонетическими категориями. Чистые, открытые гласные ([А], [О], [И]) оцениваются носителями языка как носители света, активности и гармонии. Напротив, артикуляционно сложные, лабиализованные гласные (специфический [ӡ], закрытый [Э]), восходящие к смешанной категории «*мачхул*», подсознательно дешифруются реципиентами как «тяжелые», «темные» и «медлительные».

3. **Билингвальная фоносемантическая интерференция:** В условиях таджикско-русского двуязычия языковое сознание билингвов демонстрирует

фоносемантическую интерференцию. Наложение русской артикуляционной базы приводит к когнитивным сдвигам в оценке ряда фонем (в частности, [И], [У]), однако звуки арабо-персидского происхождения ([Ф], [Ш]), обладающие отрицательным индексом в русском языке, сохраняют высокий позитивный статус в таджикской выборке благодаря своему культурному престижу.

4. Трансформация суггестивного потенциала в художественном переводе: Фоносемантическая доминанта (особенно в ударных и финальных позициях слова) полностью определяет скрытый психологический вектор текста. При поэтическом переводе (с русского на таджикский и наоборот) неизбежно происходит трансформация суггестивного ореола: фонетическая адаптация текста под принимающий язык способна видоизменять эмоциональную тональность произведения (например, усиливая его суровость за счет увулярных звуков).

5. Эмпирическая база для цифровой лингвистики: Полученная в результате масштабных ассоциативных экспериментов статистическая матрица перцептивной оценки фонем представляет собой первый достоверный эмпирический фундамент для разработки систем автоматизированного компьютерного фоносемантического анализа текстов на таджикском языке.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается глубокой проработкой фундаментальной теоретической базы по психолингвистике и фоносемантике, применением комплексной методологии, адекватной поставленным целям и задачам, а также репрезентативным объемом проанализированного материала. Объективность выводов подтверждается корректным использованием методов количественно-статистической обработки данных и успешной верификацией результатов эксперимента с помощью алгоритмов цифрового анализа текста.

Апробация материалов исследования проводилась в рамках научно-практических конференций разного уровня: на ежегодных научно-практических конференциях «Славянские чтения» (2021–2023 гг.), на ежегодных международных научно-практических конференциях «Роль молодых женщин-ученых в развитии науки, инноваций и технологий» (2021–2023 гг.), на научно-

практической международной конференции «Лингвистика XXI века: проблемы, перспективы, инновационные направления» (2023 г.). Материалы исследования также были апробированы на заседаниях НТС и НМС кафедры теоретического и прикладного языкознания факультета иностранных языков РТСУ. По материалам исследования было опубликовано 7 статей, среди них 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ общим объемом более 6 п.л.

Структура работы. Диссертационное исследование имеет традиционную структуру и состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ФОНОСЕМАНТИКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. История возникновения и развития психолингвистики как научной дисциплины

Психолингвистика — это относительно молодая дисциплина, которая развивалась в последние несколько десятилетий. Она имеет как совпадения, так и пересечения с психологическими и лингвистическими исследованиями, а также свои собственные уникальные области исследований. Это наука, которая объединяет лингвистические и психологические исследования и фокусируется на изучении природы и структуры человеческого разума.

Рождение психолингвистики в основном можно отнести к исследованиям Вильгельма Вундта (1832–1920), отца психологии и основателя структуралистской школы. В 1879 году ученый основал первую в мире психологическую лабораторию в Лейпцигском университете и начал и занимался экспериментальной работой в области психофизики. В 1874 году он опубликовал книгу «Принципы физиологической психологии», в которой исследовал структуру и сознание человеческого разума. В более поздних исследованиях В. Вундт придавал большое значение изучению языковых проблем и опубликовал много статей и работ, связанных с языковой психологией. Будь то поздняя гештальтпсихология или современная психолингвистика, их исследования в разной степени находились под влиянием его исследований. После В. Вундта появилось большое количество лингвистов, психологов и антропологов, которые проявили глубокий интерес к взаимосвязи мозга и языка.

Еще в начале 20-го века антрополог Франц Боас (1858–1942) предсказал, что изучение лингвистики и психологии, вероятно, приведет к созданию новой дисциплины. Под влиянием В. Вундта Ф. Боас сместил фокус своих исследований с человеческого поведения на психологические факторы культурных явлений и психологическое описание условий окружающей среды. В 1938 году он

опубликовал работу «Разум первобытного человека», которая заложила основу для появления новых дисциплин: «психологическая лингвистика», «психолингвистика» и «лингвистическая психология».

Но первое упоминание о термине «психолингвистика» принадлежит американскому психологу Джейкобу Роберту Кантору, который использует её в своей книге «An Objective Psychology of Grammar (Объективная психология грамматики)». Монография вышла в свет в 1936 году. В своей работе Кантор, как яркий бихевиорист, стремился отказаться от идеи, что язык отражает любую форму предполагаемого познания или разума. По мнению Кантора, немецкая психолингвистическая традиция была просто ошибочной. Позже, в 1946 г., его ученик Генри Пронько популяризировал данный термин в своей статье «Language and Psycholinguistics: A Review (Язык и психолингвистика: обзор)» [Pronko 1946].

Возникновение психолингвистики как академической дисциплины обычно связывают с научным семинаром, организованным в 1951 в Корнеллском университете в г. Нью-Йорк. Два года спустя Комитет по лингвистике и психологии Американской академии социальных наук провел междисциплинарный семинар по языковым вопросам в Индианском университете. На симпозиуме участники бурно обсуждали общие темы, связанные с исследованиями в области лингвистики и психологии, и выдвинули много новых идей и мыслей.

В развитии психолингвистики традиционно выделяют три основных этапа (поколения).

Первое поколение: Эпоха бихевиоризма

В 1950-е годы психолингвистика развивалась в русле американского необихевиоризма. Яркими представителями этого направления были Ч. Осгуд, Т. Себеок и Дж. Кэрролл. В 1954 году Ч. Осгуд (С.Е. Osgood) и Т. Себеок (Т.А. Sebeok) собрали документы и отчеты симпозиума и назвали его «Психолингвистика: обзор теории и исследовательских проблем».

Для осгудовской психолингвистики были характерны следующие особенности:

1. идея реактивности;
2. индивидуализм (рассматривается речевое поведение человека, вырванного из общества и процесса общения); она оперировала (и продолжает оперировать) с «Робинзоном», человеком, который формируется, реагирует и действует вне общества, которая выступает для психолингвистов-необихевиористов лишь как «социальная среда» – источник стимулов определенного рода, не отличающихся от других стимулов;
3. атомизм (рассматриваются лишь отдельные слова, грамматические связи и грамматические формы). Особенно отчетливо атомизм проявляется в теории усвоения речи ребенком: автор считал, что ребенок якобы усваивает отдельные слова и конструкции и лишь после этого обобщает их и формирует общие языковые категории [Слобин, Грин 1976: 2].

Как образно отметил Дж. Миллер: «...чтобы научиться языку «по Осгуду», ребенок должен заниматься этим 100 лет без перерывов на еду, сон и т.д.» [Глухов 2005: 37].

Второе поколение: когнитивный поворот

Ситуация в американской психолингвистике резко изменилась, когда появились первые работы Ноэма Хомского – яркого представителя психолингвистики второго поколения и главного соперника Ч. Осгуда. В своем исследовании «Синтаксические структуры» [Chomsky 1957] Н. Хомский развил идею, по которой знание родного языка является системой правил, называемой грамматикой языка. Структура грамматики описывается правилами трансформаций, которые реализуются говорящим человеком в процессе речи. Н. Хомский опирался на представление о поверхностной и глубинной структуре предложений. По его мнению, поверхностная структура – та, которую мы слышим, т.е. наша речь, а глубинная – связана со смыслом. В качестве примера приведем предложения: «Девушка прочитала книгу» и «Книга была прочитана

девушкой», в которых наблюдается разная поверхностная и одинаковая глубинная структура. В рамках трансформационной грамматики формулируется совокупность правил, направленных на описание глубинных структур предложений и генерацию на их основе множества синтаксически допустимых поверхностных конструкций. В дальнейшем данная лингвистическая модель была экстраполирована на сферу психических процессов и получила развитие в ходе исследований экспериментального характера.

Таким образом, Н. Хомский выступил с идеей так называемой «порождающей грамматики». Вместо традиционной модели описания языка, которая сводится к выделению в тексте отдельных частей – звуков, аффиксов, слов и т.п. – и объединению их по функциональным признакам в языковые единицы – фонемы, морфемы и т.д., он предложил модель, которая состоит из системы операций над текстом, а более широко – из системы правил, по которым возможен синтез и анализ предложений [Слобин, Грин 1976: 2].

Хотя теория Н. Хомского основана на изучении структуры языка (в основном синтаксической структуры), он также занимается внутренними/ментальными структурами, лежащими в основе использования языка. Его лингвистическая теория предложила описание базовой структуры языка и знания людьми своего языка. Эта теория вместе с когнитивной психологией открыла новые перспективы для теорий изучения языка и педагогики.

Следует подчеркнуть, что еще в древних античной и индийской языковедческих традициях были различные подходы к анализу языковых единиц. Так, в основе античного, а затем и всего европейского языкознания лежит «атомизм» Аристотеля, т.е. исследования от мельчайшей единицы – «атома» (фонемы в грамматике), другими словами, «от частного к общему». Анализ от «общего к частному» характерен для индийской языковедческой традиции, начиная с грамматики Панини, созданной в V в. до н.э. (ср. порождающую грамматику Н. Хомского).

Порождающая модель Н. Хомского, четко сформулированная им впервые в монографии «Синтаксические структуры» в 1957 году, быстро стала набирать популярность сначала в американской лингвистике, а затем в лингвистике других стран. Популярность теории Н. Хомского во многом обусловлена растущим интересом к идее автоматизации человеческого интеллекта. Модель, предложенная ученым, предоставляет возможность автоматического создания грамматических структур из исходных данных, а также их дальнейшего наполнения лексическими единицами и оформления в соответствии с фонетическими нормами [Слобин, Грин 1976: 2-3].

Изначально модель, предложенная Н. Хомским, была разработана его учителем – Зелигом Харрисом. Ключевая идея предложенной модели заключается в применении операции преобразования или трансформации. Следует признать, что Н. Хомский не предложил ничего нового, а лишь развил и продолжил идею своего наставника. Таким образом, исследователь предложил «операции», которые сводятся к переходам между элементами и состояниями системы, но фундаментом этой модели является статистическое представление.

Системность, которая достигается путем использования порождающей модели, скорее системность представления фактов, нежели орудие научного исследования, поскольку большая часть описаний отдельных языков по методу Н. Хомского и его школы свелась к простому переписыванию ранее полученных данных о разных языках. Таким образом, соблазнительная легкость работы привлекла определенную часть лингвистов, так как можно было без знания того или иного языка опубликовывать статьи с описанием, используя «модель Хомского» [Слобин, Грин 1976: 3].

Но «модель Хомского» существовала до определенной поры, в основном, только теоретически, практическое применение она нашла лишь в компьютерной лингвистике при автоматической обработке речи – в области искусственного интеллекта при понимании естественного языка [Большакова и др. 2017: 8].

По мнению Д. Кэррола: «по сути, психолингвистическая работа состоит из двух вопросов. Один из них: какие языковые компетенции требуются для

эффективного использования языковой системы? Хотя языковая компетенция относится к «знанию» языка, наше понимание языка и его конкретных нюансов не всегда является частью нашего сознательного, явного знания [Carroll 2008].

Исследуя этот вопрос, Д. Кэррол подчеркивает: «другой основной психолингвистический вопрос: какие когнитивные процессы задействованы в обычном использовании языка? В рамках дихотомии Н. Хомского под «обычным использованием языка» подразумеваются такие вещи, как понимание лекции, чтение книги, написание письма и поддержание беседы. Под «когнитивными процессами» подразумеваются такие процессы, как восприятие, память и мышление. Хотя мы делаем мало вещей так часто или так легко, как говорение и слушание, но мы обнаружим, что во время этих действий происходит значительная когнитивная обработка» [Carroll 2008].

Еще одним ярким представителем психолингвистики второго поколения был известный американский психолог Джордж Миллер – единомышленник и соратник Н. Хомского. Дж. Миллер активно пропагандировал идеи Н. Хомского и в соавторстве с ним опубликовал несколько работ: значимой является книга «Введение в формальный анализ естественных языков», которая вышла в свет в 2003 г. [Хомский, Миллер 2003].

Дж. Миллер, подчеркивал, что порождение речи – это не пассивная реакция, а активный процесс, основанный на планировании поведения. Психолингвистика второго поколения преодолела «атомизм», перейдя к изучению синтаксических правил и ментальных структур, лежащих в основе использования языка.

Д. Слобин и Дж. Грин в своей совместной монографии «Психолингвистика» отметили, что главной отличительной чертой миллеровского направления от осгудовского в американской психолингвистике заключалась в том, что, «был преодолен атомизм этого последнего. Особенно ясно это видно опять-таки на примере трактовки усвоения языка: согласно школе Хомского, это не овладение отдельными языковыми элементами, а усвоение системы правил формирования осмысленного высказывания» [Слобин, Грин 1976: 4].

По мнению Дж. Миллера, порождение речи определяется характером планируемого поведения, а не системой ассоциативных связей, характерной для пассивной реактивности в понимании бихевиоризма. Идея реактивности в какой-то мере уже преодолена. С точки зрения общей психологической базы в миллеровской психолингвистике просматривается более развитый подход к речевому поведению, хотя еще и не вполне последовательный и деятельностный.

Л.В. Сахарный пишет следующее о развитии идей Дж. Миллера: «В целом, в связи с анализом трансформационных преобразований, Дж. Миллер подчеркивает момент планирования поведения, большую активность человека, а не просто реактивность... Дж. Миллер делает шаг к представлению о единстве процессов восприятия речи и процессов производства речи, т.е. к тому, что еще не было по-настоящему реализовано у Ч. Осгуда» [Сахарный 1989].

Несмотря на некоторые минусы и недочеты миллеровской психолингвистики, сторонников его направления в США было довольно много. В Европе распространение идей Н. Хомского натолкнулось на основательную психологическую традицию: «Европейские психолингвисты приняли идеи Хомского – Миллера, так сказать, *cum grano salis*, с самого начала поверяя их традиционной психологией и преобразуя в соответствии со своим психологическим «символом веры». Большинство ведущих психолингвистов Европы развивали концепцию Хомского – Миллера в общем в сходном направлении – «психологизации» и «социологизации»» [Слобин, Грин 1976: 6].

Сторонниками европейской ветви психолингвистики второго поколения были английские исследователи П. Уотсон, Дж. Джонсон-Лейрд, Дж. Грин, Дж. Мортон, Дж. Маршалл и др. Взгляды этих ученых отличаются от взглядов американских «классиков»: они вышли за пределы предложения – в текст, однако сосредоточились либо на восприятии языковых средств связи предложений, либо на «психологической реальности» логических структур.

Третье поколение и современные направления

Касательно третьего поколения психолингвистики точки зрения ученых различаются: современные исследователи связывают её появление с именами следующих французских ученых и исследователей: Поль Фресс и Жан Пиаже; а другой круг исследователей – с именами американских исследователей: Джеймс Верч и Джером Брунер.

Третий этап развития дисциплины характеризуется критикой идеи врожденных структур и поворотом к коммуникативной и социальной природе языка. Представители этого направления (Дж. Верч, Дж. Брунер, Т. Слама-Казаку, Р. Ромметвейт) рассматривают высказывания не изолированно, а в контексте реального общения, памяти и мышления. Во Франции развитие этого направления связано с именами П. Фресса и Ж. Пиаже, которые интегрировали психолингвистику в когнитивную психологию.

Психолингвистика во Франции возникла в 1963 г. с выходом в свет книги «Проблемы психолингвистики». Французская психолингвистика появилась на базе социологической школы французской психологии. Основателями французской психолингвистики стали вышеописанные ученые Поль Фресс и Жан Пиаже, а по мнению А.А. Леонтьева – французский исследователь Жорж Нуазе [Глухов 2005: 39].

Ж. Нуазе полагал: «специфические психолингвистические операции имеют как когнитивную, так и коммуникативную природу. Они приобретают когнитивный характер, практически реализуясь в общении, взаимодействии, речевом воздействии. Ж. Нуазе и его сторонник Ж. Мелер считают психолингвистику частью **когнитивной психологии**» [Глухов 2005: 39].

Нельзя оставить без внимания тот факт, что «психолингвисты третьего поколения критически относятся к концепции Н. Хомского о роли врожденных универсальных языковых структур в формировании языковой способности человека» [Леонтьев 1997: 20]. Так, Даниэль Дюбуа – психолингвист, яркий представитель третьего поколения, отмечает: «Язык не должен рассматриваться как формальный объект, одинаковый для всех человеческих существ, но как

объект социальный и исторически детерминированный» [Dubois 1975]. В 1975 г. Р. Ромметвейт, – норвежский психолингвист, критиковал психолингвистов второго поколения по той причине, что «они берут высказывания как бы в вакууме», и подчеркивал, что психолингвистика должна прежде всего изучать «...высказывания, включенные в коммуникативные окружения» [Ромметвейт 1972: 72].

Таким образом, представители третьего поколения психолингвистики отказались от изоляционистской парадигмы школы Н. Хомского, сосредоточив внимание на исследовании более комплексного контекста, включающего мышление, коммуникацию и память. Их научные труды заложили основу для формирования теоретической базы когнитивной психологии, став важным этапом в эволюции междисциплинарных подходов к языку и сознанию [Леонтьев 1997: 20-21].

Несмотря на то, что психолингвистика как дисциплина не имеет четкого отчетливого генеративного трансформационного подхода к изучению лингвистики, она, тем не менее, представляет лучшую картину и расширяет сферу изучения языка в целом.

В последние годы психолингвистика быстро развивалась и расширилась в несколько субдисциплин, как указано в Chaer (2015), а именно:

1. Теоретическая психолингвистика, которая сосредоточена на теориях языка, относящихся к человеческим психическим процессам в языке, таким как фонетика, дикция, синтаксический дизайн, дискурс и интонация;
2. Психолингвистика развития. Связана с усвоением языка, как с усвоением первого языка (L1), так и второго языка (L2). Она изучает фонологические, семантические и синтаксические процесс усвоения поэтапно, постепенно и комплексно;
3. Социальная психолингвистика, связанная с социальными аспектами языка, включая социальную идентичность;
4. Образовательная психолингвистика, которая рассматривает общие аспекты формального образования в школе, включая роль языка в обучении

чтению, преподаванию навыков и улучшении языковых способностей для выражения мыслей и чувств;

5. Нейропсихоллингвистика сосредоточилась на взаимосвязи между языком, производством языка и человеческим мозгом. Эксперты по неврологии проанализировали биологическую структуру мозга и рассмотрели, что происходит с входным языком и как программируется и настраивается в мозге вывод языка;

6. Экспериментальная психоллингвистика охватывала и экспериментировала во всех производствах языка и языковых действиях, языковом поведении и результатах языка;

7. Прикладная психоллингвистика занималась применением результатов шести субдисциплин психоллингвистики, объясненных ранее, в определенных областях, которые этого требуют, включая психологию, лингвистику, изучение языка, неврологию, психиатрию, коммуникации и литературу.

Психоллингвистика изучает психологические и неврологические механизмы усвоения, восприятия и порождения речи [Altmann 2001: 1]. В основном из-за отсутствия связных данных о том, как функционирует человеческий мозг, современные исследования используют биологию (естественную науку, занимающуюся изучением жизни и живых организмов), нейронауку (научное исследование того, как информация, касающаяся таких способностей, как восприятие, язык, рассуждение и эмоции, представляется и преобразуется в нервной системе или мозге человека или другого животного), лингвистику и теорию информации (раздел прикладной математики и электротехники, включающий количественную оценку информации).

Таким образом, психоллингвистика занимается исследованием ментальных аспектов языка и речи, и в основном способами, которыми язык представляется и обрабатывается в мозгу. Проще говоря, это изучение взаимосвязи между человеческим языком и человеческим разумом. В психоллингвистике изучаются три важных процесса: 1) производство языка, 2) понимание языка и 3) усвоение языка.

Для изучения того, как мозг обрабатывает язык, существует ряд субдисциплин с неинвазивными методами изучения неврологической работы мозга, например, нейролингвистика, которая стала самостоятельным направлением. Психоллингвистика же охватывает когнитивные процессы, которые позволяют генерировать грамматически правильные и осмысленные предложения из словарного запаса и грамматической структуры, а также процессы, которые позволяют понимать высказывания, слова, тексты и т.д.

1.2. Основные направления психоллингвистических исследований в трудах зарубежных, советских (российских) и региональных ученых

В данном разделе опишем направления исследований различных школ в мировой психоллингвистике.

Американская психоллингвистика

Американские психоллингвисты, как отмечалось выше, в основном изучают взаимосвязь между языком и психологией, а также то, как люди изучают и используют язык. Среди известных психоллингвистов следует назвать Н. Хомского, Дж. Лакоффа, С. Пинкера и др.

Джордж Лакофф внес вклад в когнитивную лингвистику и роль метафоры в языке, Стивен Пинкер, в свою очередь, хорошо известен своими исследованиями языкового инстинкта и развития языка. Рассмотрим подробнее исследования этих ученых.

Как было кратко отмечено при описании второго поколения психоллингвистики, центральной фигурой американского направления стал Н. Хомский. Остановимся на его идеях и идеях его последователей более подробно. Отметим, это – американский лингвист, основатель теории генеративной лингвистики, считает, что у людей есть врожденная способность изучать язык. Он считает, что язык является частью когнитивных способностей человека, а не просто инструментом для передачи информации.

Джордж Лакофф, как важный представитель когнитивной лингвистики, подчеркивает когнитивную основу языка и считает, что между языком и мышлением существует тесная связь. Он считает, что сравнения и метафоры в языке являются важными компонентами человеческого познания и могут использоваться для объяснения и понимания мира.

Стивен Пинкер – канадско-американский психолог, автор книги «Язык как инстинкт» (1994 г.) считает, что язык – это инстинкт человека, который развился в ходе естественного отбора. Он изучает влияние языка на мышление и процесс развития языка у детей [Pinker 1994].

Томас Сковел изучает психологические механизмы в процессе изучения иностранного языка и подчеркивает индивидуальные различия в изучении языка. Его «Психолингвистика» – базовый учебник, в котором подробно разбираются психологические механизмы усвоения языка и индивидуальные различия (возраст, эмоции, тревожность) [Scovel 1998]. В другой своей книге он исследует механизмы изучения иностранного языка и то, как биологические и психологические факторы влияют на этот процесс [Scovel 1988].

Следует упомянуть и Зигмунда Фрейда, который также оказал влияние на развитие психолингвистической теории. Хотя Фрейд не был психолингвистом в современном понимании, его психоаналитическая теория оказала огромное влияние на изучение речевых ошибок и связи языка с бессознательным. В своем труде «Психопатология обыденной жизни» Фрейд вводит понятие «оговорок» (так называемые *Freudian slips*). Он доказывает, что речевые ошибки, забывание слов и опiski не случайны, а являются прорывом бессознательных мыслей и подавленных желаний в сознательную речь [Фрейд 2023]. Интересно отметить также его раннюю работу «К пониманию афазий», посвященную речевым расстройствам и неврологическим механизмам языка [Freud 1891]. Его психоаналитическая теория, таким образом, исследовала связь между языком и бессознательным.

Безусловно, американские ученые внесли огромный вклад в становление и развитие психолингвистики как научной дисциплины, но следует отметить, что

помимо вышеперечисленных ученых, есть другие школы и исследователи – европейские (рассмотренные выше), российские, региональные, чья роль весома и значима.

Советская и российская психоллингвистика

Отечественная (советская, а затем российская) психоллингвистика, сформировавшаяся как самостоятельная дисциплина к середине 1960-х годов, пошла по уникальному пути. Её фундаментом стала **теория речевой деятельности (ТРД)**, разработанная Алексеем Алексеевичем Леонтьевым на базе культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1965, Леонтьев 1967, Леонтьев 1969b].

На становление российской психоллингвистической парадигмы речевой деятельности также оказал воздействие И.А. Бодуэн де Куртенэ. Эту парадигму нельзя рассматривать в отрыве от человека – носителя языкового мышления: «Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а лишь люди, которые одарены языковым мышлением» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 19].

С точки зрения И.А. Бодуэна де Куртенэ: «общество является важным условием для развития психики человека». Эта мысль о речевой деятельности как деятельности языкового коллектива восходит к лингвистам Г. Штейнталю и В. фон Гумбольдту, однако, следует отметить, что в позиции Бодуэна де Куртенэ наблюдается одно серьезное отличие. С позиции В. фон Гумбольдта: «язык – психическая и метафизическая духовная сущность», для Г. Штейнталья «язык психичен», для И.А. Бодуэна де Куртенэ: «язык как психичен, так и социологичен»: «В языковом отношении индивидуум может развиваться только в обществе; но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю»; «...О развитии языковых особенностей можно говорить только у индивидуума» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 208]. Следовательно, А.А. Леонтьев отметил: «Бодуэн не сумел приложить к конкретным психологическим проблемам выдвинутый им в общем плане тезис о том, что психичность как продукт мозга есть закономерная качественная ступень

эволюционного развития человека» [Леонтьев 1963: 10]. Однако именно данное утверждение оказало большое конструктивное влияние на развитие психологических представлений в лингвистике [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 44].

Еще одной яркой личностью, внесшим огромный вклад в развитие советской психолингвистики, считается Лев Владимирович Щерба. Он является одним из основателей советской лингвистической школы, проявившим существенное влияние на развитие лингвистики в целом, а его труды создали теоретическую основу для психолингвистических исследований. Его основополагающая работа «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974] оказала большое влияние на становление и развитие психолингвистической парадигмы.

Особенно важно его внимание к изучению связи языка и сознания, что стало ключевым моментом в дальнейшем развитии психолингвистики. Его концепция значимости и контекста в языке, а также идея о динамичности и изменчивости языковой системы, стали базой для многих концепций, которые позже были развиты в психолингвистике, в частности, в теории языковой деятельности.

А.А. Леонтьев, которого называют «отцом российской психолингвистики», определял ее предмет как «соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной "образующей" образа мира человека, с другой» [Леонтьев 1969b: 110]. «Именно поэтому в СССР в качестве синонима термину «психолингвистика» долго употреблялось выражение «теория речевой деятельности»», – отмечал А.А. Леонтьев [Леонтьев 1997: 7]. Круг его исследований огромен, но основные его работы посвящены изучению механизмов порождения и восприятия речи, ТРД, межкультурной коммуникации, языковом сознании и другим вопросам, связанным с психолингвистикой.

Советская психолингвистика также включала исследования вероятностной структуры речевых процессов (Р.М. Фрумкина), вербальных ассоциаций (А.П.

Клименко, А.А. Залевская), развития детской речи (А.М. Шахнарович) и психолингвистика текста (Т.М. Дридзе). Эти направления способствовали углубленному пониманию механизмов речевой деятельности и ее связи с мышлением и сознанием.

В постсоветский период российская психолингвистика расширила свои горизонты, интегрируя новые направления, такие как фоносемантика, этнопсихолингвистика, теория речевого сознания и др.

Большую роль в развитии исследуемой области играет создание Московской психолингвистической школы (МПШ), которая объединила в своих рядах выдающихся представителей научного сообщества (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин), сосредоточившаяся на проблемах языкового сознания, межкультурной коммуникации и этнопсихолингвистики.

Продолжая традиции ТРД, МПШ сосредоточилась на исследование следующих вопросов, которых огромное количество, укажем лишь основные: речевая деятельность с различных позиций, связь языка с мышлением и сознанием, смысловое восприятие текста, межкультурная коммуникация, психолингвистика текста, процессы порождения и восприятие речи и многое другое.

МПШ прошла большой и тернистый путь в процессе своего развития. В настоящее время она представляет многочисленные научные направления и центры, а также важные результаты теоретического и прикладного значения [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 8].

Параллельно развивалась Петербургская (Ленинградская) школа, основателями которой стали Л.В. Сахарный и А.С. Штерн. По мнению ученого В.Я. Шабеса: «Если с Пермью связано становление Л.В. Сахарного как ученого, то с Петербургом – научная зрелость крупного российского ученого-психолингвиста. Леонида Владимировича можно смело назвать одним из основателей отечественной психолингвистики» [Шабес и др. 2006].

Л.В. Сахарному принадлежит первый в России учебник «Введение в психолингвистику» [Сахарный 1989], А.С. Штерн, в свою очередь, написала

научный труд «Перцептивный аспект речевой деятельности», в котором рассматриваются общие и специфические закономерности перцептивной деятельности человека на материале разных языков [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 81].

Совместные исследования восприятия текста и набора ключевых слов этих выдающихся ученых внесли значительный вклад в науку. Организация ежегодных научных семинаров и симпозиумов, международных конференций, которые проводили Л.В. Сахарный и А.С. Штерн, также способствовали развитию и продвижению психолингвистики. При кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета в 1980-х гг. был организован межвузовский психолингвистический семинар. Инициатива создания этого семинара была реализована при поддержке Ю.С. Маслова, сыгравшего ключевую роль в становлении и развитии исследуемой области. И как аргументированно заметила профессор Т.В. Ахутина: «в то время разделения школ не было, в стране сформировалось новое научное направление – психолингвистическое» [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 81]. В числе участников семинара были видные ученые и специалисты изучаемой области: М. Шахнарович, Т.В. Черниговская, В.А. Ковшиков и т.д.

В настоящее время традиции этой школы продолжает Т.В. Черниговская, возглавляющая Институт когнитивных исследований СПбГУ и изучающая нейрофизиологические основы языка. Крупные центры также функционируют в Саратове (К.Ф. Седов, И.Н. Горелов), Твери (А.А. Залевская), Уфе (Т.М. Рогожникова) и других городах.

Необходимо подчеркнуть, что многообразие определений предмета психолингвистики, представленных в научной литературе, объясняется ее междисциплинарной природой. В качестве её объекта рассматривается «совокупность речевых событий или речевых ситуаций». Этот объект – общий у психолингвистики с лингвистикой и другими «речеведческими» науками [Леонтьев 1997: 6].

Развитие психолингвистики в Китае и центральноазиатском регионе

Особый интерес для нашего исследования представляет развитие психолингвистики в странах Центральной Азии и Китае, где, как и в Таджикистане, актуальны вопросы билингвизма и этнокультурной специфики языкового сознания.

Следует отметить, что, в целом, в Азии психолингвистика – это область исследований, которая имеет богатую и плодотворную историю, поскольку язык и психология изучались учеными и мыслителями на протяжении веков.

Многие азиатские цивилизации, включая Индию, Китай и Японию, проводили глубокие исследования языка и психологии, начиная с древних времен. Различные философские, религиозные и социальные факторы повлияли на развитие психолингвистики в этих странах. Существует значительный интерес к пониманию отношений между языком и разумом, включая процессы усвоения, интерпретации и производства языка. В арабской лингвистической традиции были интересные исследования, которые проливают свет на некоторые психолингвистические (фоносемантические) особенности таджикского языка (подробно об этом в разделе 1.5.)

В **Китае** психолингвистика также имеет глубокие корни. Китайские исследователи сосредоточены на изучении китайского языка и того, как язык влияет на мышление и сознание в китайской культуре. Значительную роль в развитии психолингвистики в Китае занимает Китайская ассоциация психолингвистики (CAP) – это некоммерческая академическая организация, добровольно созданная исследователями из колледжей, университетов и научно-исследовательских институтов страны, которые используют экспериментальные парадигмы для проведения психолингвистических исследований [Dong Yanping 2009: 2-11].

Благодаря поддержке данной организации регулярно проводятся академические конференции высокого уровня для обмена результатами исследований в исследуемой области.

Классиком направления считается Гуй Шичунь (Gui Shichun), выдающийся китайский лингвист, заложивший основы экспериментальной психолингвистики. Его известные труды по психолингвистике [Gui Shichun 1985], и особенно по экспериментальной лингвистике [Gui Shichun 1991], представляют собой весомый вклад в китайскую психолингвистику, они заложили методологическую базу для изучения ментальных процессов речи. «Экспериментальная психолингвистика» стала одной из первых в Китае, систематизировавших методы **экспериментального исследования** в области языка. В своем труде он:

1. Рассматривает методологию – использование статистических методов и экспериментального дизайна для изучения процессов восприятия и производства речи.

2. Анализирует психологию обучения, книга тесно связана с исследованиями Гуй Шичуня по психологии китайских студентов, изучающих английский язык.

3. Развивает дисциплину – работа заложила фундамент для перехода китайской лингвистики от чисто описательных методов к эмпирическим и доказательным.

Этот труд часто цитируется в исследованиях, посвященных тестированию языковых навыков и когнитивным механизмам овладения вторым языком [Gui Shichun 1991].

Среди китайских исследователей особое место занимают труды **Ван Фусяна**. Он известный китайский лингвист, чьи работы часто пересекаются с теорией текста и пониманием скрытых смыслов, что близко к психолингвистике [Ван Фусян 1989; 2007].

Современные китайские ученые (**Донг Яньпин, Шу Хуа**) активно исследуют когнитивные процессы чтения и билингвизма. Исследования Донга Яньпина охватывают области психолингвистики, нейролингвистики, изучения

усвоения второго языка и переводческой практики, при этом большая часть исследований посвящена психолингвистике билингвизма, включая представление, обработку, взаимодействие, развитие и контроль двух языков – обычного билингва и переводчика [Dong Yanping 2009].

Шу Хуа занимается изучением чтения и ментальных процессов [Shu Hua 2003].

Необходимо добавить, что современные китайские исследования часто фокусируются на нейролингвистике (обработка тонов и иероглифики мозгом) и процессах чтения, что отличает их от европейских алфавитных исследований [Peng Danling 2012].

В современную эпоху азиатские исследователи продолжают проводить исследования по психолингвистике, уделяя особое внимание таким аспектам, как язык и культура, влияние языка на мышление и связь языка с психическим здоровьем.

Следует отметить следующие важные факторы, лежащие в основе исследований:

- Психолингвистика сосредоточена на механизмах, с помощью которых дети усваивают язык, и на том, как они адаптируются к различным правилам грамматики; изучение того, как понимается язык и как люди интерпретируют значение через язык;
- Психолингвистика помогает понять, как язык влияет на азиатскую культуру и как язык может отражать культурные ценности и убеждения;
- Психолингвистика играет важную роль в разработке программ языкового образования, поскольку она может помочь понять различные потребности учащихся и как эффективно направлять их образование;
- Психолингвистика может помочь улучшить коммуникацию между людьми с разным языковым происхождением, улучшая межкультурное сотрудничество и взаимопонимание; изучение взаимосвязи между языком и психическим здоровьем может помочь разработать новые методы лечения

языковых расстройств, таких как нарушения артикуляции и языковые расстройства, возникающие в результате травм головного мозга [Dong Yanping 2009: 2-11].

В Казахстане психолингвистика развивается очень активно, особенно в направлениях ассоциативных экспериментов и билингвизма, там активно развивается этнопсихолингвистическое направление. Один из ключевых современных исследователей – Н.В. Дмитриук известна работами по проблемам языкового сознания и составлением ассоциативных словарей (казахско-русских) [Дмитриук 2014]. Ее работы методологически близки к Московской психолингвистической школе.

А.К. Шаяхметова исследует психолингвистические аспекты билингвизма и особенности русской речи двуязычных носителей [Шаяхметова 2013; 2014]. Ж.К. Ибраева и Б.Х. Хасанов занимаются вопросами социального и индивидуального билингвизма и усвоения второго языка, что создает важный контекст для сопоставительных исследований в регионе [Ибраева 2012, Хасанов 1987].

В Кыргызстане фундаментальные вопросы понимания текста (теория понимания и восприятия) разрабатывались А.А. Брудным (1932–2011). Выдающийся ученый жил и работал в Бишкеке, его труды по **психологии понимания** и герменевтике являются классикой постсоветской науки (например, книга «Психологическая герменевтика») [Брудный 1998].

Современные ученые, такие как К.З. Зулпукаров, Б.Е. Дарбанов и В.Б. Суркеева, авторы современной монографии «Психолингвистические модели и теории восприятия речи в условиях кыргызско-русского билингвизма» (ОшГУ), исследуют модели восприятия речи в условиях кыргызско-русского двуязычия [Зулпукаров и др. 2023].

В Узбекистане классиком узбекской психологии М.Г. Давлетшиным были заложены примеры ранних экспериментальных исследований в регионе, а также основы психологии речи [Давлетшин 1971; 2002], а современные исследователи, например, А. Таджибаева, автор комплексного обзора «Проблемы психолингвистического исследования узбекского языка» ведут работу по

комплексному анализу психолингвистических проблем узбекского языка. В работе рассматриваются когнитивные процессы понимания и усвоения языка в контексте узбекской культуры [Таджибаева 2023].

Обзор направлений исследований стран Центральной Азии ясно показал, что вопросы психолингвистики и билингвизма активно разрабатываются в регионе. Фундаментальные труды по этнопсихолингвистике и языковому сознанию созданы казахстанскими учеными (Н.В. Дмитриук, А.К. Шаяхметова) [Дмитриук 2014; Шаяхметова 2014]. В кыргызском языкознании значительное внимание уделяется процессам восприятия речи в условиях двуязычия (К.З. Зулпукаров, Б.Е. Дарбанов, В.Б. Суркеева) [Зулпукаров и др. 2023], а также проблемам понимания текста (А.А. Брудный) [Брудный 1998]. Эти исследования создают необходимый научный контекст для анализа психолингвистических особенностей в таджикской среде.

Для полного понимания сути психолингвистических исследований, в том числе экспериментальных, остановимся на методах исследования.

1.3. Методы психолингвистики

Самое общее определение термину «метод» приводится в монографии А.А. Леонтьева: это «совокупность приёмов и операций познания и практического преобразования действительности» [цит. по Горский 1991: 105]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» проводится четкое разграничение: с одной стороны, это общие методы (обобщённые совокупности теоретических установок, связанные с общей методологией), с другой – частные методы, представляющие собой техническое средство или инструмент для исследования конкретного аспекта языка [ЛЭС 1990].

Важно также разграничивать метод и методику. По мнению А.А. Леонтьева, «методика – это определенный вариант того или иного метода, направленный на решение определенного класса исследовательских задач» [Леонтьев 1997: 31]. В целом, науке известны три уровня методов: общие (сравнение, анализ, синтез),

общенаучные (наблюдение, эксперимент) и частные (например, сравнительно-исторический в лингвистике).

Отечественные исследователи В.П. Глухов и В.А. Ковшиков предлагают классифицировать методы психолингвистики, объединяя их в четыре функциональные группы:

1. *Организационные* (сравнительный, лонгитюдный, комплексный);
 2. *Эмпирические* (наблюдение и различные виды эксперимента);
 3. *Обрабатывающие* (методы математической и статистической статистики);
 4. *Интерпретационные* (структурный и генетический анализ)
- [Ковшиков, Глухов 2007: 17].

Среди специфических психолингвистических приемов А.А. Леонтьев выделяет так называемые *прямые методики*. Интересным примером такого подхода является «семантический интеграл», разработанный В.И. Батовым и Ю.А. Сорокиным. В рамках этой методики в качестве экспериментального материала выступают целые тексты, а основная цель заключается в установлении авторства текста и соотнесении его с психотипом конкретного писателя [Леонтьев 1997: 84].

Однако центральное место в арсенале эмпирических исследований занимает психолингвистический эксперимент, который позволяет не просто наблюдать за речью, но и выявлять скрытые механизмы речепознавательных процессов.

1.3.1. Метод психолингвистического эксперимента

Впервые в российской науке вопрос о необходимости эксперимента поставил И.А. Бодуэн де Куртенэ в 70-е годы XIX века. Впоследствии эту идею развил Л.В. Щерба, считавший принцип эксперимента важнейшим условием для проникновения в суть речевой деятельности. Он справедливо отмечал, что «отвлеченная система, построенная на фактах языкового материала, должна быть

проверена на новых фактах, а это возможно при помощи эксперимента» [Щерба 1974].

Эксперимент признан наиболее объективным исследовательским методом, однако в психолингвистике он обладает существенной спецификой. Как подчеркивает А.А. Леонтьев, в реальной жизни говорящий находится в постоянном, неразрывном взаимодействии с миром и контекстом. Психолингвистический же эксперимент «направлен на то, чтобы поставить испытуемых в ситуацию (управляемого) выбора и принятия решения. Исследователи оставляют неизменными все факторы, кроме того единственного, который и является предметом исследования» [Леонтьев 1967: 80].

Эксперимент является краеугольным камнем дисциплины. Л.В. Сахарный утверждал, что «психолингвистика – это, прежде всего, экспериментальная наука» [Сахарный 1991: 88]. Тем не менее, исследователь Р.М. Фрумкина предупреждает о терминологической размытости: часто лингвисты называют экспериментом то, что по сути является простым наблюдением над текстом. Настоящий же экспериментальный метод требует управления условиями, где информантом выступает человек – носитель языка [Фрумкина 2002: 17].

Сложность заключается в том, что экспериментатор не может напрямую наблюдать процедуры речемыслительной деятельности, протекающие в сознании (и подсознании) испытуемого. В науке эта проблема описывается базовой схемой: $S \rightarrow [\text{Черный ящик}] \rightarrow R$, где S (стимул) – это предъявляемый материал, R (реакция) – ответ респондента, а «черный ящик» символизирует непостижимые внутренние когнитивные процессы человека [Ягунова 2005: 12]. Для изучения речевой деятельности доступен лишь анализ соотношения структуры входных данных (стимулов) и выходных значений (реакций).

Разнообразие исследовательских задач диктует использование различных экспериментальных методик, среди которых исторически доминируют ассоциативные методы и методы семантического шкалирования.

Ассоциативный эксперимент (АЭ). Как подчеркивает Ю.Н. Караулов, в ассоциативном эксперименте «слово-стимул выступает как толчок, запускающий

процесс активации в нейронной сети и приводящий в предречевую готовность значительный ее участок» [Караулов 1993: 250]. Реакции, полученные от респондентов, дают возможность анализировать, какие семантические связи оказались для них наиболее значимыми. Совокупность множества ассоциативных реакций фиксируется в специальных тезаурусах (например, «Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова), формируя ассоциативные нормы языка.

Выделяются три основные разновидности АЭ:

- *Свободный АЭ* – респондентам не ставится никаких ограничений на выбор реакций; это позволяет вскрыть объективно существующие семантические поля.
- *Направленный АЭ* – респонденту задаются ограничения (например, ответить только прилагательным или антонимом).
- *Цепочечный АЭ* – респонденту предлагается выдать на один стимул серию реакций за ограниченное время.

Метод семантического дифференциала. Одной из самых известных и высокоточных разновидностей направленного эксперимента является методика семантического дифференциала, разработанная в 1955 году группой ученых во главе с Чарльзом Осгудом [Osgood, Suci, Tannenbaum 1957].

Семантический дифференциал (СД) – это измерительная шкала, созданная для оценки субъективного, эмоционального восприятия человеком объектов, концептов или событий. Респондентам предлагается оценить стимул по набору биполярных шкал, заданных антонимичными прилагательными (например: «хороший – плохой», «сильный – слабый», «активный – пассивный»). Оценки обычно выставляются по пяти- или семибалльной системе, формируя профиль позиции субъекта в многомерном семантическом пространстве.

Ключевым открытием Ч. Осгуда стало выявление трех универсальных факторов, определяющих аффективное значение любого понятия:

1. **Оценка (Evaluation)** – привлекательность или отторжение объекта (хороший-плохой).

2. **Сила** (Potency) – мощь, влияние (сильный-слабый).
3. **Активность** (Activity) – динамичность, изменчивость (быстрый-медленный).

Эти три фактора, подтвержденные независимым факторным анализом, делают метод СД мощным инструментом, который позволяет не только выявлять скрытую эмоциональную окраску, но и строить точные математические модели смысловых отношений. Данный метод признан наиболее надежным и обоснованным для измерения коннотативных значений, что обусловило его широкое применение в фоносемантике для оценки звукосимволизма.

Невзирая на определенные трудности в интерпретации данных, экспериментальные методы остаются неотъемлемой частью психолингвистики. Они предоставляют уникальную возможность объективно верифицировать теоретические гипотезы и выявлять национально-культурную специфику языкового сознания, недоступную для традиционного лингвистического наблюдения.

В следующем разделе рассмотрим современные центры исследований на стыке лингвокогнитивистики и психолингвистики, один из которых функционирует в Таджикистане.

1.4. Взаимосвязь психолингвистики и когнитивной науки: современные научные центры

На современном этапе развития науки грань между психолингвистикой и когнитивистикой становится все более условной. Если классическая психолингвистика фокусировалась на речевой деятельности (процессах порождения и восприятия высказывания), то когнитивная лингвистика изучает язык как «окно» в человеческое сознание, как механизм обработки, категоризации и хранения знаний. Их интеграция привела к формированию когнитивной психолингвистики, исследующей ментальные процессы и структуры знаний, стоящие за речевыми актами.

Важно отметить, что данная интеграция обусловлена утверждением в современном языкознании **антропоцентрической парадигмы**, где в центре внимания находится человек говорящий и мыслящий. Язык перестает рассматриваться как замкнутая знаковая система («вещь в себе», по Ф. де Соссюру) и начинает интерпретироваться как когнитивная способность, неразрывно связанная с памятью, вниманием, восприятием и мышлением. В этом контексте психолингвистика переходит от анализа линейных процессов речи к исследованию **языкового сознания** – совокупности ментальных образов и концептов, которые формируют картину мира носителя языка и определяют его речевое поведение.

Ключевой точкой соприкосновения двух дисциплин становится проблема **экспериментальной верификации знаний**. Если когнитивная лингвистика моделирует концепты и фреймы, опираясь преимущественно на логико-семантический анализ и интроспекцию, то психолингвистика предоставляет строгий инструментарий для проверки этих теоретических моделей. С помощью ассоциативных экспериментов, методов семантического шкалирования и анализа реакций (в том числе, фоносемантических) становится возможным реконструировать реальную, а не умозрительную организацию **ментального лексикона**. Таким образом, психолингвистические методы придают когнитивным исследованиям объективную эмпирическую базу, доказывая психологическую реальность лингвистических гипотез.

Такое сближение открывает принципиально новые перспективы для исследования **национально-культурной специфики**. Когнитивно-психолингвистический подход позволяет рассматривать язык как форму хранения коллективного опыта народа, закрепленного в семантике слов, метафорах и даже в звуко-символических ассоциациях. Это особенно актуально для сопоставительных исследований (в частности, на материале таджикского и русского языков), поскольку позволяет выявить не только поверхностные языковые различия, но и глубинные расхождения в способах концептуализации

действительности, что является фундаментом для понимания процессов межкультурной коммуникации и билингвизма.

Таким образом, в постсоветский период психолингвистика расширила свои границы, интегрируясь с когнитивной наукой, этнопсихолингвистикой и культурологией.

Ведущую роль в интеграции этих дисциплин в России играет Санкт-Петербургская научная школа под руководством профессора **Татьяны Владимировны Черниговской**. Являясь признанным специалистом в области нейронаук и теории сознания, Т.В. Черниговская стала инициатором институционализации когнитивных исследований в СПбГУ.

Развитие этого направления в Санкт-Петербурге прошло несколько этапов. В начале XXI века (2003 г.) была открыта лаборатория для экспериментальных исследований речи. Со временем инициативы Т.В. Черниговской и Л.В. Сахарного трансформировались в полноценные образовательные программы магистратуры и аспирантуры. Логическим итогом стало создание в 2020 году Института когнитивных исследований СПбГУ.

Петербургская школа фокусируется на широком круге междисциплинарных проблем: от ментального лексикона и механизмов чтения до нейрофизиологических основ билингвизма. Среди видных представителей и учеников этой школы можно отметить Н.А. Слюсарь, Т.И. Ерофееву, а также исследователей, работающих в международном пространстве (например, Е.Ю. Протасову в Хельсинки).

Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, психолингвистика активно развивается в региональных научных центрах России, каждый из которых имеет свою специфику:

- **Тверская школа** (А.А. Залевская, Е.Ю. Мягкова) – фундаментальные исследования ментального лексикона и понимания текста.
- **Уфимская школа** (Т.М. Рогожникова) – изучение ассоциативных структур и динамики языкового сознания.

- **Саратовская школа** (К.Ф. Седов, И.Н. Горелов, Л.П. Прокофьева) – онтолингвистика и, что важно для нашего исследования, вопросы фоносемантики.
- **Пермская и Воронежская школы** (С.С. Шляхова, И.А. Стернин) – проблемы региональной лингвистики и языкового сознания.

Важно отметить, что российская психоллингвистика интегрирована в мировой контекст. Ряд исследователей продолжает активную работу в зарубежных университетах, сохраняя связь с отечественной традицией (И.Э. Клюканов в США, Е.Ю. Протасова в Финляндии и др.).

В **Республике Таджикистан** когнитивное и этнопсихоллингвистическое направление успешно развивается в рамках научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан» (РТСУ). Особенностью таджикской школы является синтез когнитивного подхода с культурологическим анализом. Ученые данной школы (Д.М. Искандарова, М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, С.Г. Сабирова, З.А. Гулова, Х.Ё. Худоёров, Х.Х. Курбонова, М.Б. Разыкова, О.Л. Козлова и др.) исследуют концептуальную картину мира таджикского народа, анализируя такие базовые ментальные категории, как «Толерантность», «Судьба», «Вежливость», «Пространство» и др. Эти исследования опираются на методологию Московской психоллингвистической школы и успешно применяют метод АЭ для анализа таджикской, памирской и др. лингвокультур. Они вносят существенный вклад в понимание специфики языкового сознания носителей таджикского языка и культуры. Подробный обзор исследований таджикских ученых приведем в следующем подразделе.

1.4.1. Исследования таджикских лингвокогнитивистов на основе ассоциативного эксперимента

Следует отметить, что в отечественном языкознании АЭ активно применяется и используется в научных трудах таджикских ученых. Одной из таких работ, которую мы ранее упоминали, является коллективная монография профессорско-преподавательского состава кафедры теоретического и

прикладного языкознания РТСУ «Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана» (лингвистические аспекты) [Искандарова и др. ... 2016]. В данной монографии исследуются проблемы мониторинга существующих стереотипов и толерантности в образовательной среде разных регионов Таджикистана на основе проведенного в вузах страны АЭ, а также вопросов, связанных с социоконьютингом и Интернет-толерантности.

Следует подчеркнуть, что данная монография была составлена под руководством известного ученого, д.ф.н., профессора Д.М. Искандаровой, которая стояла у истоков становления и развития прикладной лингвистики в РТ. Д.М. Искандаровой принадлежат ряд фундаментальных и важных исследований из различных областей лингвистики на таджикском, русском и английском языках [Искандарова и др. ... 2016].

К примеру, коллективное исследование в русле АЭ «Социально-лингвистические аспекты формирования таджикской национальной идентичности: результаты исследования студентов в Таджикистане» принадлежит ученым Д.М. Искандаровой, Х.Дж. Шамбезода, М.Б. Давлатмировой, О.В. Ладыгиной и Н.Н. Салихову. В статье исследуются социокультурные и социолингвистические проблемы таджикской национальной идентичности и отношения к разделению границ между «своими» и «ними» на основе анкетирования, проведенного в университетской среде Таджикистана. Опрос был проведен методом свободного АЭ, и его основная цель заключалась в отслеживании уровня толерантности и этнических стереотипов среди молодежи. Значимость статьи заключается в том, что полученные данные могут стать основой для создания этнопсихологического портрета молодого таджика, а также для дальнейшего междисциплинарного исследования этого понятия [Iskandarova et al. 2016].

Коллективная статья Д.М. Искандаровой, З.А. Гуловой, М.Б. Давлатмировой, Н.И. Каримовой, А.Ю. Фомина: «Мониторинг ассоциативного поля толерантности и прогнозирование проблем межэтнических взаимоотношений: анкетирование в университетской среде Таджикистана». В

статье освещены основные аспекты толерантности, классифицированы основные подходы и методологии научных исследований в этой области, а также проанализированы результаты АЭ, проведенного в студенческой среде Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова (Согдийская область, Таджикистан), направленного на мониторинг и исследование уровня толерантности молодежи. Мониторинг уровня толерантности студентов во взаимодействии культур позволяет исследовать проблемные области, ввести корректирующие меры, направленные на уменьшение количества студентов, отрицательно относящихся к межкультурному взаимодействию и повышению уровня их толерантности [Iskandarova et al. 2015].

Следующее коллективное исследование с использованием АЭ принадлежит ученым М.Б. Давлатмировой, Д.М. Искандаровой и Н.И. Каримовой: «Отражение национально значимых элементов макроконцепта СУДЬБА в таджикской и памирской лингвокультурах: результаты анкетирования в университетской среде Таджикистана». В статье проводится классификация, анализируются результаты АЭ на слова-стимул «судьба», проведенного в студенческой среде Таджикистана с целью выявления национально значимых элементов макроконцепта СУДЬБА в таджикской и памирской лингвокультурах на материале анкетирования [Давлатмирова и др. 2016].

В своей диссертационной работе «Вербализация макроконцепта Судьба в языковом сознании носителей таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков Давлатмирова М.Б. использует метод свободного АЭ для глубинного анализа восприятия исследуемого макроконцепта. Это исследование сосредоточено на рассмотрение аспектов национально-специфического характера макроконцепта «Судьба» в исследуемых языках. Особое внимание уделяется исследованию данного макроконцепта в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом ключе, что дает возможность не только определить ментальное пространство носителей различных языков, но и обнаружить универсальные черты, общие для всех трех лингвокультур. Целью проведения АЭ стало выявление разнообразных ассоциаций, пословиц и поговорок, устойчивых

словосочетаний и т.п., характерных для трех исследуемых лингвокультур. Результаты эксперимента позволяют более точно определить, как национальные особенности отражаются в языке и мышлении носителей трех языков. Подобные сопоставительные исследования в таджикском языкознании ранее не проводились [Давлатмирова 2019].

Н.И. Каримова – учёный, который активно применяет АЭ в своих научных исследованиях. С результатами проведенных исследований по АЭ можно ознакомиться как в монографии Н.И. Каримовой «Концептуализация пространства в языковом сознании носителей русской, польской и таджикской лингвокультур (результаты ассоциативного эксперимента)», также в диссертационном исследовании «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)», в которых подробно описываются результаты анкетирования, проведенного среди студенческой молодежи, носителей русского, польского и таджикского языков. Анализ полученных реакций на предложенные слова-стимулы, являющиеся основными компонентами концепта «Пространство», позволил сформировать представление о пространстве и его восприятии студентами российских, польских и таджикских вузов. В ходе экспериментов было выявлено, что ассоциации, которые отражают понятие «Пространство» в языковом сознании носителей названных лингвокультур, описаны разными языковыми средствами как положительной, так и отрицательной оценки, распределенными по степени яркости и составившими ассоциативное поле концепта «Пространство». Следует отметить, что исследование является уникальным, поскольку в данной работе автором впервые комплексно анализируется концепт «Пространство» в различных аспектах, а также проводятся АЭ среди студентов РТ, Республики Польша и РФ [Каримова 2019].

Интересны и другие ее работы, к примеру: [Каримова 2016], [Каримова 2017], [Каримова 2018a], [Каримова 2018b], [Каримова 2019a], [Каримова 2019b], [Каримова 2019c].

Статья З.А. Гуловой «Ассоциативное поле «Таджик» в языковом сознании молодёжи», где в качестве методики исследования был выбран АЭ, является частью коллективной монографии. В статье с помощью вопросов: *Какой? Что любит? Что ненавидит? Что знает? Во что верит?* автор выявляет стереотипы таджиков глазами самих таджикистанцев из разных регионов (Бадахшан, восточный, северный, южный и центральный регионы). Хотелось бы добавить, что ранее подобные опросы не проводились в таджикоязычной аудитории, что обуславливает уникальность данного исследования. Результаты, полученные в ходе эксперимента, показали, что в языковом сознании молодежи Таджикистана термин «Таджик» – это верующий человек, любящий свою родину, гостеприимный, любящий национальную одежду и кухню, доверяющий конституции, знающий языки, культуру и историю своей страны и ненавидящий негативные понятия, а именно: ложь, войну и предательство [Искандарова и др. 2016: 17-41].

Следующая работа с использованием АЭ принадлежит исследователю Х.Ё. Худоёрову: «Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании», где выявляются специфики ассоциативных полей категории вежливости в таджикском и русском языках. В рамках диссертационного исследования автор провел свободный АЭ (анкетирование) в таджикской и русской аудиториях среди студентов РТСУ и РУДН. Работа уникальна тем, что впервые было проведено сопоставительное исследование ассоциативного поля вежливости в таджикском и русском языковом сознании на материале опроса среди студенческой молодежи разных вузов [Худоёров 2021].

Х.Х. Курбонова применила АЭ в своей статье «Концепт Сабр/Терпение в ассоциативном сознании таджикских и русских респондентов», которая составляет часть диссертационного исследования «Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах» [Курбонова 2021]. При анализе реакций свободно-направленного АЭ в студенческой среде были получены возможные коннотации и когнитивные блоки концепта Сабр/Терпение. Благодаря реакциям, полученным в

ходе эксперимента, были определены когнитивные признаки данного концепта, существенные как для носителей таджикского, так и для носителей русского языков, а также определен корпус языковых единиц лексического, фразеологического и синтаксического характеров, в которых объективируется анализируемый концепт в сопоставляемых лингвокультурах [Курбонова 2021].

О.Л. Козлова в своей статье «Ассоциативно-образные характеристики лингвокультурного типажа «Жена» (на материале реакций таджикских респондентов и национального корпуса таджикского языка) также применяет психолингвистический АЭ. В статье автор проводит описание ассоциативно-образного содержания лингвокультурного типажа «Жена» в таджикском языке. Анализ был осуществлен на материале реакций таджикских респондентов, полученных в ходе проведения психолингвистического АЭ среди студентов г. Душанбе, а также иллюстративные данные из Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ). В конце автор отмечает, что одним из «замечательных способов верификации языковых данных является анализ текстов из НКТЯ. Подобный анализ позволяет не только сравнивать данные, полученные другими путями, с материалами из корпуса, но и дополнять его, делая тем самым исследование глубже, а теоретические обобщения точнее» [Исследования по корпусной лингвистике... 2022].

Перечислить и проанализировать все имеющиеся публикации в данной области не представляется возможным. Однако следует отметить, что уникальность большинства этих исследований заключается в том, что данные работы являются первыми масштабными сопоставительно-психолингвистическими исследованиями в таджикоязычной аудитории, направленными на создание этнопсихологического портрета и анализ национального языкового сознания.

Обобщая результаты приведенных трудов, можно заключить: исследования таджикских ученых показали, что ассоциативные поля в таджикском языке имеют ярко выраженную национально-культурную специфику по сравнению с русским языком. Эта специфика проявляется в следующих аспектах:

1. **Традиционно-ценностная и религиозная ориентированность:** в таджикском языковом сознании абстрактные концепты и макроконцепты (такие как «Сабр»/Терпение, «Судьба», ЛКТ «Жена») тесно переплетены с традиционными восточными, семейными и религиозными ценностями. В русском языковом сознании аналогичные концепты зачастую объективируются через более светские или индивидуалистические ассоциации.

2. **Специфика этикетных и поведенческих стереотипов:** ассоциативные реакции молодежи (например, в концептах «Таджик» и «Вежливость») выявляют устойчивое ядро этнопсихологического портрета, где доминируют гостеприимство, глубокое уважение к старшим, патриотизм и приверженность национальному быту (кухня, одежда).

3. **Опора на фольклорный и паремиологический фонд:** ядро ассоциативных полей в таджикском языке во многих случаях формируется на базе пословиц, поговорок и устойчивых словосочетаний, что свидетельствует о непрерывной связи современного ментального пространства с народной мудростью.

4. **Различное структурирование когнитивных признаков:** при сопоставлении языкового сознания билингвов и монолингвов (в категориях «Пространство», «Толерантность») обнаруживается, что одни и те же когнитивные блоки объективируются разными лексико-фразеологическими средствами, отражающими уникальную ментальную матрицу носителей таджикской лингвокультуры.

Таким образом, метод АЭ позволил научно верифицировать и описать те уникальные черты таджикского менталитета, которые отличают его от русского языкового сознания в условиях межкультурной коммуникации.

1.5. Текст как продукт речевой деятельности и предмет изучения психолингвистики

Изучение языкового сознания, концептуальной картины мира и когнитивных процессов, о которых шла речь в предыдущих разделах, невозможно без обращения к конкретному материалу. Таким материалом выступает текст. Психолингвистика напрямую связана с речевой деятельностью (РД) человека, а текст является ее конечным продуктом и основным объектом анализа. С позиций психолингвистики текст исследуется не просто как набор предложений, а как сложное грамматико-семантическое единство, которое опосредует иные формы деятельности людей.

Следует напомнить, что в компетенцию психолингвистики входят процессы восприятия текста слушателем или читателем, они исследуют механизмы осмысления речевой формы, содержания и формирования общего смысла текста. В современной психолингвистике проблема текста, его свойств, статуса, внутренней и внешней структуры, механизмов построения и осознания, методов построения считается одной из основных и актуальных проблем. Это связано с тем, что без изучения существующих вопросов, которые влияют на вербальную коммуникацию, остаются нерешенными довольно много проблем как экспериментальной лингвистики, так и методики преподавания иностранных языков, психологии речи и т.д. [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 505].

В современной науке существует очень много интерпретаций и формулировок термина «текст», поскольку в каждой науке, к примеру, психолингвистике, лингвистике и т.д. анализ текста осуществляется с опорой на модели, релевантные конкретной области исследования. Это обусловлено особенностями и подходами каждой из наук. Также каждый ученый дает свое толкование данному термину. В нашей работе мы постарались обобщить эти многочисленные определения и привести самые подходящие (на наш взгляд) из них.

Основные разногласия в определении текста и его свойств возникают между лингвистическим и психолингвистическим подходами к тексту. В первом случае, при лингвистическом подходе, текстом считается только сознательно организованная речь. Также лингвистика текста изучает, как правило, развернутые тексты письменного литературного языка, которые обладают грамматической правильностью построения и большими размерами.

И.Р. Гальперин рассматривает текст «как упорядоченную форму коммуникации, лишенную спонтанности», и добавляет: «текст – это сообщение (произведение речетворческого процесса), объективированное в виде письменного документа, обладающее завершенностью, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющая определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. Иными словами, лингвистика идет от формы к значению.

В противовес этому, при психолингвистическом подходе, который включает неперенный учет фактора человека, создающего и воспринимающего текст, и фактор коммуникативной ситуации, в которой происходит общение, ни характер структуры текста, и даже ни его размеры не являются основополагающими факторами. Они характеризуют лишь тексты, созданные для определенных типов коммуникативных ситуаций: размер и структура текста не имеют значения.

Стоит учитывать тот факт, что психолингвистика в качестве материала исследования часто использует отрицательный языковой материал: тексты детской речи, тексты больных с афазией, тексты больных с шизофренией и т.п. Следовательно, «текст с позиции психолингвистики соотносится с категорией РД», – считал А.А. Леонтьев. Как отмечал основоположник отечественной школы А.А. Леонтьев, текст – это продукт речемыслительной деятельности людей и для его существования необходимы нормальные условия речевого общения. Для нормального условия речевого общения необходимо наличие следующих пунктов:

- два участника общения (автор текста, который создает и порождает этот текст; реципиент, который воспринимает или слушает текст, порожденный автором);
- предмет (тема) общения;
- нормальная психофизическая способность человека порождать и воспринимать текст;
- естественная среда коммуникации.

Как мы рассматривали в предыдущих разделах, фундаментальный вклад в психолингвистическую теорию текста внесла Петербургская школа, в частности Л.В. Сахарный, А.С. Штерн и Л.Н. Мурзин. В их концепции текст рассматривается как «материальное тело любой длины и сложности, которое создается и/или осознается как вербальная структура» [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 506]. По точному замечанию Л.В. Сахарного, для психолингвистики главным вектором анализа является путь **от содержания к форме**. Следует отметить, что Л.В. Сахарный и А.С. Штерн в своих исследованиях очень подробно изучили термин «текст», а также его психолингвистические основы [Сахарный 1982; Сахарный, Штерн 1988; Сахарный 1989; Сахарный 1991; Мурзин, Штерн 1991; Штерн 1992; Сахарный 1994а].

Л.В. Сахарный и А.С. Штерн рассматривают текст как: «материальное тело любой длины и сложности, которое создается и/или осознается как вербальная структура» [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 506]. Как точно отметил Л.В. Сахарный: «традиционное изучение текста осуществляется следующим образом: от формы к значению, от структурного формирования текста к его содержанию. Для психолингвистического подхода главным является подход от содержания к форме» [Сахарный 1991].

Говоря об экспериментальном исследовании текста, ученые выделяют два его особых свойства: связность и цельность. При этом **связность** имеет лингвистическую природу (грамматические и лексические скрепы), а **цельность** — психолингвистическую (единство смысла в сознании реципиента).

Одним из эффективных способов доказательства и передачи цельности текста является его смысловая компрессия – процесс сжатия, при котором сохраняется лишь основное содержание (тема и рема). Развивая идеи А.А. Смирнова и Н.И. Жинкина, Л.В. Сахарный и А.С. Штерн предложили концепцию «набора ключевых слов» (НКС). Ключевые слова представляют собой свернутый мини-текст, который служит реципиенту опорой для понимания и реконструкции исходного сообщения [Мурзин, Штерн 1991: 154]. Обращение к идеям этих ученых до сих пор позволяет решать вопросы текстовой типологии и проливает свет на механизмы речемыслительной деятельности. Можно перечислить следующие разновидности компрессированного текста: аннотация, конспект, реферат. Суть реферирования заключается в передаче темы (о чем?) и ремы (что?) текста. Суть аннотирования – в раскрытии темы, основной идеи автора, но без затрагивания ремы.

Касательно механизмов восприятия цельного текста глубокий анализ был проведен А.С. Штерн и Л.Н. Мурзином [Мурзин, Штерн 1991]. Развивая их идеи, Л.В. Сахарный предложил концепцию «набора ключевых слов», который является результатом смысловой компрессии текста, служащего в качестве опоры для его реконструкции.

Первоначально идея ключевых слов была выдвинута психологами – А.А. Смирновым, Н.И. Жинкиным и др.

«Ключевые слова представляют собой некий минитекст, организованный, как и любой текст, и линейно, и иерархически (т.е. они отображают предикативную организацию исходного текста)» [Мурзин, Штерн 1991: 154].

В своей монографии «Текст и его восприятие» А.С. Штерн и Л.Н. Мурзин подробнейшим образом, на основе многочисленных экспериментов, объясняют и наглядно показывают основные свойства, сигналы и другие особенности НКС [Мурзин, Штерн 1991: 73-101].

Таким образом, обращение к идеям Л.В. Сахарного и А.С. Штерн, а также А.А. Леонтьева до сих пор позволяют исследователям решать не только ряд методических проблем преподавания языка как родного и как иностранного,

которые связаны с обучением построению устных и письменных осмысленных текстов, но также вносят ясность в вопросы текстовой типологии и механизмы речемыслительной деятельности человека.

Однако восприятие целостного смысла текста (его «цельности») происходит не только на уровне лексики и грамматики, но и на бессознательном, перцептивном уровне. Звуковая оболочка слов, формирующих текст, способна оказывать самостоятельное эмоциональное и психологическое воздействие на реципиента, минуя строгий логический контроль. Изучение именно этого глубинного, скрытого уровня РД переводит нас от общей психолингвистики к более узкой, но крайне значимой дисциплине – фоносемантике, теоретическим основам которой посвящен следующий раздел нашего исследования.

1.6. Становление фоносемантики как самостоятельной дисциплины

Становление фоносемантики как самостоятельной дисциплины, несомненно, относится к новому времени, однако основы подобных исследований заложены задолго до этого.

Следует особо отметить, что задолго до европейских ученых вопросы связи звука и смысла глубоко разрабатывались **в средневековой арабской филологии**. В арабо-персидской лингвистической традиции (в частности, в трудах Ибн Джинни и Аль-Джурджани) артикуляция звука (*махрадж*) напрямую связывалась с его смысловым воздействием.

Так, Ибн Джинни в X веке ввел понятие «великой деривации», доказывая, что слова с фонетически родственными согласными имеют общий корень смысла. Иначе говоря, Ибн Джинни изложил теорию звуко-символизма и «великой деривации» (*аль-иштикак аль-акбар*) в своем фундаментальном трактате «Аль-Хасаис» (Особенности). Более подробно с идеями Ибн Джинни можно ознакомиться в работах В.С. Рыбалкина, Г.М. Габучана и А.А. Сулейманова, где описывается концепция «*аль-иштикак аль-акбар*» – когда слова, состоящие из

одних и тех же согласных, но в разном порядке, сохраняют общее смысловое поле [Рыбалкин 2000; Габучан 1965; Сулейманов 1983].

Абд аль-Кахир аль-Джурджани (XI в.) в своих трудах «Асрар аль-балага» (Тайны красноречия) и «Далаил аль-иджаз» (Доказательства неподражаемости) разработал теорию *назм* (композиции), где звучание неразрывно связано со смыслом [Куделин 1983].

Огромное влияние на формирование звукового идеала на мусульманском Востоке оказала наука чтения Корана (**Таджвид**), она первой детально описала места образования звуков (*махаридж аль-хуруф*) и их свойства (*сифат*), придавая им прагматическое значение (например, твердость/эмфатичность звука должна вызывать трепет, а мягкость – умиротворение). В работе Д.В. Фролова, в разделе корановедения, описывается, как фонетические правила *таджвида* формировали звуковой идеал для всего мусульманского Востока [Фролов 2006].

Этот исторический контекст крайне важен для исследования фоносемантики таджикского языка, так как языковое сознание его носителей веками формировалось под влиянием данной традиции, и будет рассмотрен при фоносемантическом анализе таджикского языка **в следующей главе**.

Предпосылки для выделения фоносемантики в отдельную отрасль знаний формировались на протяжении нескольких столетий. Еще в 1836 году Вильгельм фон Гумбольдт опубликовал работу «О различии строения человеческих языков...» (Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts). В ней он различает три типа отношений между звуком и значением в языке. Данная классификация имеет фундаментальное значение для науки, хотя долгое время оставалась на периферии классического языкознания (в 2000-х годах схожую классификацию независимо предложил Х. Траунмюллер). Хартмут Траунмюллер провел такое же различие в списке звуковых символов Интернета в 2000 году.

Согласно концепции В. фон Гумбольдта (которую подробно анализирует М. Магнус), выделяются следующие классы звукосмысловых связей:

1. **Прямое подражание (ономатопея)** – класс, основанный на акустических свойствах звучащего объекта, где шум напрямую копируется в слове [Magnus 2001: 16].

2. **Артикуляционная имитация** – тип, близкий к идеям античной философии (Сократ) о том, что семантическая «сущность» явления имитируется посредством физической артикуляции фонемы. В современной англоязычной литературе этот тип часто называют «истинным иконизмом».

3. **Фоносемантическая ассоциация** – более сложный интеллектуальный процесс, при котором, по словам Гумбольдта, «значение пронизывает звук», и звучание слова начинает восприниматься как идеально подходящее для выражения конкретного смысла за счет работы языкового инстинкта [Magnus 2001: 17].

Благодаря господству чувства артикуляции как восприимчивость, так и спонтанность силы производства языка не только усиливаются, но и удерживаются на одном правильном пути; и поскольку эта сила неизменно имеет дело с каждой деталью языка так, как если бы вся ткань, с которой имеет дело деталь, была одновременно представлена ей инстинктом, то отсюда следует, что и в этой области тот же инстинкт действует и различим, пропорционально силе и чистоте чувства артикуляции.

Следующий зарубежный ученый, обнаруживший сходство между звуком и значением был Георг фон дер Габеленц, который в 1891 году, за два года до своей смерти, опубликовал очень влиятельную работу под названием «Die Sprachwissenschaft: ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse». В своём исследовании автор обратил внимание на концепцию Lautsymbolik, в котором говорится о том, что слова, сходные по звучанию и значению, проявляют «избирательное родство». Наблюдая за усвоением языка детьми, он пришел к выводу, что у носителей языка формируется внутреннее чувство звука, которое позволяет им бессознательно «этимологизировать» слова, что в итоге оказывает значительное влияние на эволюцию всего языка.

Как и все исследователи, предшествовавшие ему, он вложил немало мыслей во взаимосвязь между фоносемантикой, с одной стороны, и этимологией и происхождением языка – с другой. Он пишет, что слова, связанные вместе как по звучанию, так и по значению проявляют «избирательное сходство». По мере того, как мы постепенно усваиваем наш родной язык, наше чувство звуков этимологизирует без какой-либо связи с исторической лингвистикой. Однако эта тенденция, по его мнению, оказывает значительное влияние на эволюцию языка [Magnus 2001: 17-18].

Язык Блумфилда и фон Гумбольдта дает гораздо лучшее интуитивное ощущение фундаментальных фоносемантических концепций, чем большая часть литературы, написанной в 20 веке, но он не обеспечивает прочной эмпирической базы, необходимой для доказательства или опровержения утверждения о том, что существует регулярная синхронная корреляция между артикуляцией фонемы и ее семантикой, и не предлагает способа практического использования такой корреляции. Для того чтобы это произошло, следует найти средство, с помощью которого можно будет достаточно четко определить соответствующие параметры, чтобы затем количественно оценить связи или их отсутствие.

Несмотря на то, что идеи В. фон Гумбольдта, Г. фон дер Габеленца и более поздние наблюдения Л. Блумфилда давали глубокое интуитивное понимание звукосимволизма, им не хватало прочной эмпирической базы. Для доказательства регулярной корреляции между артикуляцией фонемы и ее семантикой требовался переход от философских размышлений к точным экспериментальным методам. Формирование такой базы стало главной задачей фоносемантики во второй половине XX века.

Становление дисциплины в советской и российской науке

Окончательное оформление фоносемантики как самостоятельной лингвистической дисциплины произошло в отечественном языкознании благодаря трудам **Станислава Васильевича Воронина**. В своей фундаментальной докторской диссертации «Основы фоносемантики» (1982 г.) он

впервые ввел данный термин в широкий научный оборот, систематизировал разрозненные знания о звукоизобразительности (ЗИ) и создал универсальную классификацию (таксономию) звукоизобразительной лексики. Вклад С.В. Воронина неоценим: он доказал произвольность языкового знака и заложил основы Петербургской фоносемантической школы.

Параллельно с теоретическими изысканиями С.В. Воронина происходил прорыв в экспериментальном изучении звука. Важнейшей вехой стали труды **Александра Павловича Журавлева** («Фонетическое значение», 1974; «Звук и смысл», 1991). Если предшествующие исследователи опирались преимущественно на интроспекцию и этимологию, то А.П. Журавлев разработал строгую экспериментальную методику на основе семантического дифференциала Ч. Осгуда. Ему удалось количественно измерить звуко-символизм русских фонем, распределив их по шкалам («светлый-темный», «добрый-злой» и др.), что дало науке тот самый эмпирический инструмент, которого ей не хватало ранее. Также значительный вклад в развитие дисциплины внесли В.В. Левицкий («Семантика и фонетика», 1973), А.Б. Михалев и И.Ю. Павловская [Стернин, Уфимцева и др. 2021: 212-213].

Институционализация фоносемантики в России

Процесс укрепления позиций фоносемантики в научном сообществе сопровождался проведением ряда ключевых симпозиумов и конференций. Отправной точкой стал семинар 1969 года в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР, посвященный проблеме мотивированности языкового знака. В последующие десятилетия состоялись крупные всесоюзные и международные совещания фоносемасиологов: в Пензе (1989 г.), Санкт-Петербурге (2005 г., 2016 г.) и Саратове (2008 г.). Эти мероприятия объединили исследователей из России, Европы и США (О. Абелин, Дж. Охала и др.), продемонстрировав глобальный интерес к лингвистическому иконизму.

В результате этой работы в современной России сформировалась сеть активных научных школ, каждая из которых имеет свою специализацию:

- **Петербургская школа** (основатель С.В. Воронин) – занимается типологическим изучением ономотопеи в языках разных семей (индонезийском, башкирском, английском, немецком и др.) и поддерживает международные проекты, такие как «Iconicity Atlas».

- **Саратовская школа** (основатель И.Н. Горелов) – фокусируется на экспериментальных психолингвистических исследованиях, звуко-цветовой ассоциативности и разработке программного обеспечения для анализа текстов.

- **Пятигорская школа** (руководитель А.Б. Михалев) – развивает теорию фоносемантического поля и фоносемантическую этимологию.

- Активные исследования также ведутся в **Пермской** (С.С. Шляхова), **Уфимской** (Т.М. Рогожникова) и **других региональных школах**.

Проведенный обзор научной литературы позволяет выделить наиболее **актуальные проблемы** современных фоносемантических исследований:

- поиск универсалий звукосимволизма и ономотопеи на материале разных языковых семей;
- процессы деиконизации звукоизобразительного слова в ходе исторического развития языка;
- обоснование иконической концепции эволюции человеческого языка;
- лексикографическая фиксация фоносемантических единиц;
- изучение цвето-графемной синестезии (звуко-цветовой ассоциативности);
- разработка программного обеспечения для автоматизированного фоносемантического анализа (программы В.И. Шалака «ВААЛ», Л.П. Прокофьевой «Звукоцвет» и др.).

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что фоносемантика прошла долгий путь от разрозненных философских догадок до точной экспериментальной науки. Однако, несмотря на глубокую изученность индоевропейских и тюркских языков, применение данных методик к иранской группе языков (и таджикскому языку, в частности) все еще остается

малоизученной областью, что открывает широкие перспективы для дальнейших изысканий.

Следует отметить, что в настоящее время изучение звукоизобразительных слов остается актуальным в психолингвистической науке. Рассмотрим этот вопрос подробнее в следующем разделе.

1.6.1. Исследование звукоизобразительных слов: от эмпирики к теории

В работах ранних исследователей ЗИ было немало ценных и интересных наблюдений. Однако многие свои обобщения эти исследователи строили на весьма ограниченном фактическом материале, и методика исследования зачастую была недостаточно строгой и субъективной; к тому же нередко непомерно расширялся и абсолютизировался принцип звукоподражания. Среди важнейших работ следует назвать исследования Р. Пейджета (жестовая теория происхождения языка) [Paget 1930] и его последователя А. Йоханнессона [Johannesson 1949], а также работы Г. Ревеса [Révész 1946], А.Г. Спиркина [Спиркин 1957], В.В. Бунака [Bunak 1959].

Особое место проблема ЗИ занимала в дискуссиях о происхождении человеческой речи. Разработка вопросов ЗИ и происхождения языка подробно рассматривается в трудах Н.И. Ашмарина [Ашмарин 1925; Ашмарин 1928], Д.В. Бубриха [Бубрих 1948], А.М. Газова-Гинзберга [Газов-Гинзберг 1963; Газов-Гинзберг 1965], И.Н. Горелова [Горелов 1974; Горелов 1977] (см. Воронин 1982: 10).

Долгое время изучение звукоизобразительных слов наталкивалось на серьезное теоретическое препятствие – догмат о произвольности (немотивированности) языкового знака, сформулированный Ф. де Соссюром в «Курсе общей лингвистики». Однако накопление языковых фактов заставляло ученых все чаще обращаться к проблеме звукосимволизма.

Начало строгому теоретическому осмыслению этого феномена положил О. Есперсен в 1920-х годах. В своей знаменитой работе он проанализировал

символизм гласного звука [i] (и) в английском, немецком и французском языках, доказав его устойчивую связь с семантикой «малости» и «незначительности». О. Есперсен прозорливо отмечал: «В развитии языков звуковой символизм играет значительную роль – более значительную, нежели это признается большинством лингвистов» [Jespersen 1933].

Звукосимволизм был предметом обсуждения на III и IX Международных конгрессах лингвистов [Congresso Internazionale dei linguisti 1935; Якобсон 1965]. Предпринималась разработка проблемы звукосимволизма в экспериментальном и типологическом планах [Гурджиева 1973] и в общетеоретическом плане – на материале немецкого [Sieberer 1947], румынского [Graur 1959; Rosetti 1965], французского [Chastaing 1962], английского [Bolinger 1950; Orr 1934] языков. Продолжалось также обсуждение вопросов символизма отдельных звуков речи [Chastaing 1958]. Но уже на ранней стадии многим исследователям было ясно, что изучение звукосимволизма не может быть плодотворным, если строить исследование лишь на каком-либо одном языке, не учитывая данных различных неродственных языков. Также очевидным являлось то, что необходимо обращение к данным психологии, и особенно экспериментальной психологии, [Воронин 1982: 11-12].

Постепенно фокус исследований сместился в сторону экспериментальной проверки. Наиболее глубокому и систематическому рассмотрению проблема звукосимволизма подверглась в известных экспериментах Сепира [Sapir 1929], доказавшего психологическую реальность связи между акустикой гласных и восприятием размера объекта, а также ряда других ученых, исследовавших это явление преимущественно с позиций психолингвистики [Brown, Nuttall 1959; Miron 1962; Taylor, Taylor 1965].

Его идеи были подхвачены психолингвистами (Р. Браун, К. Тейлор и др.), которые убедительно показали, что изучение звукосимволизма не может быть плодотворным, если строить его лишь на материале одного языка без привлечения данных экспериментальной психологии. Следует подчеркнуть, что в монографии Р. Брауна «Words and things» дается подробный обзор работ до 1958

г. [Brown 1958]. В книге есть глава, посвященная специально звукоимеизму. Психифизиологические основы последнего рассматриваются в важной монографии Ж. Петерфальви [Peterfalvi 1965]. Вопрос о мотивированности знака, по выражению Р. Якобсона, стал «одной из важных и увлекательных проблем языкознания» [Jakobson 1962].

Убедившись в универсальности феномена звукоимеизма, исследователи перешли к следующему, более сложному этапу – попыткам систематизации и классификации его конкретных проявлений, в первую очередь, ониматопов (звукоподражаний).

1.6.2. Классификация ониматопов как база для становления фоносемантики

Первые серьезные попытки систематизировать обширный звукоимеизмительный материал были предприняты зарубежными исследователями А. Фрелихом [Fröhlich 1925] и Х. Марчандом [Marchand 1959], которые попытались систематизировать материал и разработать классификацию ониматопов [Воронин 1974]. Их несомненной заслугой стало обращение к структуре звукоподражательного слова. Однако эти классификации подверглись справедливой критике: они строились на базе отдельных фонем, а не их артикуляционно-акустических типов, и страдали от недостаточного учета экстралингвистических факторов (самой природы обозначаемого звука) [Сапогова 1972; Arnold 1966; Lehmann 1949; Wissemann 1954].

Настоящим прорывом в этой области стала работа С.В. Воронина «Английские ониматопы» (1969 г.), а затем и его фундаментальный труд «Основы фоносемантики» (1982 г.). С.В. Воронину удалось решить главную проблему своих предшественников:

1. Он разработал **объективную (универсальную) классификацию** звукоподражательных слов, опираясь на их прямую соотносимость с денотатом (источником звука).

2. Он доказал, что всё многообразие ономастиков не хаотично, а строго сводимо к конечному числу классов (инстанты, континуанты, фреквентативы и др.) и моделей.

3. В научный оборот было введено ключевое понятие **фонемотипа** (акустического и артикуляторного типа фонем) как главного инструмента анализа ЗИ.

С.В. Воронин научно обосновал, что звукоподражательные слова образуют в языке строгую систему, детерминированную как языковыми, так и внеязыковыми факторами [Воронин 1982: 17-18].

Подводя итоги своему колоссальному исследованию в монографии «Основы фоносемантики», С.В. Воронин заключает: «то положительное, что сделано к настоящему времени в плане изучения ЗИ, состоит в следующем. Собран обширный фактический материал, и предложена универсальная классификация ономастиков, выявлены закономерности в соотношении между ЗИ-словом, его денотатом и многое др. Наряду с проведенными исследованиями, также следует сказать несколько слов о недостатках, которые имели место при изучении ЗИ-слов. Главный вопрос заключался в том, что ЗИ рассматривались вместе с другими проблемами. Во многих работах недостаточно учитывался тот факт, что в любом языке образование (корневых) ЗИ-слов определяется внеязыковым и языковым факторами. Несмотря на вышеуказанные минусы, не стоит скрывать от исследователя всё то положительное, что сделано в отношении изучения ономастикеи и звукоимбовизма» [Воронин 1982: 18-19].

В любой науке выделяются эмпирический и теоретический уровни исследования и организации знания. Элементами эмпирического уровня фоносемантики являются многочисленные факты ЗИ, полученные с помощью наблюдений над языковым и речевым материалом и с помощью экспериментов лингвистами, психолингвистами, психологами и психофизиологами и констатирующие качественные и количественные характеристики ЗИ-объектов (ЗИ-слов и фонем в составе таких слов, экспрессивных суффиксов, поэтического текста и т.д.) [Воронин 1982: 20].

Рассматривая историю изучения ЗИ, необходимо отметить важный гносеологический парадокс. В 1967 году основоположник отечественной психолингвистики А.А. Леонтьев писал, что фактов звуко-символизма накоплено предостаточно, однако «сколько-нибудь серьезного теоретического осмысления... до сих пор не существует» [Леонтьев 1967: 58]. Эти слова точно отражали кризис лингвистики середины XX века: традиционные дисциплины (фонетика и семантика), опиравшиеся на постулат Ф. де Соссюра о произвольности знака, оказались неспособны объяснить огромный массив эмпирических данных.

Именно как реакция на этот методологический тупик и возникла фоносемантика. Единичные попытки осмысления разрозненных фактов не могли увенчаться успехом, так как интегративный, «стыковый» характер ЗИ объективно требовал создания новой дисциплины. Фоносемантика не только обобщила разрозненный эмпирический материал, накопленный психологами и лингвистами, но и предоставила мощный теоретический аппарат, доказавший, что фонетическая мотивированность слова является универсальным языковым законом, действующим наряду с принципом произвольности знака.

1.6.3. Исследование звукоизобразительных слов в языках мира и в таджикском языкознании

В этом подразделе мы проведем обзор ономотопеических и звуко-символических исследований по различным языковым ареалам.

Универсальный характер ЗИ подтверждается масштабными исследованиями, охватывающими практически все языковые семьи мира. В XX веке был накоплен колоссальный фактический материал по ономотопее и звуко-символизму в различных лингвистических ареалах.

Вопросы связи между звуком и значением в германских языках обсуждалась в трудах В. Вундта [Wundt 1900] и Г. Пауля [Paul 1907]. Применительно же к немецкому языку – в работах следующих ученых [Глухарева 1976; Косов 1963; Hilmer 1914]. Довольно большой фактический материал по

шведским звукоизображениям накоплен у А. Нурена [Noreen 1904], по датским ономотопеям – у К. Нюропа [Nyrop 1927], голландские звукоизображения рассматривались в статьях К. Стуттерхейма [Stutterheim 1933] и К.Г.Н. де Воойса [Vooyss 1942]. Имеется целый ряд работ по ЗИ-лексике английского языка [Воронин 1969; Воронин 1974]. ЗИ в романских языках посвящены труды М. Граммона [Grammont 1930] и исследования румынского лингвиста Й. Йордана [Jordan 1937]. Французские звукоизображения рассматривала Е.Е. Корди [Корди 1965]. Звукоподражательные и звукосимволические слова румынского языка достаточно подробно исследованы в трудах вышеупомянутого Й. Йордана [Jordan 1944], А. Росетти [Rosetti 1957]. Также есть работы, в которых рассматриваются вопросы связи звука со значением в испанском [Diego 1965], латинском [Graug 1929] языках, а также в новогреческом [Mirambel 1959]. Исследовались различные аспекты ономотопей и звукосимволизма в славянских языках [Смаль-Стоцкий 1929; Толстая 1971; Boranić 1909; Korešný 1957].

Изучения по звукосимволизму в русском языкознании долгое время рассматривалась, по словам А.А. Леонтьева, «как лежащие вне науки». Начиная с 1960 гг., здесь наметился определенный сдвиг, о чем свидетельствуют исследования А.С. Штерн [Штерн 1967; Штерн 1969] и ряд других, выполненных под руководством М.В. Панова и появление ключевых работ А.А. Леонтьева [Леонтьев 1969а; Леонтьев 1972], А.М. Газова-Гинзберга [Газов-Гинзберг 1974], В.В. Левицкого [Левицкий 1975], А.П. Журавлева [Журавлев 1974], И.Н. Горелова [Горелов 1974; Горелов 1977], А.Н. Журина [Журинский 1971; Журинский 1972]. Звукосимволизм рассматривается и в таких работах, как: [Баиндурашвили 1966а; Баиндурашвили 1966b; Воронин 1973; Воронин 1977; Воронин 1983; Гурджиева 1973; Воронин, Дубинская 1979; Левицкий 1975; Пелевина 1976].

Исследованием проблем звукосимволизма, ономотопей и разных аспектов фоносемантики также занимались ученые: А.Б. Михалёв [Михалев 1995], Ю.В. Казарин [Казарин 2000], И.Ю. Павловская [Павловская 2001], А.П. Журавлев [Журавлев 2004], Л.П. Прокофьева [Прокофьева 2007], С.В. Кезина [Кезина 2008], О.В. Шестакова [Шестакова 2016].

Из других индоевропейских языков хотелось бы выделить осетинский [Абаев 1956], таджикский [Фазылов 1958] и хинди [Чернышев 1964], в которых определенным аспектам ониматопеи и звуко-символизма посвящены специальные исследования.

Исследованы подражательные слова в некоторых тюркских языках: казахском [Исмаков 1951; Катембаева 1965], киргизском [Кудайбергенов 1957], туркменском [Худайкулиев 1962], узбекском [Кунгуров 1961], азербайджанском [Householder 1962] и башкирском языках [Ишмухаметов 1970]. Следует отметить, что по-новому – в системном и типологическом плане рассмотрена башкирская ониматопея в диссертации Л.З. Лапкиной [Лапкина 1979]. Имеются исследования по изобразительным словам в бурят-монгольском языке [Цыдендамбаев 1958; Шагдаров 1962]. Ряд работ посвящен изобразительной лексике в языках тунгусо-маньчжурской семьи – нанайском и эвенкийском [Горцевская 1963; Киле 1973; Петрова 1948].

Глубокую и оригинальную разработку проблемы ЗИ в семитских языках также находим в трудах А.М. Газова-Гинзберга [Газов-Гинзберг 1965; Газов-Гинзберг 1963; Газов-Гинзберг 1974]. Говоря об изучении проблем изобразительной лексики в африканских языках, необходимо, прежде всего, указать на классическую работу Д. Вестермана «Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках» [Вестерман 1963]. С позиций палеонтологических подходов к проблеме идеофонов (ЗИ-слов) Р. Стопа [Stora 1935]. Существует еще целый ряд исследований по идеофонам [Журинский 1971; Журинский 1972; Журковский 1968; Журковский 1974; Казакевич 1975; Казакевич 1976; Doke 1954; Meinhof 1948].

Вопросы ониматопеи и звуко-символизма в индонезийских языках довольно большое место занимают в работах Ч. Максуэлла [Maxwell 1933] и Я. Гонды [Gonda 1975]. В своей статье Я. Гонда подверг резкой критике методы Ч. Максуэлла, нередко без достаточных оснований относившего к звукоизображениям слова «нормальной» лексики. Я. Гонда проанализировал большой фактический материал и дал наметки классификации индонезийских

ономатопов. Упомянем также статью Р. Уилкинсона по данной тематике [Wilkinson 1936] (подробнее см. [Воронин 1982: 16]).

Из языков других лингвистических ареалов мира ЗИ в определенной мере изучена в баскском [Urtel 1919], в кавказских языках [Климов и др. 1978], в японском [Конрад 1927; Поливанов 1968; Черевко 2003], корейском [Пак 1958; Martin 1962], в ряде языков Юго-Восточной Азии [Еловков 1977; Лотман 1972], в семаи [Diffloth 1976], а также в некоторых языках американских индейцев [Langdon 1971; Sapir 1911; Ultan 1971].

Таким образом, опираясь на вышеизложенный обзор, можно сказать, что исследованию звукового символизма и ЗИ-слов посвящено достаточно много работ и исследований.

Резюмируя, отметим, что детальному анализу подверглась ЗИ-лексика в **индоевропейских языках**: германских (В. Вундт, Г. Пауль, А. Нурен), романских (М. Граммон, Й. Йордан), славянских (А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, А.П. Журавлев, С.В. Воронин и др.). Среди других ветвей индоевропейской семьи специальные исследования были посвящены осетинскому (В.И. Абаев) и хинди (В.А. Чернышев). Широко исследованы подражательные слова в **алтайской макросемье**, в частности, в тюркских (казахском, киргизском, узбекском, башкирском) и тунгусо-маньчжурских языках. Глубокая разработка проблемы ЗИ в **семитских языках** представлена в трудах А.М. Газова-Гинзберга, а изучение идеофонов в **африканских языках** опирается на классические работы Д. Вестермана. Кроме того, ЗИ описана в кавказских, индонезийских, сино-тибетских языках, а также в языках американских индейцев [Воронин 1982: 16].

Несмотря на столь широкую географию исследований, в **таджикском языкознании** фоносемантика и ЗИ долгое время оставались на периферии научных интересов. Комплексного, полномасштабного исследования ономатопов таджикского языка до недавнего времени не проводилось, однако отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в ряде значимых отечественных трудов.

Во введении, мы перечислили лишь ряд работ и монографий, изданных отечественными исследователями. Рассмотрим эти труды. Одна из первых работ

по звукоподражательным словам таджикского языка принадлежит учёному-таджиковеду советского времени М.Ф. Фазылову. В своей монографической работе «Изобразительные слова таджикского языка» автор подробно рассмотрел фонетическую, морфологическую и семантическую характеристику ЗИ-слов в современном таджикском языке – в литературной речи, в разговорной речи, а также в диалектных разновидностях. Ученый утверждает: «Количество изобразительных слов в литературном языке, особенно в разговорной речи, очень велико. Это дает возможность выразить уже существующими изобразительными словами и новые явления, связанные с развитием науки, техники и производства. В лексике таджикского языка легко можно найти слова, передающие треск пулемета, гудок паровоза или автомобиля, шум мотора и других машин» [Фазылов 1958: 19].

М.Ф. Фазылов справедливо отмечал высокую продуктивность этого пласта лексики, позволяющего гибко реагировать на появление новых звуковых реалий (например, шума техники), и приводил яркие примеры контекстуального использования ониматопей (например, звукоподражание пулеметной очереди «*трр-трр*» в произведениях Ф. Ниязи) [Фазылов 1958: 19].

В современной отечественной науке интерес к фоносемантике возобновился преимущественно в рамках **сопоставительных исследований**. Так, Ф.Р. Турсунова в своем диссертационном исследовании (2013 г.) провела структурно-семантический анализ звукоподражательных слов английского и таджикского языков. Автор классифицировала ониматопы как самостоятельную категорию лексики с особым фонетическим строением и специфическими моделями словообразования.

В работе приводится сравнительная таблица, в которой сопоставлены звуки таджикского и английского языков. В заключение Ф.Р. Турсунова характеризует звукоподражательные слова как самостоятельную категорию слов, имеющих свою историю, особое фонетическое строение, многообразие вариантов и особое словообразование [Турсунова 2013].

Очередным небольшим исследованием, имеющим в отличие от других названных, экспериментальную направленность, можно назвать магистерскую работу Н. Алиназаровой на тему «Фоносемантические исследования таджикского языка», в которой автор рассматривает фоносемантику как лингвистическую дисциплину, возникшую еще в античности. В первой части исследования фоносемантика изучается с теоретической стороны: анализируется история развития данного направления с античности до современности, рассматриваются труды А.П. Журавлева и 25-балльная антонимическая шкала. Вторая часть магистерской диссертации посвящена особенностям звукоизобразительной системы таджикского языка. В данной части автор описывает ход проведения эксперимента, и дает краткий анализ. Также внимание уделяется сравнению звуков русского и таджикского языков, их схожести и различиям. Подводя итоги анализу звуков, Н. Алиназарова подчеркивает, что звукоизобразительная система таджикского языка существенно отличается от русской. Почти все звуки русского языка выражены по первому признаку шкалы (условно «положительный»), и по второму. Но наблюдаются и нейтральные зоны, они также важны, и отрицать их нельзя. В свою очередь, в таджикском языке признак звуков выражен либо как «положительный», либо признак вообще не выражен. В работе автор экспериментальным путем (в диаграммах) описывает полученные результаты анализа многих звуков таджикского языка. Следует обратить внимание, на тот факт, что при проведении исследования автор использовал метод аудирования. Данный метод определяется автором как самый точный для анализа. Однако, в заключение отмечается, что данное исследование проводится впервые и требует детального изучения [Алиназарова 2014].

Значительный пласт исследований в таджикском языкознании посвящен **редупликации (повторам)** – явлению, тесно связанному с фоносемантикой и экспрессивностью речи. Фундаментальным трудом в этой области является монография Д.М. Искандаровой и Л. Бекташа «Редупликация в турецком и таджикском языках» (2016 г.). В данной монографии подробно исследованы редупликации в турецком и таджикском языках в сопоставительном плане.

Авторы впервые провели системный сопоставительный анализ формальных и содержательных типов редуplikаций с учетом их грамматического контекста, выявив типичные модели функционирования повторов в различных культурно-языковых системах.

Впервые в исследовании акцент сделан на системном описании грамматических и лингвистических характеристик редуplikаций с учетом их грамматического контекста, а не в изолированном виде. В работе проведен всесторонний сопоставительный анализ формальных и содержательных типов редуplikаций, а также выявлены и охарактеризованы типичные модели функционирования в пределах языковой системы. Монография включает обширный иллюстративный материал, включающий таблицы, стихотворные тексты, междометия и другие языковые единицы. Примеры представлены как на турецком, так и на таджикском языках, что делает возможным сравнительное изучение и углубленное понимание фоносемантических и грамматических особенностей в рамках различных культурно-языковых систем. Полученные данные могут быть полезны для дальнейших исследований в области типологии и межъязыкового анализа.

Тема редуplikации также получила развитие в диссертациях Д.Ш. Музафаровой (2016 г.), исследовавшей фонеморфологические особенности повторов в таджикском и английском языках, и Н.А. Гафурова (2019 г.), который детально описал когнитивный и прагматический потенциал повторов на материале таджикской художественной литературы. Н.А. Гафуров подчеркивает, что повтор выступает мощным средством создания семантических оттенков и повышения экспрессивности высказывания [Гафуров 2019]. В заключение автор диссертации отмечает, что «...повтор как средство художественного изображения... используется в художественной литературе для усиления, подчеркнутости в речи произведениях авторов. Через него они вносят в свои творения художественную красочность, семантические и модальные оттенки, а также экспрессивность. Повтор делает изъяснение более выразительным и четким» [Гафуров 2019].

Проведенный обзор показывает, что хотя феномен ЗИ имеет универсальную природу и активно изучается в мировом языкознании, фоносемантическое пространство таджикского языка исследовано фрагментарно. Имеющиеся труды таджикских ученых сосредоточены преимущественно на структурно-семантическом описании ониматопей и грамматическом анализе редупликаций. При этом глубинный, бессознательный уровень восприятия звука носителями таджикского языка (в том числе в условиях билингвизма) практически не подвергался масштабной экспериментальной проверке с использованием современных психолингвистических методик. Это определяет высокую актуальность и научную новизну нашего исследования.

Выводы по первой главе

Подробно изучив поставленные вопросы и проблемы, мы пришли к следующим выводам:

1. Эволюция психолингвистики и смена парадигм:

Психолингвистика как самостоятельная междисциплинарная наука прошла сложный путь развития, традиционно разделяемый на три этапа (поколения): от бихевиоризма (реактивность, атомизм) к когнитивизму (порождающая грамматика Н. Хомского, ментальные структуры Дж. Миллера) и, наконец, к современному социально-коммуникативному подходу. Особое место занимает советская и российская школа (А.А. Леонтьев, Л.В. Щерба, Л.В. Сахарный), которая пошла по уникальному пути, разработав ТРД и сфокусировавшись на языковом сознании.

2. Когнитивно-психолингвистическая интеграция и региональная специфика: на современном этапе грань между психолингвистикой и когнитивистикой стирается, образуя единый подход к изучению ментального лексикона и концептуальной картины мира. В этом русле активно развиваются центральноазиатские и, в частности, таджикская научная школа. Проведенные таджикскими учеными исследования с использованием ассоциативного

эксперимента доказали, что таджикское языковое сознание обладает глубокой национально-культурной спецификой, опирающейся на традиционные ценности, религиозно-духовные ориентиры и богатый паремиологический фонд.

3. **Текст как продукт речевой деятельности:** материальным носителем для изучения языкового сознания выступает текст. Психолингвистический подход к тексту принципиально отличается от традиционного лингвистического: он ориентирован не на грамматическую правильность, а на путь «от содержания к форме». Текст исследуется как продукт речемыслительной деятельности, важнейшим психолингвистическим свойством которого является *цельность* (единство смысла в сознании реципиента), передаваемая, в том числе, через набор ключевых слов и смысловую компрессию.

4. **Главным и основным методом в психолингвистике** является метод ассоциативного эксперимента. К другим методам относятся: анкетирование, метод семантического шкалирования, метод контекстного толкования примеров, описательный, наблюдения, методы количественной обработки собранных примеров, метод психолингвистического эксперимента и сравнительно-сопоставительный.

5. **Становление фоносемантики как науки:** восприятие цельности текста происходит не только на лексико-грамматическом, но и на бессознательном (перцептивном) уровне, что является предметом фоносемантики. Теоретические предпосылки этой науки заложены еще в трудах В. фон Гумбольдта. Однако достойно внимания и то, что еще в средневековой арабо-персидской филологической традиции (концепция «*великой деривации*» Ибн Джинни, наука *Таджвид*) обсуждались вопросы взаимосвязи формы, звука и смысла, что особенно важно в контексте изучения таджикского языка. Окончательное оформление дисциплины, доказавшей универсальную фонетическую мотивированность языкового знака, произошло благодаря фундаментальным трудам и экспериментальным методикам С.В. Воронина и А.П. Журавлева.

6. Актуальность фоносемантических исследований таджикского языка: несмотря на глубокую изученность фоносемантических явлений в мировом языкознании (индоевропейские, алтайские, семитские и др. языки), фоносемантическое пространство таджикского языка исследовано лишь фрагментарно. Существующие отечественные труды сосредоточены преимущественно на структурно-семантическом описании ониматопей (М.Ф. Фазылов, Ф.Р. Турсунова) и грамматическом анализе редупликаций (Л.Бекташ, Д.М.Искандарова, Д.Ш. Музафарова, Н.А. Гафуров). Отсутствие масштабных экспериментальных проверок глубинного, бессознательного восприятия звука носителями таджикского языка (в том числе в условиях билингвизма) с использованием современных психолингвистических методик **определяет высокую актуальность, необходимость и научную новизну проводимого диссертационного исследования.**

ГЛАВА 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Исходные теоретические положения фоносемантики

До окончательного становления фоносемантики в качестве самостоятельной научной области С.В. Воронин отмечал: «Здание фоносемантики мы возводим в целом не на "пустом месте", и предмет этой научной дисциплины представляет собой уже в определенной степени развитый научный предмет» [Воронин 1982: 8]. Действительно, интерес к проблеме связи звука и смысла прослеживается на протяжении всей истории человеческой мысли.

Уже в древнейших мифах и священных текстах (древнеиндийские Веды, древнегерманские руны) отражены первые наивные представления людей о происхождении языка, о его сущности, о мистической связи между вещью и ее именем, где в самом звуке искали скрытую сущность предмета. Центр тяжести мифологической трактовки языка лежит на отдельном слове – на имени. Согласно И.М. Тронскому, для архаического мышления имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем [Тронский 1936: 24].

Первыми источниками фоносемантики (постановка вопроса о связи звука и значения) можно считать священные книги различных культур, когда люди вкладывали мистический смысл в каждый звук и каждую букву алфавита. Примерами могут послужить древнегерманские руны, древнеиндийские Веды, поскольку древние индийцы верили в существование изначальной связи между самой вещью и ее наименованием. Ученые того времени пытались решить вопрос, каким образом слово передает значение, и приходили к выводу, что в звуках слова заключена сущность вещи.

В античной философии эта проблема нашла глубокое осмысление в диалоге Платона «Кратил». Вопреки распространенному мнению о наивности античных взглядов, Платон серьезно относился к теории звукового символизма. Он настойчиво подчеркивал смысловое значение артикуляционно-акустического аппарата, утверждая, что, например, звук [р] указывает на резкое движение, а [л] –

на мягкое [Перельмутер 1980: 140]. Это положило начало многовековому спору о том, даются ли имена вещам «по установлению» (*тесей*) или «по природе» (*фюсей*).

Платон был, по-видимому, первым, кто высказал идеи об ассоциациях между отдельными звуками и теми или иными качествами вещей [Воронин 1982: 9]. Вопреки распространенному мнению, он положительно и со всей серьезностью относился к теории звукового символизма, проблемы которого волнуют лингвистов и в наше время [Перельмутер 1980: 149]. Платон от начала и до конца диалога утверждал мысль, что слово есть некое подобие предмета, более или менее совершенное отображение предмета; отстаивая эту мысль, философ выступал как против Кратила, для которого слово представляло собой полное соответствие предмету, так и против Гермогена, допускавшего лишь чисто условную, договорную связь между предметом и его названием [Перельмутер, Платон 1980: 140].

Также в трактате Платон настойчиво подчеркивает смысловое значение артикуляционно-акустического аппарата, а также важную роль слогов и букв, обязательно вносящих в имя нечто новое. Но этот новый оттенок не оторван от вещи, а только указывает на ту или иную ее особенность. Философ утверждает, что «быстрые» предметы содержат в своем названии «быстрые» звуки: «звук «р» сам по себе действительно указывает на резкое движение или раскатистость, а звук «л», указывает – на мягкое движение, «и» – на что-то узкое, «а» – большое и т.д.» [Лосев 2006: эл.ресурс].

Подобными вопросами также занимались философы в Древней Греции, положившие начало спору, продолжавшемуся веками и сохранившему свою актуальность, хотя и в несколько измененном виде, и в наши дни. В основе спора лежал вопрос о том, принадлежит ли имя вещи «по установлению» – «тесей» или «по природе» – «фюсей», т.е. называют ли слова вещи произвольно и связи между звуком и значением нет (либо она произвольна), или же слова называют вещи непроизвольно, «по природе» последних, и связь между звуком и значением есть, и она непроизвольна.

В российской науке вопросами о соотношении звуков и их смысла также интересовался монах Ефимий, живший в XII в. Его классификация основывалась на качественных характеристиках звуков, а также их оценочных функциях и коннотациях. Согласно его классификации, звуки были распределены на шесть групп: «грусни», «грубы», «громны», «натужны», «немы» и «шепетливы» [Березин 1977].

В последующем значительно расширился лингвофилософский кругозор исследователей, ЗИ-слова стали рассматривать в рамках проблематики глоттогенеза (происхождение языка). В эпоху Просвещения появились многочисленные теории ЗИ происхождения языка на основе имитации природных звуков, произвольных жестов, естественных криков или междометий, а также трудовых возгласов. На этом этапе выделяются труды таких ученых, как: Ж.Ж. Руссо, Э. Кондильяк, Д. Дидро и др. Поскольку в 18 веке ещё не существовало лингвистики как науки, предложенные теории носили лишь умозрительный характер в отсутствие строгой научной методологии [Флакман и др. 2022: 13: эл.ресурс].

В России на связь звука и значения обращал внимание еще М.В. Ломоносов [Ломоносов 1952]. В XVII-XIX вв. изучение ономотопеи (звукоподражания) и звуко-символизма идет в значительной мере в плане звукоподражательной и междометной теорий происхождения языка. В этой связи следует перечислить, прежде всего, работы Г.В. Лейбница [Лейбниц 1936], И.Г. Гердера [Herder 1969], В. Гумбольдта [Humboldt 1876], Г. Штейнталя [Steinthal 1858], В. Вундта [Wundt 1900] и Г. Пауля [Paul 1907], в которых различным образом разбивался тезис об отприродной связи между звучанием слова и его значением (см. [Воронин 1982: 10]).

Однако подлинный расцвет фоносемантики и ее переход от умозрительных философских построений к точной науке пришелся на вторую половину XX века с появлением работ таких ученых, как: Ч. Осгуд, В.В. Левицкий, Н.С. Болотнова, С.В. Воронин, Дж. Ферст, Б.Л. Уорф, Леонард Блумфилд, Маргарет Магнус и т.д. Как утверждал С.В. Воронин, фоносемантика утверждает себя на стыке фонетики,

семантики и лексикологии, тесно взаимодействуя с психолингвистикой. Главной задачей новой дисциплины стало доказательство того, что звукоизобразительное слово – это не случайная аномалия, а закономерный элемент языковой системы. Ведущим направлением стала разработка звукоизобразительной таксономии (классификации), основанной на объективных акустических параметрах природных звучаний и воспроизводящих их фонем [Воронин 1982: 22-23].

Качественный скачок в развитии фоносемантики был связан с трудами А.П. Журавлева («Фонетическое значение», 1974; «Звук и смысл», 1991). Путем масштабных экспериментов он доказал, что слово представляет собой неразрывное единство значения и звучания. Исследователь впервые измерил символику звуков речи, построив математическую модель фонетического значения, что открыло путь к автоматизированному анализу текстов [Журавлев 1974]. В данной книге экспериментальным путем излагаются результаты изучения символического значения звуков речи. Помимо того, измеряется символика всех звуков русского языка, строится модель фонетического значения и разрабатываются специальные программы для автоматического анализа фонетических признаков поэтического текста и вычисления фонетического значения слова.

Таким образом, исследователь доказывает, что слово представляет собой единство значения и звучания. Другими словами, в языке нет слов, которые имели бы значение, но не имели бы звучание, точно также как нет слов, имеющих звучание, но не имеющих значения [Журавлев 1974: 37]. Именно этот подход лег в основу современных методов компьютерного фоносемантического анализа.

Наряду с А.П. Журавлевым, исследования в области фоносемантики продолжает С.В. Воронин, чьи достижения в изучаемой области мы подробно описали выше.

Таким образом, звукоизобразительное слово – это слово звукоизобразительное (в своей основе) по своему происхождению. Этот момент имеет принципиальное значение. «Неучет» этой особенности может привести к неоправданному принижению роли и числа звукоизобразительной системы языка

(ЗИС), к полному искажению картины соотношения звукоизобразительных и незвукоизобразительных элементов в языке [Воронин 1982: 22-23].

Задачи фоносемантики целесообразно представить в единстве с ее проблематикой. Она ставит перед собой основные задачи, которые направлены к решению следующих проблем:

- особенности ЗИС в целом;
- параметры, классы и типы звучаний ЗИ-слов в целом и в частности;
- универсальная классификация звукоподражательных слов; их типология;
- ЗИ-функции фонем звукоподражательного и звукосимволического слова;
- критерии выделения звукосимволического слова; типология звукосимволических слов;
- эвристические возможности фоносемантики и мн. др.

Ведущим направлением фоносемантики стало типологическое изучение ЗИ-лексики и создание так называемой звукоизобразительной таксономии [Флакسمан и др. 2022: 16: эл.ресурс].

Перед тем как дать определение термину «звукоизобразительная таксономия», нужно разобраться с самим толкованием слова «таксономия». Таксономия – это классификация. Следовательно, звукоизобразительная таксономия – это классификация звукоподражательных слов (ономатопов). [Воронин 1969; Воронин 1982]. Основой для данной классификации послужили объективно существующие звуковые параметры природных звучаний и соответствующие им акустические параметры воспроизводящих их ономатопов. К примеру, передача высокочастотных природных звучаний гласными высокой частоты, передача акустических «ударов» смычными согласными, имеющими наименьшую сонорность и длительность звучания.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что одним из основных достижений фоносемантики является разработка метода фоносемантического анализа, о котором дальше пойдет речь.

2.2. Исследование фоносемантической структуры текста: компьютерные программы

На рубеже XX-XXI веков, опираясь на принципы семантического дифференциала Ч. Осгуда и методику А.П. Журавлева, началось активное создание программного обеспечения для фоносемантического анализа текстов. Несмотря на то, что академическое сообщество зачастую осторожно оценивает подобные системы из-за их коммерческой направленности, они предоставляют уникальный инструментарий для психолингвистических исследований [Прокофьева 2006: эл.ресурс]. Почти все представленные в Интернете программы (Vaal, DIATON, Пси-офис и др.) имели коммерческую основу.

Одной из самых известных и авторитетных систем является программа «ВААЛ» (Vaal), разработанная в 1992 г. под руководством В.И. Шалака. В основе алгоритмов программы лежат данные психолингвистических экспериментов. Система позволяет:

- оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текста на подсознание реципиента;
- анализировать звуко-цветовые характеристики текстов;
- генерировать слова с заданными фоносемантическими параметрами для нейминга и суггестивного воздействия [Программное обеспечение Vaal: эл.ресурс].

Другим известным проектом была программа «СЛОВОДЕЛ» (версия DIATONE, руководитель И.Ю. Черепанова), ориентированная на экспертизу суггестивных (внушающих) текстов. Анализ строился на оценке фонетического значения, соотношения высоких и низких звуков, а также ритмических характеристик.

Стремясь преодолеть недостатки коммерческих программ (в частности, в области анализа звуко-цветовой ассоциативности), академическое сообщество разработало собственные программные продукты. Так, в 2007–2009 гг. под руководством Л.П. Прокофьевой была создана программа «ЗВУКОЦВЕТ» для русского и английского языков, экспериментальная база которой формировалась более 12 лет на выборке из 2000 респондентов. Программа рассчитывает частотность графонов, определяет наличие аллитераций и динамику звуко-цветовой ассоциативности абзацев [Прокофьева и др. 2013: эл.ресурс].

В 2011 г. под руководством Т.М. Рогожниковой в Уфе было разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте БАРИН для русского и английского языков. В 2013 г. там же было разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте БАТЫР для татарского и башкирского языков [Рогожникова 2013: эл.ресурс; Рогожникова 2018]. В 2016 г. исследование языкового сознания – программа БЮРГЕР для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в немецких словах и текстах [Рогожникова 2018].

К большому сожалению, для таджикского языка специализированного фоносемантического программного обеспечения на данный момент не существует. Настоящее диссертационное исследование может послужить необходимой теоретической и эмпирической базой для разработки подобных алгоритмов в будущем.

2.2.1. Основная идея и критерии фоносемантического анализа (на примере политического дискурса)

В своей книге «Звук и смысл» А.П. Журавлев предлагает идею оценивать фонетическое значение звуков речи с помощью различных признаков. Следует учитывать тот факт, что любое сочетание звуков или слов вызывает у человека

определенные ассоциации к источнику этих звуков и фоносемантическому (звуковому) значению. По мнению А.П. Журавлева, у звуков можно обнаружить не только некую содержательность, но и измерить тонкие, почти не осознаваемые людьми свойства звуков. К примеру, рычание или скрежет на низких тонах вызывает у человека чувство опасности и ожидание чего-то большого, даже если человек не видит источник этого звука. А щебетание птиц и скрежет железом по стеклу (высокие тона) уже не воспринимаются человеком как несущий опасность звук. Ассоциации между определенными звуками и их значениями являются довольно устойчивыми и связь между звучанием слова и ожиданиями, ими порождаемыми, можно оценить с помощью специальных программ, о которых выше шла уже речь.

В основе алгоритмов фоносемантического анализа, таким образом, лежит идея А.П. Журавлева о том, что любое сочетание звуков вызывает у реципиента бессознательные ассоциации. Эти тонкие, почти не осознаваемые свойства могут быть количественно измерены. Например, в русском языке преобладание звука [х] коррелирует с оценками «плохой», «отталкивающий», в то время как сонорный [р] ассоциируется с семантикой «сильный», «могучий», «грубый». Таким образом, звуки речи несут в себе скрытый эмоциональный код, воздействующий на слушателя независимо от лексического значения слов [Журавлев 1991: 21].

Помимо программ, требующих инсталляции, существуют доступные онлайн-сервисы, такие как **analizpisem.ru**, которые также опираются на шкалы А.П. Журавлева (используя 23-25 биполярных признаков). Особенность таких сервисов заключается в возможности оперативного анализа объемных текстов с выдачей предполагаемого психологического профиля автора или скрытого суггестивного посыла текста [Онлайн-сервис анализа писем: эл.ресурс].

Интересным является тот факт, что в программе помимо анализа текстов, также приводится информация о психическом состоянии автора в момент написания письма, его настроение, личностные характеристики автора и скрытое подсознательное послание письма. На официальном сайте онлайн-сервиса приводится анализ некоторых известных писем, текстов и обращений. Следует

отметить, что в открытом доступе можно прочитать подробный анализ письма Евгения Онегина Татьяне Лариной из одноименного романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», или же письмо Пьера Безухова Наташе Ростовской из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» и т.д.

Анализ фонетического и подсознательного воздействия текста находит широчайшее применение в **политической лингвистике**. Спичрайтеры (лингвистические имиджмейкеры), составляющие тексты для глав государств, тщательно отбирают не только лексику, но и фонетическую структуру слов для достижения максимального суггестивного эффекта.

Рассмотрим фоносемантический потенциал ораторского искусства на примере политического дискурса мировых лидеров.

В выступлениях 45-го президента США **Дональда Трампа** основной упор делается на когнитивно-дискурсивные стратегии привлечения внимания и агрессивного убеждения.

В своих интервью он делает основной упор на когнитивно-дискурсивных стратегиях речи. Его цель – привлечение слушателей на свою сторону, их убеждение в своей правоте и идейное объединение нации. В его речи изобилуют большое количество оценочных слов с положительными и отрицательными коннотациями: *triumph* – «триумф», *peaceful* – «мирный», *crime* – «преступление», *poverty* – «бедность». В своих выступлениях Трамп демонстрирует свою уверенность и толерантность, стремится ассоциировать себя с народом. Об этом мы можем увидеть в его речи, в которой политик часто использует местоимение «мы» (подробнее см. [Опарина 2020]).

Однако эффект его дискурса достигается не только за счет оценочной лексики (*triumph*, *crime*), но и через специфическую фонетическую организацию речи. Спичрайтеры активно используют ритмические параллельные конструкции, аллитерации и жесткие фонетические акценты на ключевых словах, что на бессознательном уровне транслирует аудитории образ силы, безапелляционности и доминирования.

Иную фоносемантическую стратегию можно наблюдать в речевом портрете Президента РФ В.В. Путина. Наряду с Дональдом Трампом, В.В. Путин также считается одним из самых влиятельных людей в мире и выдающимся политиком современности. Помимо того, что В.В. Путин является президентом РФ, главой государства, политиком, он также является прекрасным оратором, что проявляется в его умении выступать и грамотно, тактично, достойно отвечать на вопросы представителей СМИ. Речевой портрет лидера нации имеет ряд особенностей, которые будут рассмотрены ниже.

Речь В.В. Путина последовательна, логична и сконструирована. В речи присутствует тема, предмет, факты, которые плавно следуют один за другим. Тембр голоса мягкий, спокойный, но проникновенный. С помощью интонации президент акцентирует и выделяет необходимые фразы в своём выступлении. Важной особенностью речи является наличие частых пауз между фразами, которые не обременяют речь, а кажутся вполне уместными в проговариваемой проблеме. Во время общения с людьми в прямом эфире, он все ответы начинает с обращения по имени и отчеству, что располагает к нему слушателей.

Его публичные выступления характеризуются особой ритмикой и интонационной архитектурой. Важнейшим инструментом воздействия здесь выступает не фонетическая агрессия, а грамотное использование пауз и смысловых ударений. Даже при использовании экспрессивной или разговорной лексики («мочить в сортире», «замучаешься пыль глотать»), фонетическая подача этих фраз – ровная, без форсирования звука – создает когнитивный диссонанс у оппонентов, но у целевой аудитории формирует подсознательный образ абсолютной уверенности, скрытой силы и контроля над ситуацией.

Мы приходим к выводу, что речевой портрет В.В. Путина представляет собой совокупность языковых особенностей, имеющих в основе социально-психологические причины. Анализ его речи характеризует его как высокообразованного человека, обладающего глубоким, гибким умом, широким кругозором и являющегося лидером на политической арене.

Речь политика также славится шутками и отличается тонким юмором. Об этом свидетельствуют видеоролики в различных онлайн-сервисах (см. например, его выступления [Шутки В.В. Путина (а), (b): эл.ресурс]).

Таким образом, фоносемантический анализ доказывает, что речевой портрет лидера – это не только лексика и синтаксис, но и сложная звуковая организация. Использование компьютерных программ и психолингвистических шкал позволяет дешифровать этот скрытый уровень воздействия, что делает фоносемантику мощным инструментом современного языкознания.

2.2.2. Возможности компьютерного фоносемантического анализа

Среди существующих инструментов фоносемантического анализа наиболее известной и методологически обоснованной считается компьютерная система *Vaal.ru*. Несмотря на определенные ограничения, о которых упоминалось ранее, область ее практического и научно-исследовательского применения достаточно широка.

Система позволяет решать комплекс задач: оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие звуковой структуры слов и текстов на подсознание реципиента; генерировать лексемы с заданными фоносемантическими характеристиками; осуществлять контент-анализ по встроенным и пользовательским категориям; а также анализировать звуко-цветовые характеристики текста. Программа успешно применяется не только в коммерческой сфере (нейминг, создание рекламных слоганов и названий торговых марок), но и в политической лингвистике. Исторически система доказала свою эффективность при фоносемантической корректировке речей в ходе избирательных кампаний в Государственную Думу РФ (1993–1999 гг.) и президентских выборов (1996, 2000 гг.). В настоящее время алгоритмы *Vaal* используются психолингвистами, спичрайтерами и специалистами в области нейролингвистического программирования (НЛП) в научно-исследовательских

целях [Программное обеспечение для фоносемантического анализа русского, английского языков: эл.ресурс].

Алгоритм работы программы базируется на звукобуквенном анализе текста. При вводе данных из фонетических характеристик первостепенно учитываются мягкость согласных и место ударения. Программа определяет мягкость по формальному правилу: согласные смягчаются перед йотированными гласными (Е, Ё, Ю, Я), гласной И, а также перед мягким знаком (Ь). Место ударения маркируется апострофом. Таким образом, текст вводится в систему в стандартном печатном виде с расстановкой ударений, после чего программа переводит его в фонетическую транскрипцию [Журавлев 1991: 40].

Фундаментом, на котором строятся вычислительные алгоритмы программы, является методика А.П. Журавлева. В результате масштабных психолингвистических экспериментов исследователь оценил звуко-символизм всех фонем русского языка, составив матрицу оценок по 25 антонимическим шкалам семантического дифференциала [Журавлев 1991: 159]:

1. Хороший – плохой
2. Большой – маленький
3. Нежный – грубый
4. Женственный – мужественный
5. Светлый – темный
6. Активный – пассивный
7. Простой – сложный
8. Сильный – слабый
9. Горячий – холодный
10. Быстрый – медленный
11. Красивый – отталкивающий
12. Гладкий – шероховатый
13. Легкий – тяжелый
14. Веселый – грустный
15. Безопасный – страшный

16. Величественный – низменный
17. Яркий – тусклый
18. Округлый – угловатый
19. Радостный – печальный
20. Громкий – тихий
21. Длинный – короткий
22. Храбрый – трусливый
23. Добрый – злой
24. Могучий – хилый
25. Подвижный – медлительный.

Опираясь на факторный анализ и классическую теорию Ч. Осгуда, А.П. Журавлев распределил вышеперечисленные 25 шкал на три базовые группы (фактора). Такое распределение обусловлено высокой степенью семантической корреляции между признаками внутри групп:

- В **первую группу (фактор «Оценка»)** вошли шкалы, отражающие общее эстетическое и прагматическое восприятие: «хороший – плохой», «красивый – отталкивающий», «безопасный – страшный», «простой – сложный», «гладкий – шероховатый», «округлый – угловатый».
- Во **вторую группу (фактор «Сила»)** были включены признаки, отражающие мощь и интенсивность: «могучий – хилый», «нежный – грубый», «женственный – мужественный», «сильный – слабый», «горячий – холодный», «легкий – тяжелый», «громкий – тихий», «храбрый – трусливый».
- В **третью группу (фактор «Активность/Подвижность»)** вошли динамические характеристики: «подвижный – медлительный», «активный – пассивный», «быстрый – медленный», «веселый – грустный», «длинный – короткий» [Журавлев 1991: 20-21].

Данная классификация подтверждает теорию А.П. Журавлева о том, что семантическая структура слова многокомпонентна и состоит из трех уровней:

1. *понятийное ядро* – основная, осознаваемая денотативная часть слова;

2. *признаковый аспект* – коннотативные признаки, которые осознаются менее четко, но поддаются описанию;

3. *фонетическая значимость* – скрытый уровень, который не обозначает ни понятия, ни предмета, однако оказывает прямое бессознательное воздействие на восприятие слова реципиентом [Журавлев 1991: 29].

Критерии оценивания звуков по шкалам строго математизированы. В анкетах А.П. Журавлева использовалась пятибалльная шкала (Рисунок №1).

Рисунок №1 [Журавлев 1991: 15].

Если посмотреть на схему, то становится ясно, что звуки оцениваются по пяти критериям от 1 до 5 и в результате множественных опросов выводится среднеарифметическое значение. Значимыми считаются показатели больше 3,5 и меньше 2,5, если оценка для звука попадала в интервал > 2.5 и ≤ 3.5 считалось, что звук не оказывает ярко выраженного значения в конкретной паре из шкал. Оценки 1 и 2 – являются положительными, а 4 и 5 – отрицательными. Это связано с тем, что на подсознательном уровне респондентам приятнее ставить положительные оценки, а не наоборот (данное предположение было доказано экспериментальным путем). Поэтому автор изменил условия оценивания.

Согласно методике, оценка 3 является нейтральной (отсутствие выраженного признака). В результате статистической обработки множественных реакций вычислялось среднее арифметическое значение для каждого звука. Фоносемантический признак считался значимым (ярко выраженным), если средняя оценка выходила за пределы нейтральной зоны: то есть была меньше 2,5 (тяготение к левому полюсу, например, «хороший») или больше 3,5 (тяготение к

правому полюсу, например, «плохой»). При этом исследователем учитывалась психологическая специфика ассоциирования: эксперименты показали, что на подсознательном уровне респонденты проявляют тенденцию завышать оценки («сдвиг к позитивному полюсу»), что потребовало специальной калибровки шкал для достижения максимальной объективности.

Лексическое значение слова – это его содержание, звучание – его форма. Содержание и форма в любом явлении действительности взаимодействуют вполне определенным образом, а именно – они всегда стремятся к взаимному соответствию. Содержание и форма слова должны стремиться к взаимному соответствию, которую именуют мотивацией, а слово, для которого это стремление оказалось реализованным, т.е. содержание и форма которого находятся в соответствии, называют мотивированным.

Значение слова – это одна из самых неоднозначных и спорных проблем в теории языка. Вопрос определения лексического значения слова подробно изучены в трудах многих лингвистов. Однако, несмотря на многовековую историю, он до сих пор не получил достаточно ясного ответа.

Возможность математического измерения фонетической значимости проливает свет на одну из самых сложных проблем теории языка – проблему лексического значения и мотивированности языкового знака. В любом явлении действительности содержание и форма стремятся к взаимному соответствию (изоморфизму). Слово, в котором это соответствие реализовано, признается мотивированным. В то время как традиционная семантика фокусируется преимущественно на понятийном содержании, фоносемантика исследует именно этот скрытый уровень мотивированности, доказывая, что звучание (форма) способно напрямую транслировать смысловые и эмоциональные коды, оказывая прогнозируемое воздействие на слушателя.

2.3. Специфика проведения фоносемантического эксперимента в таджикской аудитории

Переход от компьютерного моделирования к живому психолингвистическому анкетированию требует строгого учета этнокультурных факторов. Фоносемантическое восприятие звука неразрывно связано с тем, в какой языковой среде формировалось сознание респондента. Поскольку наше исследование базируется на опросе студентов вузов Республики Таджикистан, прежде чем переходить к описанию методологии и фонетических особенностей, необходимо охарактеризовать уникальный социолингвистический ландшафт, в котором протекает их РД.

2.3.1. Языковая ситуация и особенности билингвизма в таджикской лингвокультуре

Затронув тему о билингвизме, следует начать с того, что Центральная Азия «исторически была многоязычным ареалом, где в разные времена доминировали разные этнические группы и разные языки. Таджикистан, который являлся наименьшей по размеру из бывших Центральноазиатских государств, на протяжении последних десяти лет сформировал собственную языковую политику» [Khudoikulova 2015: 164]. Трехязычие таджиков является неизбежным фактором будущего развития нации (таджикский, русский и английский). Подтверждение сказанному был подписан Указ «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан» (4 апреля 2003 г.), изданный Президентом Республики Таджикистан, который определил курс языковой политики государства. На основании данного курса была принята «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республики Таджикистан», призванная удовлетворить естественную или социальную потребность таджиков во владении русским и английским языками

[Шамбезода 2019: 166].

Х.Д. Шамбезода отмечает, что на территории современного Таджикистана таджикский язык функционирует как государственный, родной, а также как средство межнационального общения среди определенных народных групп Бадахшана, между таджиками и узбеками. Русский язык функционирует в качестве родного языка среди русских, евреев, корейцев и др., а также является общим языком межнационального общения. Узбекский язык используется как родной язык самой большой национальной диаспоры (20% от общей численности населения) после титульной нации республики [Шамбезода 2019: 168: эл.ресурс].

В РТ можно выделить три социолингвистические зоны: северную, в которой, в основном, доминирует таджикский, узбекский и русские языки; южную зону, которая характеризуется высоким престижем таджикского и русского языков. В этой зоне можно выделить две субзоны: Джиргитальский район (характеризуется высоким престижем киргизского, таджикского и русского языков) и Шаартузский и Турсунзадевский районы (характеризуются высоким престижем узбекского, таджикского и русского языков). Третья социолингвистическая зона – восточная, или Бадахшанская (характеризуется широким использованием таджикского и русского языков). В данной зоне следует выделить субзону Мургабский район (отличается широким использованием киргизского, таджикского, русского и шугнанского языков) [Шамбезода 2019: 168: эл.ресурс].

Вопрос о билингвизме в РТ также исследовала Д.М. Искандарова в своей статье «Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны». По мнению исследователя в современном Таджикистане языковая ситуация характеризуется наличием нескольких больших и малых языков, количество носителей и сферы функционирования которых имеют значительное различие. Государственным языком в РТ является таджикский язык, русский является языком межнационального общения. В советский период русский язык считался родным для большого количества жителей страны, но ввиду политических событий 1990-ых гг. и гражданской войны 1992–1997 гг. носители русского языка массово

эмигрировали из Таджикистана. Эти события значительно повлияли на этноязыковой ландшафт страны [Искандарова 2023: эл.ресурс].

В статье отмечается, что чаще всего в стране используют и функционируют три языка: таджикский, русский и узбекский. Таджикский язык является родным и имеет статус государственного языка, а также используется как средство межэтнического общения между некоторыми этническими группами Бадахшана. Русский язык является общим языком межэтнического общения, а также родным языком русских, белорусов, корейцев, евреев и т.д. Узбекский язык функционирует как родной язык для крупнейшей национальной диаспоры в стране – узбеков: 14% от общей численности населения [Искандарова 2023: эл.ресурс].

Подчеркивается, что особый интерес вызывают и памирские языки. Следует отметить, что Горно-Бадахшанский автономный округ занимает 45% территории страны и в этом ареале проживают небольшие этнические группы, общее количество которых превышает 270 тыс. человек. Основными «языками» на которым говорят жители Бадахшана являются памирские языки, которые состоят из 14 языков и диалектов [Iskandarova etc. 2016: 9-10].

Следовательно, исследователь заключает, что этноязыковой ландшафт Таджикистана довольно разнообразен и богат, и это разнообразие обуславливает существующий в стране билингвизм/мультилингвизм. Но следует отметить, что доминирующими языками в количественном отношении являются таджикский и русский языки, а это ведет к усилению несбалансированного характера нынешней языковой ситуации [Искандарова 2023: эл.ресурс]. В исследованиях Д.М. Искандаровой также затронуты вопросы самоидентификации билингвов, что иногда бывает довольно сложной задачей в связи с необходимостью выбора естественного билингва, идентифицировать ли себя по национальности (которая зачастую определяется по отцу), по языку матери или по языку основной коммуникации.

Именно эта сложная двойственность языкового сознания и доминирование таджикско-русского билингвизма являются ключевыми факторами,

определяющими специфику нашего практического исследования. Поскольку слуховое восприятие опрошенных нами респондентов формируется на пересечении двух различных фонологических систем, бессознательная оценка любого звука неизбежно происходит сквозь призму обеих языковых картин мира.

В связи с этим, для того чтобы объективно исследовать скрытый суггестивный потенциал звуков таджикского языка, нам необходимо было адаптировать существующие психолингвистические методики к специфике изучаемой лингвокультуры. Базовым методом нашего исследования стал направленный АЭ (семантический дифференциал), однако его проведение требовало предварительного контрастивного анализа фонетических систем русского и таджикского языков, поскольку артикуляционно-акустические базы напрямую влияют на фоносемантическое восприятие.

2.3.2. Основные фонологические отличия таджикского и русского языков

Специфика фоносемантического эксперимента в таджикоязычной аудитории во многом продиктована отсутствием в таджикском языке категории, которая является ключевой для русского консонантизма – противопоставления согласных по твердости/мягкости (палатализации).

В доказательство своих слов мы приведем исследование звуков таджикского языка учеными М. Файзовым, Т.Н. Хаскашевым и С.Д. Арзумановым в области отечественной фонетики.

Как отмечают ведущие исследователи отечественной фонетики С.Д. Арзуманов и А. Сангинов, в таджикском языке звуки произносятся и воспринимаются нейтрально по отношению к палатализации. Например, если в русском языке фонемы [д] и [т] перед переднеязычными гласными обязательно смягчаются (как в словах *тетрадь*, *дети*), то в таджикском языке в аналогичной позиции (*соати дастӣ*, *теша*) они сохраняют свою нейтральную артикуляцию [Арзуманов, Сангинов 1988: 120]. Единственным исключением является звук [л],

который в таджикском языке артикулируется как полумягкий (альвеолярный), представляя собой нечто среднее между русскими [л] и [ль] (например, в слове *сел* – поток).

Значительные расхождения наблюдаются и в системе вокализма. Т.Н. Хаскашев выделяет в современном таджикском литературном языке шесть стабильных гласных фонем: [a], [и] ([й]), [o], [y], [э], [ӯ] [Хаскашев 1983: 49]. Принципиальным отличием таджикского вокализма является устойчивость гласных: в частности, фонема [o] (в отличие от русской [o], подверженной редукции в безударной позиции) всегда сохраняет свое качество, будучи более открытой артикуляционно (*борон* – дождь, *бозор* – рынок). Кроме того, в таджикском языке присутствуют специфические гласные: [й] (маркирующий ударную позицию в исходе слова) и [ӯ] (лабиализованный гласный среднего ряда, артикулируемый как промежуточный между [y] и [o]).

Что касается согласных звуков таджикского языка, которые были упомянуты выше, Т. Хаскашев выделяет 23 согласные фонемы: б, п, м, в, ф, д, т, з, с, ж, ш, ч, ц, л, р, н, й, к, г, ғ, х, қ, ғ отмечает, что ученые не включают ь в список фонем [Хаскашев 1983: 50-51].

Особый фоносемантический интерес представляют специфические консонантные фонемы таджикского языка, не имеющие прямых аналогов в русской фонетике:

- [ғ] – увулярный звонкий щелевой звук (фрикативный);
- [ч] – звонкая переднеязычная аффриката (соответствующая слитному произношению [дж]);
- [қ] – увулярный глухой смычный звук;
- [х] – фарингальный глухой щелевой звук, требующий напряжения гортани при артикуляции [Хаскашев 1983: 50-51].

Особый статус в таджикской графике и фонетике занимает знак «ъ» (аломати сакта), который не является просто разделительным знаком, как в русском языке, а передает гортанную смычку – кратковременную задержку дыхания или обрыв звучания (например, *чумъа*, *таъсир*). Учитывая его

артикуляционную самостоятельность, мы включили «ъ» в экспериментальную анкету наряду с полновзвучными фонемами. Буква «ъ» была исключена из списка стимулов за отсутствием таковой в таджикской графике.

2.3.3. Подготовка эксперимента: адаптация шкал и процедура опроса

Стоит подчеркнуть, что в настоящее время в лингвистике все чаще говорят об экспериментальной лингвистике, которая, в свою очередь, считается новой областью языкознания. Она исследует все экспериментальные методы, которые рассматриваются в различных областях лингвистики: не только в психолингвистике, но и в когнитивной лингвистике, в лингвокультурологии, социолингвистике и т.д. В первой главе достаточно подробно было изучено, что роль эксперимента в психолингвистике очень важна, ведь без практического применения определить семантику звуков невозможно. Для того, чтобы исследовать значение звуков, необходимо провести эксперимент, поскольку именно эксперимент считается эффективным способом определения значения звуков.

Практический этап исследования потребовал серьезной лексикографической и переводческой работы. В основе нашего эксперимента лежали 25 антонимических шкал А.П. Журавлева. Перевод данных шкал на таджикский язык сопровождался рядом трудностей, обусловленных несовпадением семантических полей в двух языках.

Главная проблема заключалась в дифференциации синонимичных признаков. Например, русские пары «хороший – плохой» и «добрый – злой», а также «быстрый – медленный» и «подвижный – медлительный» требовали такого перевода, который бы сохранял тонкие коннотативные различия оригинала. Особые сложности вызвал перевод шкалы «нежный». Первоначальные варианты «*нарма*» и «*мулоим*» были отклонены из-за излишней физической осязаемости этих признаков; в итоге был выбран вариант «*форам*» (приятный, благозвучный), как наиболее точно отражающий фоносемантическую суть. Для шкалы «сильный»

был подобран эквивалент «*боқувват*», а для «слабый» (чтобы избежать дублирования с «*нарм*») – антоним «*беқувват*». Подобная лингвокультурная адаптация стимульного материала обеспечила высокую валидность последующего опроса.

Специфику представляла и сама процедура психолингвистического оценивания. Для оценки фонем респондентам была предложена классическая пятибалльная шкала СД: от 1 (максимально выраженный позитивный признак) до 5 (максимально выраженный негативный признак), где 3 обозначала нейтральное отношение. Трудность для таджикских студентов заключалась в контринтуитивности такой шкалы по сравнению с традиционной школьной системой оценок (где 5 – это высший балл). Кроме того, сложной оказалась сама когнитивная задача: респондентам было необходимо абстрагироваться от графического облика буквы и оценивать подсознательное впечатление от *звучания* (например, насколько звук является «тяжелым» или «светлым»).

Ввиду высокой когнитивной нагрузки на респондентов и объема анкеты (оценка 38 звуков и знаков по 25 шкалам), этап сбора данных сопровождался строгой процедурой отбраковки (верификации) материала. Анкеты, в которых наблюдалось механическое заполнение (например, выбор только оценки «1» по всем шкалам) или наличие значительного числа пропусков, исключались из итоговой выборки как статистически недостоверные.

2.3.3.1. Ход эксперимента и характеристика выборки

Следует отметить, что было проведено анкетирование на базе трех ведущих высших учебных заведений Республики Таджикистан: Таджикского национального университета (ТНУ), Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе и Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) и опрошено более 170 респондентов. В основной массив выборки вошли студенты языковых специальностей (с 1 по 5 курс), в частности, студенты направлений

«Компьютерная лингвистика» и «Русская филология» ТНУ. Среди опрошенных были и взрослые люди разных профессий и возрастных категорий.

В общей сложности в анкетировании приняли участие более 180 человек, включая контрольную группу носителей русского языка из РФ (12 человек) для верификации контрастивных данных.

Таким образом, мы провели ряд АЭ среди студентов 2, 3 и 4 курсов Таджикского национального университета. Первый эксперимент был проведен среди студентов 2 курса специальности «Компьютерная лингвистика» с таджикским языком обучения, а также студентов, учащихся по специальности «Русская филология» ТНУ. Для проведения эксперимента была подготовлена анкета, в которой были приведены все звуки таджикского языка, кроме Ъ, поскольку в таджикском языке данный знак отсутствует. Ъ знак мы добавили в анкету, поскольку в таджикском языке Ъ знак – это гортанный смычный звук и функции, выполняемые им, иные, нежели в русском языке. От респондентов требовалось дать характеристику всем звукам таджикского языка, а именно негативные звуки выделить знаком «-», положительные знаком «+», а нейтральные – ничего не писать. Звуки характеризовались по 25 антонимическим шкалам А.П. Журавлева. Для удобства шкалы были переведены на таджикский язык, так как в качестве респондентов участвовали носители таджикского языка.

В нашем эксперименте участвовали 54 студента, но в процессе подсчета данных 4 анкеты были забракованы, поскольку во всех характеристиках студентами были проставлены только знаки «+» или «-», что является нелогичным и неправильным.

В итоговый статистический анализ, после процедуры отбраковки некорректно заполненных бланков, вошли данные 50 полных и корректных анкет из первой целевой группы (студенты ТНУ), результаты обработки которых представлены в следующем разделе.

2.3.4. Анализ согласных звуков таджикского языка: результаты эксперимента и культурно-историческое обоснование

В данном анкетировании было решено акцентировать внимание на специфических согласных звуках таджикского языка: [X], [X], [Ч], [F], [K], которые не имеют полных артикуляционных аналогов в русской фонетической системе. Эти фонемы представляют особый интерес, поскольку их восприятие таджикскими билингвами формируется на пересечении двух языковых картин мира.

Для удобства интерпретации полученных данных 25 шкал А.П. Журавлева были сгруппированы по трем базовым фоносемантическим факторам: «Оценка» (эстетическое восприятие), «Сила» (мощь, тяжесть) и «Активность» (динамика).

Анализ звуков [X] и [X]: вектор позитивной оценки. Результаты эксперимента убедительно демонстрируют, что фарингальный звук [X] и увулярный [X] воспринимаются носителями таджикского языка в резко положительном ключе. Звук [X] показал абсолютное доминирование положительных реакций (ни одной отрицательной характеристики из 25). По фактору «Оценка» респонденты охарактеризовали его как *хороший* (38+), *красивый* (31+), *безопасный* (29+) и *радостный* (32+). По фактору «Сила» звук воспринимается как *нежный* (33+) и *легкий* (28+), а по фактору «Активность» – как *веселый* (37+) и *подвижный* (27+). Близкие, хотя и чуть более сдержанные результаты, показал звук [X]. Он также вошел в зону позитивной оценки: *светлый* (29+), *безопасный* (30+), *хороший* (31+), однако по фактору силы проявил тенденцию к нейтральности, а по некоторым шкалам (*отталкивающий* 26-) показал смешанные реакции.

Анализ звуков [Ч], [F], [K]: вектор тяжести и суровости. Принципиально иную фоносемантическую картину продемонстрировали увулярные смычно-щелевые звуки [F] и [K], а также аффриката [Ч]. Анализ выявил их ярко выраженную принадлежность к негативному полюсу по фактору «Оценка» и к

полюсу тяжести/грубости по фактору «Сила». Так, звук [Қ] по 24 из 25 шкал получил отрицательный индекс. Респонденты воспринимают его как *плохой* (37-), *грубый* (40-), *мужественный* (39-), *темный* (37-) и *тяжелый* (35-). Аналогичная картина наблюдается у звука [Ғ], который ассоциируется с семантикой *грубого* (44-), *сложного* (40-), *страшного* (35-) и *угловатого* (42-). Аффриката [Ч] также стабильно удерживается в зоне негативных и «тяжелых» коннотаций (*грубый* 32-, *отталкивающий* 30-, *печальный* 31-).

Сводные результаты статистической обработки данных представлены в Таблице № 1 и Таблице № 2.

Таблица № 1 – Результаты количественного анализа специфических согласных звуков таджикского языка

+	-	Ҳ	Х	Ч	Ғ	Қ
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)		38/12	31 ¹ /19	21/29	10/40	13/37
2. Большой (калон) – маленький (хурд)		30/20	25/25	26/24	21/29	25/25
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)		33/17	28/22	18/32	6/44	10/40
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)		25/25	22/28	17/33	11/39	11/39
5. Светлый (равшан) – темный (торик)		29/21	29/21	24/26	9/41	13/37
6. Активный (фаъол) – пассивный (ғайрифаъол)		28/22	30/20	22/28	11/39	23/27
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)		25/25	27/23	16/34	10/40	12/38

¹ Первая цифра, выделенная синим цветом, обозначает количество положительных ответов. Вторая цифра, выделенная красным цветом, обозначает количество отрицательных ответов. Серый цвет обозначает нейтральный ответ.

8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)	29/21	25/25	28/22	25/25	24/26
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	29/21	21/29	22/28	13/37	14/36
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	25/25	26/24	23/27	23/27	17/33
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	31/19	24/26	20/30	13/37	15/35
12. Гладкий (ҳамвор) – шероховатый (ноҳамвор)	29/21	26/24	19/31	12/38	13/37
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	28/22	27/23	22/28	14/36	15/35
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	37/13	27/23	22/28	12/38	18/32
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)	29/21	30/20	20/30	15/35	18/32
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	33/17	25/25	19/31	12/38	15/35
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	29/21	26/24	16/34	11/39	21/29
18. Округлый (гирда) – угловатый (қиррадор)	28/22	18/32	19/31	8/42	13/37
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	32/18	22/28	19/31	6/44	15/35
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	25/25	22/28	19/31	25/25	24/26
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтох)	31/19	23/27	17/33	18/32	16/34

22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	27/22/ 1	30/19/ 1	23/26/ 1	25/24/ 1	22/27/ 1
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	33/16/ 1	25/24/ 1	22/27/ 1	13/36/ 1	14/35/ 1
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	28/21/ 1	29/20/ 1	24/25/ 1	20/29/ 1	19/30/ 1
25. Подвижный (пурҳаракат) – медлительный (сустҳаракат)	27/23	24/26	21/29	15/35	21/29

Проведенный анализ свидетельствует о том, что звуки **Х** (21+) и **Х** (14+) в сознании носителей языка воспринимаются как положительные. Хотелось бы подчеркнуть, что буква **Х** не получила ни одного негативного результата. Такого результата другие звуки не показали. Звуки **Ч** (23-), **Ғ** (22-), **Қ** (24-), в сознании носителей таджикского языка воспринимаются как негативные.

Для наглядного представления дифференциации фонем по их эстетической оценке (положительная/отрицательная направленность) нами была составлена сводная матрица валентности звуков (Таблица № 2).

Таблица № 2 – Матрица валентности «положительных» и «отрицательных» звуков по 25 шкалам

+	-	Х	Х	Ч	Ғ	Қ
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)		+	+	-	-	-
2. Большой (калон) – маленький (хурд)		+	нейт.	+	-	нейт.
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)		+	+	-	-	-
4. Женственный (занона) –		нейт.	-	-	-	-

мужественный (мардона)					
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	+	+	-	-	-
6. Активный (фаъол) – пассивный (ғайрифаъол)	+	+	-	-	-
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	нейт.	+	-	-	-
8. Сильный (боқувват)– слабый (беқувват)	+	нейт.	+	нейт.	-
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	+	-	-	-	-
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	нейт.	+	-	-	-
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	+	-	-	-	-
12. Гладкий (ҳамвор) – шероховатый (ноҳамвор)	+	+	-	-	-
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	+	+	-	-	-
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	+	+	-	-	-
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)	+	+	-	-	-
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	+	нейт.	-	-	-
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	+	+	-	-	-
18. Округлый (гирда) – угловатый (қиррадор)	+	-	-	-	-

19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	+	-	-	-	-
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	нейт.	-	-	нейт.	-
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтоҳ)	+	-	-	-	-
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	+	+	-	+	-
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	+	+	-	-	-
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	+	+	-	-	-
25. Подвижный (пурҳаракат) – медлительный (сустҳаракат)	+	-	-	-	-

Для дополнительного удобства визуального восприятия статистического распределения мы также привели соответствующие гистограммы и графики (см. Приложение № 1, Приложение № 1а).

2.3.4.1. Фоносемантика звуков в структуре имени собственного

Адекватность полученных экспериментальных данных подтверждается и при компьютерном моделировании. Ранее результаты оценки увулярных и аффрикативных звуков частично рассматривались нами в статье «Перспективы исследования фоносемантической системы таджикского языка» [Олимова 2021] на материале антропонимов (имен собственных).

При анализе имен *Қурбон*, *Ғиёс* и *Ҷасур* через программу «Ваал-мини» (с использованием русских транслитераций *Курбон*, *Гиёс*, *Джасур*) программа выдавала стойкий негативный, резкий или тяжеловесный фоносемантический ореол. Специфические таджикские звуки [Қ, Ғ, Ҷ] по своему реальному звучанию

являются артикуляционно более напряженными и грубыми, чем их русские субституты [К, Г, ДЖ]. Проведенный нами АЭ с живыми носителями языка полностью подтверждает данные машинного алгоритма: эти звуки действительно несут в себе заряд фонетической тяжести, суровости и мужественности (что, стоит отметить, в контексте мужских имен собственных является скорее социокультурным плюсом, подчеркивающим маскулинность носителя имени, несмотря на формальный «негативный» индекс по шкале Журавлева).

Полученные парадоксальные данные, почему исконно таджикско-персидские звуки воспринимаются самими носителями как «грубые» и «страшные», невозможно интерпретировать исключительно с позиций европейской психолингвистики. Объяснение, по нашему мнению, кроется в глубинных этнокультурных механизмах. Говоря о предпосылках фоносемантики в таджикской культуре, мы уже рассмотрели в первой главе традицию **Таджвида** – науки о правильном чтении Корана. Рассмотрим результаты нашего фоносемантического эксперимента с точки зрения влияния традиций Таджвида.

2.3.4.2. Культурно-историческое обоснование результатов: влияние традиции Таджвида

В работе исследуется таджикский язык, который веками находился под огромным влиянием арабо-персидской традиции. Те самые «специфические» звуки, которые подвергаются анализу в данном исследовании – [к], [ғ], [х], [ъ] – являются общими для таджикского и арабского языков (и отсутствуют в русском). Их восприятие таджиками формировалось не только в быту, но и через слушание Корана.

Языковое и слуховое сознание носителей таджикского языка веками формировалось под мощным влиянием арабо-мусульманской традиции, в частности, науки правильного чтения Корана – **Таджвида** (см. подробнее раздел 1.6). Важно отметить, что в исламской культуре звук обладает сакральным статусом. Красота чтения Корана (тилява) основана на фоносемантическом

воздействии – звуки должны вызывать трепет, успокоение или страх (в зависимости от аята).

В классической арабской фонетике звуки наделяются не только артикуляционными, но и строгими прагматическими характеристиками (Ибн Джинни). Так, звуки [К] и [Ф] относятся к категории «муста'лия» (звуки возвышения/тафхим), требующие напряжения гортани и подъема корня языка. В сакральной традиции их тяжелое, раскатистое и эмфатическое звучание призвано вызывать трепет, передавать семантику мощи, суровости, величия и неотвратимости (например, Божьего гнева или силы).

Именно поэтому в обыденном сознании таджикских студентов, тестируемых по шкалам Журавлева, эта «величественная суровость» трансформировалась в характеристики «грубый», «мужественный», «тяжелый», «страшный».

Напротив, звук [Х] в Таджвиде относится к категории «хамс» (шепотные звуки) и «рихва» (мягкие, текучие), артикулируемые без напряжения голосовых связок. В ментальном лексиконе он ассоциируется с дыханием, легкостью, духовностью (ср. слова *ҳаёт* – жизнь, *руҳ* – дух), что идеально объясняет его абсолютные показатели по шкалам «нежный», «светлый», «легкий».

Наука Таджвид, таким образом, детально описывает *место выхода* звука (махрадж). Например, звуки [х] и [ъ] – горловые. В фоносемантике (по Воронину) артикуляция напрямую связана со смыслом (трудно произносить = «тяжелый» смысл). Таджвид подтверждает эту «тяжесть» или «твердость» (Исти'ля).

Следует отметить, что кроме согласных звуков, мы также исследовали и гласные звуки таджикского языка (А, О, И, У, Э, Ъ), о которых поговорим далее.

2.3.5. Фоносемантический анализ гласных звуков таджикского языка

После изучения консонантизма логичным этапом исследования стал фоносемантический анализ системы таджикского вокализма, представленной шестью гласными фонемами: [А], [О], [И], [У], [Э], [Ъ]. Полученные данные

продемонстрировали четкое разделение гласных на две группы: звуки с выраженным светлым, позитивным ореолом и звуки, тяготеющие к негативному или пассивному полюсу. Для интерпретации мы также использовали группировку шкал по трем факторам: Оценка, Сила и Активность.

Группа позитивных гласных: [А], [О], [И], [У]. Анализ показал, что подавляющее большинство гласных таджикского языка воспринимается носителями в сугубо положительном ключе. Безусловным лидером по позитивной валентности стал звук [А]. Из 25 шкал он получил высшие оценки практически по всем позициям: респонденты охарактеризовали его как *хороший* (50+), *активный* (48+), *громкий* (47+), *красивый* (47+), *веселый* (46+) и *радостный* (45+). Фактически, [А] воспринимается как эталон открытости и энергии.

Схожую фоносемантическую картину демонстрирует стабильный таджикский звук [О]. По фактору «Оценка» он воспринимается как *хороший* (43+) и *красивый* (39+); по фактору «Сила» – как *большой* (36+) и *сильный* (35+). Примечательно, что по шкале формы звук [О] получил абсолютное лидерство в категории «округлый» (44+), что напрямую коррелирует не только с его артикуляцией (огубленность), но и с графическим изображением буквы, доказывая явление цвето-графемной и фоно-графемной синестезии у билингвов.

Высокие гласные [И] и [У] также уверенно вошли в зону позитива. Звук [И] (20 положительных реакций из 25) ассоциируется со *светлым* (33+), *быстрым* (29+), *легким* (40+) и *нежным* (30+) началом, что типично для восприятия высоких гласных переднего ряда во многих языках мира. Звук [У] воспринимается как *сильный* (30+) и *хороший* (40+), однако по ряду шкал (например, *холодный* 28-) начинает демонстрировать легкий сдвиг в сторону суровости.

Группа негативных гласных: [Э], [Ў] Неожиданные результаты показал анализ звуков [Э] и специфического таджикского гласного [Ў]. В языковом сознании респондентов они сформировали устойчивый негативный и пассивный фоносемантический кластер. Звук [Э] набрал 14 отрицательных показателей против 11 положительных. Он оценивается как *грубый* (30-), *мужественный* (31-),

холодный (27-), *отталкивающий* (28-) и *печальный* (26-). Еще более резкую картину продемонстрировал лабиализованный гласный [Ū] (19 отрицательных шкал из 25). Носители языка воспринимают его как *плохой* (36-), *грубый* (31-), *темный* (30-), *сложный* (38-), *шероховатый* (39-) и *медлительный* (27-).

2.3.5.1. Акустическое и культурно-эстетическое обоснование результатов

Резкий контраст в восприятии открытых ([A], [O]) и специфических/закрытых ([Э], [Ū]) гласных объясняется законами акустики и историко-культурными традициями таджикского народа.

Широкие, открытые гласные [A] и [O] обладают максимальной сонорностью (звучностью). В классической персидско-таджикской поэтике (аруз) и сакральной традиции вокализации текстов именно открытые звуки несут семантику простора, ясности, возвышенности и божественного света (ср. слова *осмон* – небо, *офтоб* – солнце, *одам* – человек). Их протяжное, беспрепятственное звучание воспринимается менталитетом как эталон гармонии и радости.

Более того, подобная фоносемантическая поляризация гласных находит свое глубокое обоснование в сакральной фонетической традиции мусульманского Востока – правилах чтения Корана (Таджвиде). Как известно, классическая арабская фонологическая система, оказавшая колоссальное влияние на слуховое восприятие носителей таджикского языка, базируется на строгой триаде чистых гласных (харакат): **фатха** (движение вверх, открытость – звуки типа [A]/[O]), **касра** (движение вниз, легкость – звук [И]) и **дамма** (огубленность, собирание – звук [У]). В языковом подсознании именно эта триада закодирована как фонетический эталон чистоты, ясности и правильности. Это исчерпывающе объясняет, почему таджикские студенты в ходе эксперимента наделили звуки [A], [O], [И], [У] абсолютно позитивными, «светлыми» и «безопасными» характеристиками.

Напротив, гласные [Э] и [Ў] исторически относятся к категории так называемых «маџхул» (неизвестных, скрытых, смешанных) звуков, не имеющих прямых аналогов в сакральной арабской триаде чистых огласовок.

[Ў] артикулируется более закрыто и «сдавленно» по сравнению с чистым [У] или [О]. Акустически он менее звонкий, требует большего напряжения губ. Аналогично, звук [Э] (часто встречающийся в заимствованиях или закрытых слогах) акустически воспринимается как более плоский и резкий, что лишает его характеристик «нежности» и «светлости», присущих звуку [И].

В коллективном бессознательном носителей языка эта артикуляционная сложность, закрытость и историческая «отклоненность» от чистого эталона дешифруется по шкалам А.П. Журавлева как нечто «темное», «сложное», «шероховатое» и «печальное».

Таким образом, фоносемантические шкалы позволили экспериментально зафиксировать глубинную культурно-историческую матрицу восприятия звука, где артикуляционная сложность и нетипичность звука для сакрального канона автоматически переводит его в разряд семантически «тяжелых» и «негативных».

Сводные результаты статистической обработки данных по всем исследованным гласным звукам представлены в Таблице № 3 и матрице валентности в Таблице № 4.

Таблица № 3 – Результат фоносемантического анализа гласных звуков

+ -	А	О	И	У	Э	Ў
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)	50/1	43/8	34/17	40/11	25/26	15/36
2. Большой (калон) – маленький (хурд)	39/1 2	36/15	25/26	30/21	36/15	30/21
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)	43/8	28/23	30/21	28/23	21/30	20/31
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)	43/8	24/27	27/24	21/30	20/31	15/36
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	45/5/ 1	32/19	33/18	29/22	27/24	21/30

6. Активный (фаъл) – пассивный (гайрифаъл)	48/3	37/14	37/14	33/18	25/26	19/32
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	45/6	38/13	32/19	32/19	30/21	13/38
8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)	40/1 1	35/16	33/18	30/21	25/26	28/23
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	37/1 4	26/25	26/25	23/28	24/27	17/34
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	34/1 7	27/24	29/22	32/19	22/28/ 1	17/34
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	47/4	39/12	33/18	25/26	23/28	20/31
12. Гладкий (ҳамвор) – шероховатый (ноҳамвор)	41/1 0	35/16	33/18	26/25	24/27	12/39
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	45/6	39/12	40/11	31/20	27/24	16/35
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	46/5	33/18	22/29	26/25	24/27	16/35
15. Безопасный (беҳатар) – страшный (хатарнок)	43/8	39/12	35/16	27/24	30/21	21/30
16. Величественный (боҳашамат) – низменный (беҳашамат)	40/1 1	35/16	21/30	23/28	24/27	20/31
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	43/8	28/23	28/23	29/22	28/22/ 1	21/30
18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)	21/3 0	44/7	20/31	20/31	29/22	17/34
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	45/6	32/19	23/28	27/24	25/26	19/32
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	47/4	29/22	32/19	23/28	30/21	26/25
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтоҳ)	38/1 3	28/23	32/19	20/31	34/17	26/25
22. Храбрый (часур) –	43/7/	34/16/	27/23/	29/21/	33/17/	27/23/

трусливый (тарсончак)	1	1	1	1	1	1
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	43/7/ 1	40/10/ 1	35/15/ 1	32/18/ 1	23/27/ 1	28/22/ 1
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	47/3/ 1	35/15/ 1	26/24/ 1	25/25/ 1	23/27/ 1	20/30/ 1
25. Подвижный (пурҳаракат) – медлительный (сустҳаракат)	45/6	34/17	29/22	23/28	26/25	24/27

Таблица № 4 – Результаты анализа положительных и отрицательных звуков (Матрица валентности)

+ -	А	О	И	У	Э	Ў
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)	+	+	+	+	-	-
2. Большой (калон) – маленький (хурд)	+	+	-	+	+	+
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)	+	+	+	+	-	-
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)	+	-	+	-	-	-
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	+	+	+	+	+	-
6. Активный (фаъол) – пассивный (ғайрифаъол)	+	+	+	+	-	-
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	+	+	+	+	+	-
8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)	+	+	+	+	-	+
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	+	+	+	-	-	-
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	+	+	+	+	-	-
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	+	+	+	-	-	-
12. Гладкий (ҳамвор) – шероховатый (ноҳамвор)	+	+	+	+	-	-
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	+	+	+	+	+	-

14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	+	+	-	+	-	-
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)	+	+	+	+	+	-
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	+	+	-	-	-	-
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	+	+	+	+	+	-
18. Округлый (гирда) – угловатый (қиррадор)	-	+	-	-	+	-
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	+	+	-	+	-	-
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	+	+	+	-	+	+
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтох)	+	+	+	-	+	+
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	+	+	+	+	+	+
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	+	+	+	+	-	+
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	+	+	+	нейт р.	-	-
25. Подвижный (пурҳаракат) – медлительный (сустҳаракат)	+	+	+	-	+	-

Для лучшего визуального восприятия итогового статистического распределения мы также привели соответствующую гистограмму и график (см. Приложение № 2, Приложение № 2а).

2.4. Результаты ассоциативного эксперимента в билингвальной среде

Следующим этапом нашего исследования стало проведение ассоциативного (фоносемантического) эксперимента в среде с выраженным двуязычием. Анкетирование проводилось среди студентов 3 и 4 курсов направления «Лингвистика» Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе (50 человек). Специфика данной выборки заключается в том, что респонденты являются активными билингвами, для которых русский язык часто выступает в качестве доминирующего в образовательной и профессиональной сферах коммуникации (подробнее см. [Искандарова, Асророва 2024; Боченкова 2016: 586-590: эл.ресурс; Дешериев 1972: 28-29].

Цель данного этапа заключалась в верификации ранее полученных данных и выявлении возможных фоносемантических интерференций (сдвигов в восприятии звуков) под влиянием русской артикуляционной базы. Методика оценивания осталась неизменной (25 антонимических шкал А.П. Журавлева).

Способ оценивания был следующим: предложено было 5 баллов для оценивания – от 1 до 5, где 1 – очень хороший, 2 – хороший, 3 – нейтральный, 4 – плохой. 5 – очень плохой. От респондентов требовалось охарактеризовать все звуки по пяти шкалам, опираясь на свою интуицию.

Для удобства сравнительного анализа результаты оценки гласных звуков в билингвальной аудитории представлены в Таблице № 5.

Таблица № 5 – Результаты анализа гласных звуков таджикского алфавита (в билингвальной аудитории)

	А	О	И	У	Э	Ў
+ -						
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)	42 ² – 1	34 – 1	31 – 1	22 – 1	14 – 3	20 – 5
2. Большой (калон) –	40 – 1	41 – 1	18 – 2	24 – 1	20 – 1	20 – 1

² В данной таблице сначала приводится количество респондентов, далее – результат. Опираясь на цифры (1, 2, 3, 4, 5), мы понимаем, каков звук: положительный или отрицательный. Для ясности мы указали лишь наивысшие результаты.

маленький (хурд)						
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)	27 – 1	25 – 1	24 – 1	16 – 4	18 – 5	25 – 5
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)	27 – 1	18 – 1	36 – 1	15 – 4	22 – 4	21 – 5
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	36 – 1	20 – 1 20 – 2	23 – 2	17 – 4	15 – 3	18 – 5
6. Активный (фаьол) – пассивный (ғайрифаьол)	44 – 1	35 – 1	14 – 1	25 – 2	22 – 4	17 – 5
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	44 – 1	38 – 1	28 – 1	25 – 1	19 – 1	25 – 5
8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)	30 – 1	25 – 1	21 – 1	19 – 1	27 – 1	21 – 1
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	19 – 1	18 – 1 18 – 2	23 – 1	18 – 3	15 – 2	19 – 5
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	20 – 2	22 – 1	28 – 1	14 – 2 13 – 3 13 – 4	14 – 1 13 – 4 13 – 5	19 – 4
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	38 – 1	24 – 1	28 – 1	16 – 4	16 – 4	25 – 5
12. Гладкий (хамвор) – шероховатый (нохамвор)	38 – 1	35 – 1	32 – 1	22 – 2	19 – 1	19 – 4
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	33 – 1	28 – 1	29 – 1	23 – 1	16 – 1	19 – 5
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	32 – 1	18 – 1	26 – 1	15 – 3 14 – 1	15 – 4	17 – 5
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)	27 – 1	22 – 1	26 – 1	21 – 1	17 – 1	18 – 4
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	29 – 1	30 – 1	18 – 1 17 – 3	17 – 2	19 – 2	16 – 5
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	38 – 1	22 – 1	26 – 1	17 – 3	15 – 2	16 – 2

18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)	21 – 1	49 – 1	15 – 4 15 – 5	21 – 1	20 – 1	17 – 1
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	31 – 1	20 – 2	21 – 1	15 – 2 14 – 4	15 – 4	18 – 1
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	40 – 1	34 – 1	21 – 1	19 – 2	27 – 1	18 – 1
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтоҳ)	33 – 1	34 – 1	27 – 1	25 – 1	23 – 1	18 – 1
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	27 – 1	25 – 1	15 – 2	20 – 1	26 – 1	13 – 1 13 – 2 13 – 3
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	33 – 1	26 – 1	29 – 1	19 – 1 18 – 3	20 – 1	16 – 2 16 – 5
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	28 – 1	26 – 1	17 – 1	18 – 2	22 – 1	17 – 1
25. Подвижный (пурхаракат) – медлительный (сустҳаракат)	30 – 1	25 – 1	20 – 1 20 – 2	18 – 1	15 – 1 14 – 4	15 – 5

2.4.1. Анализ гласных звуков: билингвальный аспект

Анализ полученных данных показывает, что глубинная фоносемантическая матрица восприятия гласных у билингвов в целом совпадает с восприятием монолингвальной аудитории (см. Раздел 2.3.4), однако демонстрирует некоторые специфические тенденции.

Как и в предыдущем эксперименте, открытые и высокие гласные [А], [О], [И] воспринимаются билингвами как абсолютно положительные и доминантные. Звук [А] сохраняет лидерство по шкалам «очень хороший», «активный» и «простой». Звук [И] также сохраняет позитивную оценку, однако у билингвов он получил более выраженную оценку «женственный» (36 ответов из 50), что, вероятно, объясняется подсознательным переносом фонетического значения

русского [И], традиционно ассоциирующегося в русской фоносемантике с семантикой «маленького» и «женского».

Интересные результаты показал звук [У]. Если в монолингвальной среде он оценивался как преимущественно позитивный, то у билингвов его оценки стали более противоречивыми. Он сохранил характеристики «большой» и «длинный», но при этом стал тяготеть к шкалам «грубый» и «отталкивающий». Этот сдвиг можно объяснить тем, что в русском языковом сознании (на которое опираются студенты Филиала МГУ) звук [У] часто ассоциируется с семантикой тревоги, гула и печали.

Специфические звуки [Э] и [Ў] ожидаемо сохранили свой негативный и пассивный статус. Звук [Ў] воспринимается билингвами как «очень плохой», «грубый», «мужественный», «темный» и «шероховатый». Однако по шкале «добрый/злой» мнения билингвов разделились поровну, что переводит этот звук по данному конкретному признаку в нейтральную зону. В целом, совокупность данных подтверждает гипотезу о том, что артикуляционно сложные (закрытые/лабиализованные) гласные оцениваются носителями (независимо от степени владения русским языком) как более «тяжелые».

Для лучшего восприятия мы привели график (см. Приложение № 3).

2.4.2. Фоносемантический анализ согласных звуков в структуре звукоподражаний

Помимо изолированных фонем, особый интерес представляет фоносемантическое восприятие звукоподражательных слов (ономатопей), таких как «тақ-тақ», «тиқ-тиқ», «тұқ-тұқ» и «тарақ-туруқ». Для научного анализа семантики этих слов были изолированно просчитаны реакции на согласные фонемы [Т], [Р] и [К], формирующие их звуковой каркас.

Результаты количественного анализа (по сумме положительных и отрицательных реакций) представлены в Таблице № 6.

**Таблица № 6 – Результаты фоносемантической оценки согласных
звуков Т, Р, Қ.**

+	-	Т	Р	Қ
1. Хороший (хуб)	– плохой (бад)	29/10	31/9	12/36
2. Большой (калон)	– маленький (хурд)	34/9	31/13	17/27
3. Нежный (форам)	– грубый (нофорам)	20/16	21/21	4/35
4. Женственный (занона)	– мужественный (мардона)	15/22	20/23	9/36
5. Светлый (равшан)	– темный (торик)	27/12	31/14	11/28
6. Активный (фаьол)	– пассивный (гайрифаьол)	36/7	31/10	15/26
7. Простой (сода)	– сложный (мураккаб)	30/12	31/12	10/32
8. Сильный (бокувват)	– слабый (бекувват)	30/10	35/9	16/21
9. Горячий (гарм)	– холодный (сард)	30/15	25/14	14/27
10. Быстрый (тез)	– медленный (суст)	23/11	25/14	19/23
11. Красивый (зебо)	– отталкивающий (безеб)	28/15	26/13	16/29
12. Гладкий (хамвор)	– шероховатый (нохамвор)	24/14	15/22	8/34
13. Легкий (сабук)	– тяжелый (вазнин)	28/15	23/20	7/35
14. Веселый (хурсанд, дилхуш)	– грустный (ғамгин, ғамангез)	25/16	24/16	14/26
15. Безопасный (бехатар)	– страшный (хатарнок)	32/9	29/11	15/27
16. Величественный (бохашамат)	– низменный (бехашамат)	30/15	25/15	16/23

17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	25/18	28/13	16/21
18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)	19/23	18/24	8/29
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	24/15	28/14	11/26
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	27/15	35/9	19/18
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтоҳ)	18/23	28/11	14/25
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	25/13	27/13	17/22
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	20/15	25/14	12/22
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	26/13	29/11	20/21
25. Подвижный (пурҳаракат) – медлительный (сустҳаракат)	23/16	30/10	19/21

Можно сравнить данные в виде диаграммы и графика (см. Приложение № 4, Приложение № 4а).

Теперь обобщим результаты всех звуков, чтоб определить семантику слов «тақ-тақ», «тиқ-тиқ», «тўқ-тўқ» и «тарақ-турук». Результаты гласных звуков приведены в таблице № 4.

Гласные звуки А, И, У являются хорошими, положительными звуками, звук Ё – плохой, отрицательный звук. Согласный звук Т – положительный, а Қ – отрицательный (см. Таблица № 5).

Таким образом, обобщая ответы, мы получаем следующие результаты: в слово «тақ-тақ» звуки А, Т – положительные, Қ – отрицательный; в слове «тиқ-тиқ» звуки Т, И – положительные, Қ – отрицательный; в слове «тўқ-тўқ» звук Т –

положительный, звуки $\bar{Y}$, $\bar{K}$ – отрицательные; в слове «тарақ-туруқ» звуки Т, А, Р, У являются положительными, а звук $\bar{K}$ – отрицательным.

Следовательно, опираясь на полученные результаты анализа, можно сказать, что слова «тақ-тақ», «тиқ-тиқ», «тарақ-туруқ», в целом, воспринимаются более положительно, так как хороших звуков в этих словах больше. Но следует заметить, что звук $\bar{K}$, который является «*шероховатым*» и «*отталкивающим*» по звучанию, добавляет немного грубости в восприятии этих слов. Касательно слова «тўқ-тўқ» подытожим, что по восприятию оно является негативным и неприятным: наличие большего количества грубых и неприятных человеческому слуху звуков тому подтверждение.

2.4.3. Сравнительный анализ звуков таджикского и русского языков (по результатам эксперимента)

В ходе проведенных исследований возникла необходимость выяснить, существуют ли глубинные фоносемантические различия в восприятии одних и тех же звуков у носителей русского языка (по данным эталонного эксперимента А.П. Журавлева) и у студентов-билингвов Таджикистана. Для чистоты сравнительного анализа мы сопоставили результаты нашей выборки (студенты Филиала МГУ в г. Душанбе) с классической матрицей А.П. Журавлева.

Напомним, что настоящий эксперимент проводился особым способом, предложенным А.П. Журавлевым. От участников эксперимента требовалось охарактеризовать звуки (А, И, О, М, Л, Б, Д, Г, Р, Ж, Ф, Х, Ш) таджикского языка и оценить их по следующим критериям. Респондентам было предложено 5 оценок: от одного до пяти. Методика оценивания А.П. Журавлева отличалась от привычного школьного по той причине, что респондентам на подсознательном уровне приятнее было ставить 5, нежели 1 или 2, поэтому для чистоты эксперимента способ оценивания был изменен. Эксперимент проводился в спокойной и тихой обстановке. От респондентов требовалось не разговаривать и

не советоваться друг с другом в процессе заполнения анкеты, чтоб никакие факторы не могли повлиять на восприятие информанта.

Следует учитывать тот факт, что причины «хорошего» или «плохого» отношения к тем или иным звукам могут быть продиктованы различными экстралингвистическими факторами (личными ассоциациями, фоновым шумом и т.д.). Однако массовый статистический опрос позволяет нивелировать субъективные флуктуации и выявить устойчивое ядро фонетического значения, характерное для конкретной лингвокультуры.

По нижеприведенной таблице становится понятно, как одни и те же звуки воспринимаются носителями таджикского и русского языка. Разница заключается в том, что в эксперименте, проводимым А.П. Журавлевым, участвовали респонденты разных возрастов и профессий, родным языком которых является русский. Наш эксперимент был проведен среди студентов-билингвов, с различными доминирующими языками: русский, таджикский, (редко: узбекский). Вслед за Журавлевым, мы проанализировали звуки лишь по тем признакам, которые являются наиболее очевидными.

2.4.4. Анализ результатов эксперимента в билингвальной среде

Для сравнительного анализа были отобраны звуки, присутствующие в обеих фонетических системах: [А, И, О, М, Л, Б, Д, Г, Р, Ж, Ф, Х, Ш].

Звук А по шкале «хороший – плохой»: ³34 – 1, 12 – 2, 4 – 3, однозначно положительный, тому доказательство отсутствие негативных оценок. 34 респондента посчитали звук А – «очень хорошим», 12 – «хорошим» и 4 – «нейтральным». В эксперименте, проведенным А.П. Журавлевым, звук А тоже получил больше положительных оценок, поэтому для носителей русского языка звук А – «хороший». К сожалению, мы не можем привести конкретные цифры, поскольку данная информация не приведена автором в книге «Звук и смысл». Таким образом, в двух группах звук А – положительный.

³ Сначала приводится количество респондентов, после – ответ.

Звук И рассматривался по 2 шкалам: по шкале «большой – маленький» студенты-билингвы ответили: 8 – 1, 16 – 2, 8 – 3, 11 – 4, 7 – 5. Получается, звук И является «большим», поскольку большинство респондентов ответили положительно, но следует отметить, что есть и негативные оценки, как 4 и 5, но их количество не превалирует над количеством положительных оценок. По шкале «веселый – грустный»: 21 – 1, 14 – 2, 6 – 3, 7 – 4, 2 – 5, 21 – положительная оценка – значит звук И – «очень веселый». Результаты, полученные А.П. Журавлевым, отличаются: по шкале «большой – маленький» звук И – «маленький», по шкале «веселый – грустный» – «веселый».

Звук О рассматривался по шкале «большой – маленький». Студенты-билингвы ответили: 31 – 1, 10 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 2 – 5. Звук О получил больше положительных оценок, поэтому он, однозначно, – «очень большой». Носители русского языка также отметили, что звук О – «большой».

Звуки М рассматривался по шкалам «хороший – плохой» и «нежный – грубый»:

по шкале «хороший – плохой»: 26 – 1, 9 – 2, 9 – 3, 5 – 4, 1 – 5, звук М – «очень хороший»;

по шкале «нежный – грубый»: 23 – 1, 10 – 2, 7 – 3, 7 – 4, 3 – 5, звук М – «очень нежный».

Респонденты, опрошенные А.П. Журавлевым, определили звук М – «хорошим» и «нежным».

Звук Л рассматривался по шкалам «нежный – грубый», «женственный – мужественный», «гладкий – шероховатый».

По шкале «нежный – грубый» студенты-билингвы ответили следующим образом: 21 – 1, 17 – 2, 4 – 3, 8 – 4, получается, звук Л – «очень нежный»;

по шкале «женственный – мужественный» результаты следующие: 18 – 1, 18 – 2, 8 – 3, 5 – 4, звук Л – «женственный»;

по шкале «гладкий – шероховатый»: 19 – 1, 19 – 2, 7 – 3, 3 – 4, 2 – 5, звук Л – «гладкий». Нельзя оставить без внимания, тот момент, что по двум последним шкалам звук Л получил одинаковое количество положительных оценок, в таких

случаях мы просто акцентируем внимание на том, что звук, в принципе, очень положительный и хороший. Таких же положительных результатов показали респонденты А.П. Журавлева: по шкале «нежный – грубый» звук Л – «нежный», по шкале «женственный – мужественный» – «женственный», по шкале «гладкий – шероховатый» – гладкий». Результаты в обеих группах идентичные.

Звук Б по шкале «сильный – слабый» студентами-билингвами охарактеризовался следующим образом: 17 – 1, 16 – 2, 4 – 3, 7 – 4, 6 – 5, получается, звук Б – «очень сильный». Респонденты, опрошенные А.П. Журавлевым, также оценили звук Б как «сильный» (см. Таблица № 7).

Звук Г рассматривался по шкале «быстрый – медленный». Студенты-билингвы ответили: 19 – 1, 6 – 2, 12 – 3, 10 – 4, 3 – 5. Звук Г получил больше положительных оценок, поэтому, несмотря на количество негативных оценок, он, однозначно, «очень быстрый». Носители русского языка также отметили, что звук Г – «быстрый».

Звук Р рассматривался по шкалам: «сильный – слабый», «могучий – хилый», «нежный – грубый» и «женственный – мужественный». Студенты-билингвы показали следующие результаты:

по шкале «сильный – слабый»: 19 – 1, 16 – 2, 6 – 3, 6 – 4, 3 – 5, звук Р – «очень сильный»;

по шкале «могучий – хилый»: 15 – 1, 14 – 2, 10 – 3, 8 – 4, 3 – 5. звук Р, однозначно, – «очень могучий»;

по шкале «нежный – грубый» результаты разделились на две группы: 11 – 1, 10 – 2, 8 – 3, 13 – 4, 8 – 5. Дело в том, что положительные (1, 2) и отрицательные (4,5) оценки в сумме показывают одинаковый результат: $11+10=21$ и $13+8=21$, таким образом, мы решили их суммировать, чтоб прийти к логичному выводу. Анализ показал, что звук Р в сознании билингвов является «нейтральным». Носители русского языка ответили следующим образом: по шкалам «сильный – слабый», «могучий – хилый» результаты положительные – звук Р – «сильный» и «могучий»; по шкалам «нежный – грубый» и «женственный – мужественный» звук Р – «грубый» и «мужественный».

Звук Ж рассматривался по следующим шкалам: «хороший – плохой», «сильный – слабый», «горячий – холодный». Анализ ответов студентов-билингвов показал следующие результаты: по шкале «хороший – плохой» звук Ж: 9 – 1, 11 – 2, 11 – 3, 12 – 4, 7 – 5. Как становится очевидно, оценки практически по всем шкалам одинаковые, поэтому для точного и логичного ответа, было решено обобщить похожие шкалы: 1+2 и 4+5. Таким образом, сумма положительных оценок =20, сумма отрицательных оценок =19. Учитывая разницу в один балл, мы приходим к такому выводу, что звук Ж в сознании билингвов – «нейтральный».

Итак, ж: по шкале «сильный – слабый»: 12 – 1, 13 – 2, 10 – 3, 6 – 4, 9 – 5, звук Ж – «сильный»; по шкале «горячий – холодный»: 12 – 1, 4 – 2, 13 – 3, 11 – 4, 10 – 5, звук Ж – «нейтральный». Результаты носителей русского языка были следующими: по шкале «хороший – плохой» – звук Ж «плохой»; по шкале «сильный – слабый» – «сильный»; по шкале «горячий – холодный» – «горячий».

Звук Ф анализировался по шкале «хороший – плохой». Студенты-билингвы ответили следующим образом: 14 – 1, 14 – 2, 6 – 3, 12 – 4. 4 – 5, звук Ф – «хороший». Для носителей русского языка звук Ф – «плохой».

Звук Х рассматривался по 4 шкалам: «хороший – плохой», «красивый – отталкивающий», «гладкий – шероховатый», «безопасный – страшный». Студенты – билингвы по шкале «хороший – плохой»: 6 – 1, 9 – 2, 7 – 3, 16 – 4, 12 – 5, звук Х – «плохой»;

по шкале «красивый – отталкивающий»: 11 – 1, 7 – 2, 9 – 3, 14 – 4, 9 – 5, звук Х – «отталкивающий»;

по шкале «гладкий – шероховатый»: 4 – 1, 5 – 2, 13 – 3, 16 – 4, 12 – 5, звук Х – «шероховатый»;

по шкале «безопасный – страшный»: 10 – 1, 13 – 2, 9 – 3, 9 – 4, 9 – 5, звук Х – «безопасный». Респонденты А.П. Журавлева по всем вышеперечисленным шкалам показали отрицательные результаты: звук Ж – «плохой», «отталкивающий», «шероховатый», «страшный».

Самый противоречивый результат показал звук Ш:

по шкале «хороший – плохой» билингвы ответили: 14 – 1, 15 – 2, 9 – 3, 8 – 4,

4 – 5, звук Ш – «хороший»;

по шкале «светлый – темный»: 16 – 1, 11 – 2, 7 – 3, 11 – 4, 5 – 5, звук Ш – «очень светлый»;

по шкале «быстрый – медленный»: 11 – 1, 11 – 2, 12 – 3, 11 – 4, 5 – 5, звук Ш – «нейтральный». Носители русского языка ответили следующим образом: звук Ш – «плохой», «темный», «медленный». Ответы получились прямо противоположные.

Результаты сопоставления представлены в Таблице № 7.

Таблица № 7 – Сравнительный анализ звуков таджикского и русского языков (на экспериментальной основе)

А.П. Журавлев	Студенты-билингвы МГУ
А – хороший (+)	А – очень хороший (+)
И – маленький (-), веселый (+)	И – большой (+), очень веселый (+)
О – большой (+)	О – очень большой (+)
М – хороший (+), нежный (+)	М – очень хороший (+), очень нежный (+)
Л – нежный (+), женственный (+), гладкий (+)	Л – очень нежный (+), женственный (+), гладкий (+)
Б – сильный (+)	Б – сильный (+)
Д – сильный (+)	Д – очень сильный (+)
Г – быстрый (+)	Г – очень быстрый (+)
Р – сильный (+), могучий (+), грубый (-), мужественный (-)	Р – очень сильный (+), очень могучий (+), нейтральный, очень мужественный (-)
Ж – плохой (-), сильный (+), горячий (+)	Ж – нейтральный, сильный (+), нейтральный
Ф – плохой (-)	Ф – хороший (+)
Х – плохой (-), отталкивающий (-), шершавый (-), страшный (-)	Х – плохой (-), отталкивающий (-), шероховатый (-), безопасный (+)
Ш – плохой (-), темный (-), медленный (-)	Ш – хороший (+), очень светлый (+), быстрый (+)

С помощью приведенных методов мы смогли определить и описать приведенные в рамках эксперимента звуки, посчитать полученные ответы, распределить их по положительным и отрицательным признакам и сопоставить их с результатами эксперимента, полученными А.П. Журавлевым. Анализ данных выявил высокую степень совпадения фоносемантических реакций у носителей русского языка и таджикских билингвов по большинству базовых фонем. Это подтверждает гипотезу А.П. Журавлева об универсальности (универсальном иконизме) восприятия некоторых артикуляционных жестов.

Так, гласные звуки [А] и [О] в обеих аудиториях воспринимаются как «хорошие» и «большие». Сонорные согласные [М] и [Л] стабильно оцениваются как «нежные», «хорошие» и «гладкие», а смычные звонкие [Б] и [Д] – как «сильные».

Однако по ряду звуков, обладающих специфической артикуляцией, были зафиксированы принципиальные расхождения (интерференция), обусловленные этнокультурными особенностями.

1. **Звук [И]:** В русском языке (по Журавлеву) он ассоциируется с семантикой «маленького», что типично для восприятия высоких гласных. Однако студенты-билингвы оценили его как «большой», что, вероятно, связано с его функцией в таджикском языке (где ударное [й] часто несет смыслоразличительную или грамматическую нагрузку, придавая звуку большой семантический «вес»).

2. **Звук [Р]:** Русская аудитория фиксирует его двойственность: он «сильный», но при этом «грубый» и «мужественный». Таджикские респонденты также отметили его силу, но по шкале нежный/грубый вывели его в нейтральную зону. Это объясняется особенностями таджикского дрожащего [Р], артикуляция которого менее раскатиста и напряжена, чем у русского аналога.

3. **Звук [Ф]:** Для русского уха это звук «плохой» (часто ассоциируемый с фырканьем, недовольством – фи, фу). В таджикском языковом сознании звук [Ф] получил положительную оценку, так как он часто встречается в лексике арабо-

персидского происхождения, обладающей высоким культурным престижем (*фазл* – мудрость, *фарах* – радость).

4. **Звуки [Ж] и [Ш]:** Наиболее яркий контраст наблюдается при оценке шипящих. Если русские респонденты воспринимают их как «*плохие*», «*темные*» и «*медленные*» (семантика шума, шуршания, опасности), то таджикские билингвы оценили [Ш] как «*хороший*», «*светлый*» и «*быстрый*», а звук [Ж] перевели в нейтральную зону. Нейтрализация [Ж] легко объясняется его низкой частотностью: поскольку буква Ж достаточно редко употребляется в таджикском языке (частотность употреблений в словаре таджикского языка в 2 томах «Фарҳанги забони тоҷикӣ», состоящего из 80000 слов и словосочетаний буква ж встретила всего в 1200 словах, некоторые из которых повторялись многократно в различных словосочетаниях (*нажод, ориёнажод, покнажод* и т.п.), в некоторых случаях были указаны в заимствованных словах типа *жаргон, жанр, буржуа, жандарм, адажио* и др. Словарных статей на букву ж в словаре всего 108. Для сравнения буква *ҷ*, близкая по звучанию, представлена в двух томах словаря почти 40000 раз (35927) [Фарҳанги забони тоҷикӣ 2008]). Следовательно, звук [Ж] просто не сформировал устойчивого суггестивного ореола в таджикском подсознании.

Проведенный анализ позволил нам выявить и определить значение определенных звуков и их восприятие, с одной стороны, носителями языка, с другой – билингвами, с различными доминирующими языками. Подобные исследования детально и подробно не рассматривались в таджикском языке, и подобные сравнительные анализы ранее не проводились. Данное исследование и направление в целом довольно бурно развивается, поскольку благодаря анализу звуков можно подобрать хорошее, благозвучное имя, либо название для учреждений, заведений и т.д.

Практическая значимость подобных сравнительных исследований выходит далеко за рамки чистой лингвистики. Точное знание фоносемантических ореолов необходимо в эргонимике (создании названий), рекламном дискурсе и политической риторике. Классическим примером из истории нейминга является

ситуация с советским автомобилем «Жигули». На внутреннем рынке предметная мотивация (название живописных гор) заглушала фонетическую значимость. Однако при экспорте за рубеж неблагозвучие слова (наличие шипящего [Ж] и специфического [У]) стало маркетинговым барьером. Проблема была решена лишь после того, как лингвисты предложили заменить название на фоносемантически безупречное, светлое и гладкое слово «Лада», что немедленно повысило покупательский спрос [Журавлев 1991: 66].

Наши исследования подтвердили, что экспериментальные методики в психолингвистике являются одним из эффективных и целенаправленных методов познания РД человека. Ведь цель любого эксперимента: поставить испытуемого в ситуацию управляемого выбора несмотря на то, что выбор и решение могут быть неосознаваемыми до конца.

Для повышения результативности психолингвистических экспериментов была использована экспериментальная методика, такая как фоносемантический (ассоциативный) эксперимент.

Был проведен ряд подобных фоносемантических экспериментов, с целью выявления семантики и эмоциональной окрашенности таджикских звуков. Как уже выше отмечалось, подобные анкетирования в масштабном формате в области таджикского языка ранее не проводились. Благодаря проведенному эксперименту, мы установили некую закономерность в семантике таджикских и русских звуков.

2.5. Фоносемантический анализ художественного текста в сопоставительном аспекте (оригинал и перевод)

Поскольку на сегодняшний день специализированное программное обеспечение для комплексного фоносемантического анализа таджикского языка находится на стадии разработки, нами была апробирована методика перекрестного анализа. В качестве инструментария использовался алгоритм сервиса *analizpise.ru* (базирующийся на 25 шкалах А.П. Журавлева),

дополненный последующим ручным подсчетом фоносемантических доминант и верификацией данных с помощью больших языковых моделей (LLM).

В качестве материала для сопоставительного анализа были выбраны два разножанровых поэтических текста: отрывок из «Письма Татьяны к Онегину» (А.С. Пушкин) в сопоставлении с таджикским переводом, а также патриотическое стихотворение Х. Юсуфи «Ман Ватанро беш аз харвакта дорам дӯсттар» в сопоставлении с русским переводом В. Левики.

2.5.1. Анализ перевода «Письма Татьяны к Онегину»

Для начала приведем результаты анализа оригинального текста «Письма...». Следует отметить, что, поскольку данное стихотворное произведение является довольно известным еще из школьной программы, в диссертационном исследовании приводится лишь его отрывок.

Письмо Татьяны Онегину (оригинальный текст) [Пушкин А.С. «Евгений Онегин»].

Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу еще сказать?

Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.

Но вы, к моей несчастной доле

Хоть каплю жалости храня,

Вы не оставите меня... (полный текст см. Приложение № 5)

Для полного представления о результатах анализа приведем скриншот с результатами анализа на Рисунке № 2.

Рисунок № 2. Результаты фоносемантического анализа письма Татьяны к Онегину с сайта analizpisem.ru

Настроение автора письма (текста):

- a) Пассивный, безучастный ++
- b) Грустный, безрадостный, невесёлый ++
- c) Холодный, бесстрастный, равнодушный, крайне сдержанный в проявлении чувств +
- d) Тусклый, безжизненный, невыразительный, бесцветный, серый +
- e) Печальный, скорбно-озабоченный, огорчённый +
- f) Медлительный, неповоротливый +
- g) Медленный, неторопливый +
- h) Мужественный, стойкий +
- i) Могучий, мощный, крепкий +
- j) Большой, выдающийся, замечательный, +

В результатах online-сервиса отображаются качества с сильной (++), однозначной (выделены красным или синим цветом) и слабой (+), неоднозначной (выделены зелёным цветом) выраженностью качеств настроения автора сообщения. Качества приводятся по степени убывания их выраженности!

Интерпретация результата анализа:

- a) Сейчас больше полагается на судьбу.
- b) Грусть, тоска и на душе кошки скребут... Возможна депрессия.
- c) Автор замкнут и не склонен к экспрессии.
- d) Избегает повышенного внимания к себе.
- e) Настроение снижено.
- f) В момент написания сообщения у автора были противоречивые чувства, сомнения.
- g) Это письмо писалось явно не в спешке.
- h) Состояние готовности. Свойственна самоотдача и способность больше отдавать миру, чем получать.
- i) Жизненный тонус на хорошем уровне...
- j) Любит простор.

Диаграмма выраженных качеств.

Чем больше синих позиций - тем легче контактировать с этим человеком, а чем больше красного цвета - тем труднее.

A	
B	
C	
D	
E	
F	

G	
H	
I	
J	

Русскоязычный оригинал стихотворения («Я к вам пишу – чего же боле...») характеризуется сложной, но достаточно сбалансированной фоносемантической картиной. Машинный анализ текста выявил доминирование следующих признаков настроения лирического героя: «пассивный», «грустный», «бесстрастный», «печальный». Наряду с этим фиксируются и сильные характеристики: «мужественный» и «стойкий». Интерпретация этих данных указывает на состояние депрессии, замкнутости, но при этом на внутреннюю готовность к самоотдаче.

А теперь проанализируем перевод данного письма на таджикский язык и приведем результаты анализа «Письма...» (текст таджикского перевода письма Татьяны).

Номаи Татьяна ба Онегин (перевод на тадж. язык) [Пушкин 1967]

Бар шумо хат менависам, чӣ дигар?

Пас, чӣ гуфтан метавонам боз ман?

Ҳақ шумо доред, донам, ин қадар

Нафратам хонед, истам бесухан.

Шӯри пешони ман, охир, шумо

Андаке доред шафқат дар бисот?

Тарк гӯедам, шавам дур аз нишот... (полный текст см. Приложение № 6)

Для полного представления о результатах анализа см. **Рисунок № 3.**

Рисунок № 3. Результаты фоносемантического анализа текста перевода на таджикский язык с сайта analizpisem.ru

Настроение автора письма (текста):

- a) Печальный, скорбно-озабоченный, огорчённый ++
- b) Грустный, безрадостный, невесёлый ++
- c) Шероховатый, противопоставляющий +
- d) Холодный, бесстрастный, равнодушный, крайне сдержанный в проявлении чувств +
- e) Тяжёлый, суровый, строгий, неуживчивый +
- f) Тусклый, безжизненный, невыразительный, бесцветный, серый +
- g) Тёмный, сомнительный, подозрительный +
- h) Пассивный, безучастный +
- i) Короткий, сконцентрированный +

В результатах online-сервиса отображаются качества с сильной (++), однозначной (выделены красным или синим цветом) и слабой (+), неоднозначной (выделены зелёным цветом) выраженностью качеств настроения автора сообщения. Качества приводятся по степени убывания их выраженности!

Интерпретация результата анализа:

- a) Настроение у автора снижено, имеет место легкая заторможенность.
- b) Грусть, тоска и на душе кошки скребут... Возможна депрессия.
- c) Выраженная индивидуальность.
- d) Автор замкнут и не склонен к экспрессии.
- e) Весомые слова, ничего не скажешь.
- f) Избегает повышенного внимания к себе.
- g) Что же автор делает по ночам? Он явно недосыпает.
- h) Свойственна определённая пассивность.
- i) В этом сообщении автор быстро изложил суть вещей.

Диаграмма выраженных качеств.

Чем больше синих позиций - тем легче контактировать с этим человеком, а чем больше красного цвета - тем труднее.

A	
B	
C	
D	
E	
F	
G	
H	
I	

При анализе таджикского перевода данного отрывка («*Бар шумо хат менависам, чӣ дигар? Пас, чӣ гуфтан метавонам боз ман...*») выявляется заметный фоносемантический сдвиг.

**Таблица № 7 – Сравнительный анализ доминантных
фоносемантических признаков (на материале «Письма Татьяны»)**

Сравнительный анализ (письмо Татьяны Онегину)	
Оригинальный текст	Перевод текста
А) Пассивный, безучастный	→ А) Печальный, скорбно-озабоченный, огорчённый
В) Грустный, безрадостный, невесёлый	→ В) Грустный, безрадостный, невесёлый
С) Холодный, бесстрастный, равнодушный, крайне сдержанный в проявлении чувств	С) Шероховатый, противопоставляющий
Д) Тусклый, безжизненный, невыразительный, бесцветный, серый	→ Д) Холодный, бесстрастный, равнодушный, крайне сдержанный в проявлении чувств
Е) Печальный, скорбно-озабоченный, огорчённый	Е) Тяжёлый, суровый, строгий, неуживчивый
Ф) Медлительный, неповоротливый	→ Ф) Тусклый, безжизненный, невыразительный, бесцветный, серый
Г) Медленный, неторопливый	Г) Тёмный, сомнительный, подозрительный
Н) Мужественный, стойкий	→ Н) Пассивный, безучастный
И) Могучий, мощный, крепкий	И) Короткий, сконцентрированный
Ж) Большой, выдающийся, замечательный	

Сравнительный анализ (Таблица № 7) показывает, что ядро эмоционального состояния (грусть, печаль, холодность) в переводе сохраняется, обеспечивая смысловую эквивалентность. Однако в таджикском тексте появляются принципиально новые суггестивные характеристики, такие как «*тяжёлый, суровый, неуживчивый*», «*шероховатый*» и «*темный*».

Согласно диаграмме выраженных качеств, сдвиг в сторону «тяжести» и «суровости» в таджикском переводе обусловлен особенностями консонантизма. Проведенный нами ручной подсчет показал высокую концентрацию в переводе специфических таджикских звуков: [К] (12 употреблений), [Ф] (2), [Ч] (11) и специфического гласного [Ў] (13 употреблений).

Как было экспериментально доказано в разделе 2.3.3, эти звуки в таджикском языковом сознании обладают ярко выраженной семантикой тяжести, грубости и мрачности. Опираясь на культурно-историческую традицию (Таджвид), можно констатировать, что использование напряженных, увулярных звуков (категория *муста'лия*) придает монологу Татьяны в таджикском варианте оттенок фатальной суровости, обреченности и более глубокого, надрывного страдания, что несколько утяжеляет первоначальную легкую элегичность пушкинского стиха. Это свидетельствует о том, что при поэтическом переводе неизбежно происходит фонетическая адаптация текста под суггестивные законы принимающего языка.

2.5.2. Анализ патриотической лирики (на материале стихотворения Х. Юсуфи)

Для анализа текста с противоположной эмоциональной доминантой было выбрано стихотворение Х. Юсуфи «*Ман Ватанро беи аз ҳарвақта дорам дӯсттар*». Данный текст отличается высокой экспрессией, пафосом и призывом к борьбе.

Оригинальный текст стихотворения:

Вақти он аст,

Эй қалам!

Буррандатар гардӣ зи тег!

Вақти он аст,

Эй сухан!

Гуррандатар гардӣ зи барқ

То ба душман ҳамла орам,

Решааш буррӣ зи бех,

То расӣ,

Манҳус-анчарро кунӣ бешоҳу барг!

Як ҷаҳон ишқи Ватан дорад дили халқи азим,

То ватанро дӯст дорад,

Дӯст дорад то абад.

Сад ҷаҳон нафрат ҳам аз баҳри разилони фашизм,

То фашистонро кунад,

Бо нафраташ гӯр оқибат!

Чун Ватан мардона дар ҷанг омадаст, имрӯз ман

Ин ватанро беи аз ҳарвақта дорам дӯсттар!

Чун ман ин сон байни майдон пурдилу фирӯзманд,

Дорадам имрӯз аз ҳаррӯза ёрам дӯсттар!

Он на ман бошам, амон бидҳад ба душман мушти ман,

Он на ман, к-ин дам фитам дар фикри кори дигаре.

«Он на ман бошам, ки рӯзи ҷанг бинӣ пушти ман,

Он манам, к-андар миёни хоку хун бинӣ саре».

Вақти он аст,

Эй қалам!

Буррандатар гардӣ зи тег!

Вақти он аст,

Эй сухан!

Гуррандатар гардӣ зи барқ!

То ба душман ҳамла орам,

Решааш буррӣ зи бех,

То расӣ,

Манҳус анчарро кунӣ бешоҳу барг! [Юсуфӣ 1973: 128-129].

Результат фоносемантического анализа с сайта **analizpisem.ru**:

Настроение автора письма (текста):

- a) Пассивный, безучастный ++
- b) Тёмный, сомнительный, подозрительный +
- c) Грустный, безрадостный, нерадостный, невесёлый +
- d) Храбрый, отважный, бесстрашный +

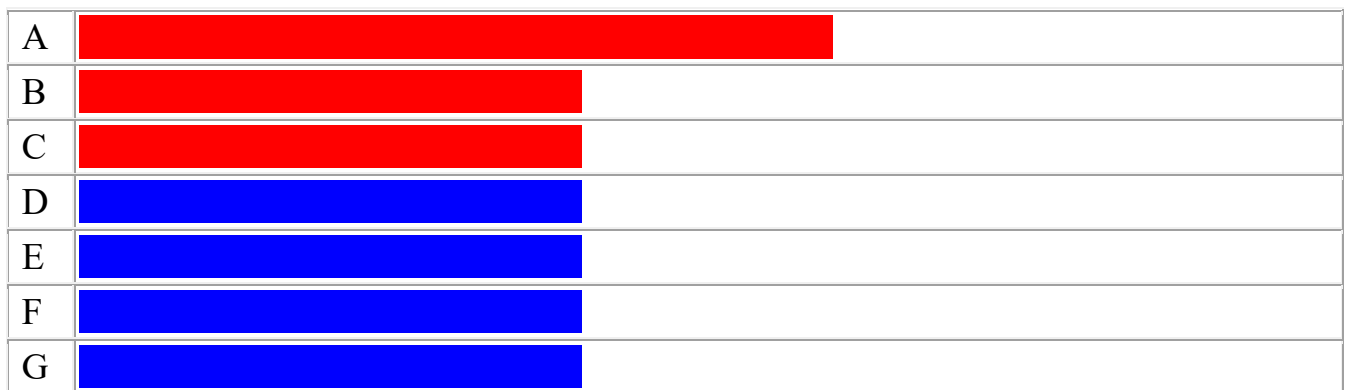
- е) Простой, добродушный, бесхитростный +
- ф) Мужественный, стойкий +
- г) Большой, выдающийся, замечательный, +

Интерпретация результата анализа:

- а) Сейчас больше полагается на судьбу.
- б) Что же автор делает по ночам? Он явно недосыпает.
- с) То ли автор грустит, то ли ностальгирует, то ли вспоминает прошлые романы - кто же поймёт этих лириков.
- д) В этих строках чувствуется *внутренний стержень*, который не так уж и просто согнуть.
- е) Зачем лишние сложности? Всё достаточно просто, как раз, два, три.
- ф) Состояние готовности. Свойственна самоотдача и способность больше отдавать миру, чем получать.
- г) Любит простор.

Диаграмма выраженных качеств.

Чем больше синих позиций - тем легче контактировать с этим человеком, а чем больше красного цвета - тем труднее.

Проведенный фоносемантический анализ отражает психологический портрет автора текста письма и его настроение. Проанализируем полученные качества: а) «очень пассивный и безучастный»; б) «тёмный, сомнительный, подозрительный»; с) «грустный и т.п.»; д) «храбрый, отважный»; е) «простой, добродушный, бесхитростный»; ф) «мужественный и стойкий»; г) «большой, выдающийся, замечательный». Исходя из полученных данных, мы приходим к выводу, что настроение автора письма (в момент написания) «безучастное, подозрительное, грустное и т.п.», а с другой стороны, «храброе, добродушное, мужественное и замечательное и т.п.», т.е. количество отрицательных и положительных реакций почти равны.

Далее посмотрим на интерпретацию результата анализа автора стихотворения: а) *«Сейчас больше полагается на судьбу»*; б) *«По ночам явно недосыпает»*; в) *«То ли автор грустит, то ли ностальгирует, то ли вспоминает прошлые романы – кто же поймет этих лириков»*; д) *«В этих строках чувствуется внутренний стержень, который не так уж и просто согнуть»*; е) *«Зачем лишние сложности? Все достаточно просто, как раз, два, три»*; ф) *«Состояние готовности. Свойственна самоотдача и способность больше отдавать миру, чем получать»*; г) *«Любит простор»*.

Фоносемантический анализ таджикского оригинала выявил парадоксальную, на первый взгляд, картину. С одной стороны, текст оценивается алгоритмом как *«храбрый, отважный», «простой, добродушный», «мужественный, стойкий»* и *«большой»*. С другой стороны, фиксируются признаки *«тёмный, сомнительный», «грустный»*.

Причина появления «негативных» характеристик кроется в намеренном сгущении автором тяжелых, раскатистых согласных для создания образа врага и атмосферы войны. В анализируемом отрывке зафиксировано 12 звуков [К], 4 звука [Г] и 4 звука [Ч], а также 10 закрытых гласных [Ū]. Кроме того, автор использует мощный прием аллитерации сонорного дрожащего [Р] в сочетании с увулярными и фарингальными звуками (*гурррандатар, бурррандатар, қаҳромон*). В таджикской фоносемантике такое нагнетание напряженных артикуляционных жестов транслирует бессознательное чувство непреклонной силы, жесткости и боевой ярости.

А теперь проанализируем переведенный вариант текста стихотворения. Автором перевода является В. Левик.

Настало время, мой калам, отныне стань острей меча!

Настало время, песнь моя, рази и бей, гремя как гром,

Чтобы грозой настичь врага, чтоб уничтожить палача,

Чтобы засох его арык и чтобы рухнул вражий дом.

Любви к отчизне целый мир ты в сердце носишь, мой народ.

*Пусть вечно родина цветет, неколебима и горда.
Ты лютой ненависти мир обрушил на фашистский сброд,
Чтоб в нашей ненависти враг нашел могилу навсегда.*

*Теперь, когда гремит война, когда в огне моя страна,
Я предан родине моей сильнее, чем когда-нибудь.
Теперь, когда иду я в бой и мужества душа полна,
Любимой я любим нежней, сильнее, чем когда-нибудь.*

*Не дрогнул я! Моя рука пощады не сулит врагам,
Отныне стань острей меча, настало время, мой калам! [Юсуфи 1977: 83]*

Результат фоносемантического анализа с сайта **analizpisem.ru**:

Настроение автора письма (текста):

- a) Короткий, сконцентрированный ++
- b) Шероховатый, противопоставляющий +
- c) Угловатый, неловкий, неуклюжий +
- d) Маленький, небольшой, ничтожный, маловажный +
- e) Быстрый, реактивный +
- f) Безопасный, надёжно защищённый +

В результатах online-сервиса отображаются качества с сильной (++), однозначной (выделены красным или синим цветом) и слабой (+), неоднозначной (выделены зелёным цветом) выраженностью качеств настроения автора сообщения. Качества приводятся по степени убывания их выраженности!

Интерпретация результата анализа:

- a) Склонен к излишней систематизации, перфекционизму.
- b) Выраженная индивидуальность.
- c) С этим человеком ведите себя как можно тактичнее.
- d) *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, - такая вот нехитрая философия этого сообщения.
- e) С хорошей реакцией, такого не застанешь врасплох.
- f) Сообщение изложено с чувством доверия и открытости.

Диаграмма выраженных качеств.

Чем больше синих позиций - тем легче контактировать с этим человеком, а чем больше красного цвета – тем труднее.

А	
В	

C	
D	
E	
F	

Перед тем как перейти к анализу переведенного варианта стихотворения, нужно отметить, что автор перевода сократил стихотворение и перевел не все строки, т.е. предпоследние строки пропущены.

Фоносемантический анализ перевода показывает, что психологический портрет автора: а) «короткий, сконцентрированный»; б) «шероховатый, противопоставляющий»; в) «угловатый, неловкий, неуклюжий»; г) «маленький, маловажный и т.п.»; д) «быстрый, реактивный»; е) «безопасный, надежно защищенный».

Проанализируем интерпретацию результата анализа переведенного отрывка: а) «склонен к излишней систематизации, перфекционизму»; б) «выраженная индивидуальность»; в) «с этим человеком нужно вести себя тактично»; г) «лучше синица в руке, чем журавль в небе» (можно предположить, что в этом высказывании заключена мысль о преимуществе чего-то посредственного, но уже имеющегося, перед чем-либо достойным, прекрасным, но трудно достижимым); д) «с хорошей реакцией»; е) «сообщение изложено с чувством доверия и открытости».

В переводе В. Левика («Настало время, мой калам, отныне стань острее меча...») фоносемантический профиль текста существенно меняется. Машинный анализ перевода выявил доминанты «короткий, сконцентрированный», «быстрый, реактивный», «безопасный». Интерпретация указывает на высокую систематизацию, логичность и быструю реакцию, но лишает текст первоначальной первобытной мощи и «суровости».

Для верификации данных и углубления интерпретации мы применили метод триангуляции, используя возможности больших языковых моделей (LLM), в частности ChatGPT. Искусственному интеллекту была поставлена задача

составить психологический портрет авторов на основе полученных фоносемантических профилей.

Анализ чата-GPT (Характеристика автора и переводчика)

«Автор оригинального текста:

Положительные черты:

- Имеет внутренний стержень, устойчив к внешнему давлению.
- Склонен к простоте в восприятии мира, воспринимает вещи легко, с оптимизмом.
- Щедрый, отдающий, не стремится к накоплению.
- Любит свободу и пространство – как физическое, так и ментальное.
- Добродушен, открыт миру, с тонкой лирической организацией.

Отрицательные черты:

- Может быть излишне мечтательным, наивно доверяющим судьбе.
- Эмоционально уязвим, склонен к недосыпанию, тревогам, возможно – к пассивности.
- Лиричность может мешать действовать рационально.

Итог: гуманист, философ, эмоциональный, щедрый, с открытым сердцем. Но при этом может быть уязвим в прагматичном мире.

Автор перевода:

Положительные черты:

- Системный, структурированный, склонен к анализу.
- Быстрый в реакциях, логичный.
- Надёжный, умеет выстраивать защиту – ментальную или эмоциональную.
- Имеет выраженную индивидуальность.
- С ним «нужно быть тактичным» – внушает уважение, дистанцию.

Отрицательные черты:

- Перфекционизм может мешать гибкости.
- Склонен к контролю, осторожен.
- «Лучше синица в руке...» – склонность к прагматизму, отказ от риска.

Итог: рационалист, аналитик, стремится к контролю, к практическому подходу. Возможно, недоверчив, но стабилен и надёжен.

Сравнительный вывод:

- Оригинал – автор, открытый миру и людям, эмоциональный, философичный.

- Переводчик – сдержанный, структурный, рациональный.

Разные темпераменты, разные способы взаимодействия с реальностью: один – через чувства и образы, другой – через анализ и порядок; два разных типа мышления: эмоционально-интуитивный vs. логико-структурный, и оба по-своему ценны».

Это свидетельствует о том, что с помощью определенных звуков – положительных/отрицательных, или сочетаний звуков автор может передать эмоциональное состояние героя, его характер и душевное состояние в процессе написания письма. Помимо того, с помощью подбора определенных звуков в письме можно составить психологический портрет автора: определить его темперамент, способности, особенности характера и т.д. Но при переводе следует учитывать и психологический портрет переводчика. Кроме того, на перевод влияют также лингвокультурные и ценностные ориентации переводчика, а также языковые особенности и синтаксис языка перевода.

Сводные результаты комплексной интерпретации представлены в Таблице 8.

**Таблица № 8 – Комплексная сравнительная интерпретация
фоносемантического профиля оригинала (Х. Юсуфи)**

Сравнительная таблица автора оригинального текста (Ман Ватанро беш аз ҳарвақта дорам дӯсттар!)	
Analizpisem.ru	Chat-GPT
<i>Положительные черты:</i>	
a) Храбрый, отважный, бесстрашный	a) Имеет внутренний стержень, устойчив к внешнему давлению.
b) Простой, добродушный, бесхитростный	b) Склонен к простоте в восприятии мира, воспринимает вещи легко, с оптимизмом.
c) Мужественный, стойкий	c) Щедрый, отдающий, не стремится к накоплению.
d) Большой, выдающийся,	d) Любит свободу и пространство – как

замечательный,	физическое, так и ментальное.
	е) Добродушен, открыт миру, с тонкой лирической организацией.
<i>Отрицательные черты:</i>	
а) Пассивный, безучастный.	а) Может быть излишне мечтательным, наивно доверяющим судьбе.
б) Тёмный, сомнительный, подозрительный.	б) Эмоционально уязвим, склонен к недосыпанию, тревогам, возможно – к пассивности.
с) Грустный, безрадостный, нерадостный, невесёлый.	с) Лиричность может мешать действовать рационально.
Итог: –	Итог: гуманист, философ, эмоциональный, щедрый, с открытым сердцем. Но при этом может быть уязвим в прагматичном мире.

Сопоставление методов показывает, что традиционные алгоритмы семантического дифференциала (*analizpise.ru*) эффективно выявляют базовые эмоциональные векторы (настроение), в то время как нейросетевые модели способны проводить более глубокий герменевтический анализ, синтезируя разрозненные признаки в цельный психологический портрет.

Так, ИИ-анализ точно уловил разницу темпераментов, продиктованную фоносемантикой: автор таджикского оригинала описывается как человек открытый, эмоциональный, с лирической организацией, но способный на жесткий внутренний стержень (благодаря сочетанию светлых гласных и тяжелых увулярных согласных). В то время как русский перевод (с преобладанием быстрых и концентрированных звуков) выдает автора-рационалиста, склонного к аналитике и структурированности.

Проведенный сопоставительный анализ доказывает, что фонетическая структура художественного текста выступает мощнейшим инструментом суггестии. При переводе поэтического произведения неизбежно происходит трансформация фоносемантического ореола, поскольку эквивалентные по смыслу слова в разных языках опираются на разные артикуляционные базы.

Использование современных методов компьютерной лингвистики (как классических алгоритмов, так и нейросетевых моделей) позволяет объективировать эти тонкие сдвиги, открывая новые перспективы для теории художественного перевода и психопоэтики таджикского языка.

Выводы по второй главе

Проведенное экспериментальное исследование фоносемантической структуры таджикского языка (на материале изолированных звуков, ониматопей и художественных текстов) позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Методологическая адаптация и влияние билингвизма. Фоносемантический анализ неродственных языков требует строгого учета социолингвистической среды. Адаптация методики СД А.П. Журавлева для таджикоязычной аудитории (студенты ТНУ и билингвы Филиала МГУ) доказала, что языковое сознание респондентов формируется на стыке двух артикуляционных баз. При сохранении универсального звукосимволизма (иконизма) выявляются существенные этнокультурные сдвиги в восприятии звуков.

2. Фоносемантическая полярность специфических согласных и влияние Таджвида. Экспериментально установлено, что специфические согласные таджикского языка обладают ярко выраженной фоносемантической полярностью. Фарингальный [X] и увулярный [X] формируют зону абсолютного позитива (светлые, нежные звуки). Напротив, увулярные смычно-щелевые [F] и [K], а также аффриката [Ч] составляют ядро негативной фоносемантики, воспринимаясь как тяжелые и грубые. Этот феномен научно объясняется влиянием арабо-мусульманской сакральной фонетики (науки Таджвид): гортанные, напряженные звуки (категория *тафхим/муста'лия*) исторически ассоциируются в менталитете с семантикой суровости, величия и силы, а артикуляционно мягкие (*хамс*) – с легкостью и духовностью.

3. **Закономерности таджикского вокализма (категории «чистоты» и «маҷхул»).** Анализ системы гласных показал, что открытые и высокие гласные [А], [О], [И] выступают универсальными носителями положительной семантики (радостные, светлые, активные), что коррелирует с эталоном чистых огласовок (харакат). В то же время специфический лабиализованный гласный [Ū] и закрытый [Э], исторически относящиеся к категории «маҷхул» (смешанные, скрытые), стабильно оцениваются носителями как негативные, темные и медлительные. Артикуляционная сложность звука подсознательно дешифруется реципиентами как семантическая тяжесть.

4. **Этнокультурная интерференция (сравнительный анализ).** Сопоставление реакций русскоязычной (по А.П. Журавлеву) и таджикской билингвальной аудиторий выявило этнокультурную специфику восприятия. Звуки [Ф] и [Ш], традиционно оцениваемые в русской фоносемантике как негативные (семантика шума, фырканы), в таджикском языковом сознании имеют устойчивый положительный индекс. Это обусловлено высоким статусом данных фонем в арабо-персидском лексическом фонде (термины высокой книжной лексики, философии и поэзии).

5. **Фоносемантика текста и проблема художественного перевода.** Анализ звукоподражаний (*тақ-тақ*, *тӯқ-тӯқ*) доказал, что семантика слова определяется его фоносемантической доминантой (например, тяжелым ударным [К]). Применение компьютерных алгоритмов (*analizpisem.ru*) и нейросетевых моделей (ИИ) к анализу художественных текстов (А.С. Пушкин, Х. Юсуфи) и их переводов показало, что фонетическая структура выступает мощным инструментом суггестии. При переводе неизбежно происходит трансформация суггестивного ореола текста из-за смены артикуляционной базы, что может менять тональность произведения с легкой на суровую (за счет концентрации увулярных звуков).

Таким образом, результаты проведенных экспериментов полностью подтверждают гипотезу о том, что звуковая оболочка таджикского языка несет в себе глубокий, исторически и культурно детерминированный подсознательный

код. Комплексное применение психолингвистических шкал и современных IT-технологий открывает новые, научно обоснованные перспективы для исследований в области лексикологии, теории перевода, нейминга и политического дискурса в Таджикистане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено комплексному изучению фоносемантической структуры таджикского языка на экспериментальной основе. Как показал предпринятый теоретический обзор, проблема органичной связи звука и смысла, уходящая корнями в античную и восточную философские традиции, сегодня обрела строгую научно-исследовательскую базу.

Фоносемантика является одним из интереснейших направлений лингвистики. Она находится на стыке сразу нескольких наук: фонетики, семантики и лексики, объединенных в единое целое. Хотя данный аспект изучался в различных лингвистических традициях, как в рамках классического структурализма, так и в контексте когнитивных и функциональных подходов, долгое время фоносемантика считалась маргинальной областью или же «побочной дочерью» психолингвистики. Формирование и становление фоносемантики как самостоятельной дисциплины приходится на 1982 г., после защиты докторской диссертации С.В. Воронина. Именно он выделяет фоносемантику как самостоятельную дисциплину лингвистического характера и определяет ее объект, предмет, цели, задачи и т.д.

На современном этапе развития языкознания фоносемантика окончательно утвердилась как самостоятельная междисциплинарная наука, доказавшая, что фонетическая оболочка слова обладает собственным, независимым от лексического значения, скрытым суггестивным потенциалом.

Фоносемантические закономерности наиболее достоверно выявляются при проведении психолингвистического эксперимента. Эксперимент и экспериментальные исследования занимают особое место в психолингвистике и являются одним из эффективных и целенаправленных методов познания речевой деятельности человека. Цель любого эксперимента: поставить реципиента в ситуацию управляемого выбора несмотря на то, что выбор и решения могут быть неосознаваемы до конца. Для получения результатов мы провели ряд

фоносемантических экспериментов с целью определения семантики (положительной или отрицательной) звуков таджикского языка. Эксперимент был проведен в студенческой и преподавательской среде в вузах РТ.

Цель нашего исследования заключалась в проведении масштабного экспериментального анализа фоносемантической системы таджикского языка, определении эмоционально-перцептивной окраски его гласных и согласных фонем, а также в выявлении специфики фоносемантики художественного текста в условиях перевода и билингвизма.

Для достижения цели исследования и получения результатов:

- был осуществлен комплексный анализ теоретического материала по теме исследования;

- подготовлено анкетирование, которое прослужило базой для проведения фоносемантического анализа в таджикоязычной, русскоязычной и билингвальной аудитории;

- проанализированы звуки А, И, О, М, Л, Б, Д, Г, Р, Ж, Ф, Х, Ш (по определенным шкалам) в таджикской лингвокультуре и сопоставлены результаты с ответами, полученными А.П. Журавлевым, который провел эксперимент среди представителей русской культуры. Ранее подобного рода эксперименты в области фоносемантики не проводились;

- осуществлен сопоставительный анализ шкал звукового восприятия А.С. Журавлева. Определены сходства и различия на подсознательном уровне восприятия звуков, а также впервые выявлена фоносемантическая окраска пяти специфических звуков таджикского языка Қ, Ғ, Ҷ, Ҳ, Ў в таджикской языковой лингвокультуре;

- был проведен сравнительный анализ стихотворных текстов с помощью программы analizpsem.ru и нейросетей – Chat-GPT, Perplexity.ai и др.

Для выполнения данной задачи мы проанализировали отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин» (письмо Татьяны Онегину), и его перевод на таджикский язык. Данное исследование было проведено с целью определения разницы в семантики звуков: есть ли различие в восприятии таджикских и

русских звуков в одном тексте. Для начала мы проанализировали оригинальный текст, а потом сопоставили полученные данные с переводом этого же текста на таджикский язык.

– Помимо этого, осуществлен фоносемантический анализ отрывка из стихотворного произведения таджикского поэта Х. Юсуфи «Ман Ватанро беш аз ҳарвакта дорам дӯсттар», написанного на таджикском языке. Исследование проводилось в два этапа: на первом – с использованием автоматизированной программы analizpiset.ru, на втором – с привлечением нейросети Chat-GPT, далее полученные результаты были сопоставлены с его переводным аналогом.

Для достижения поставленной цели была проведена адаптация классических метрик семантического дифференциала (шкал А.П. Журавлева) к специфике таджикской лингвокультуры. Процесс перевода и калибровки антонимических шкал подтвердил, что перенос исследовательского инструментария на другой язык требует глубокого учета семантических тонкостей и когнитивных особенностей респондентов.

По итогам проведенного анкетирования среди студентов и преподавателей вузов Республики Таджикистан (в монолингвальной и билингвальной аудиториях) были сформулированы следующие **фундаментальные выводы:**

1. Универсальность и специфика фоносемантического восприятия.

Сопоставительный анализ реакций таджикской аудитории с данными русскоязычных экспериментов подтвердил гипотезу об универсальном характере звуко-символизма базовых фонем (в частности, сонорных [М, Л] и открытых гласных [А, О]). Однако был выявлен и ряд существенных этнокультурных сдвигов. В частности, восприятие звуков [Ф] и [Ш] у носителей таджикского языка обладает устойчивым положительным индексом (в отличие от русского языка), что детерминировано их высоким статусом в таджикско-персидском (с арабскими элементами) лексическом фонде.

2. Культурно-историческая детерминация таджикских звуков. Впервые в таджикском языкознании был проведен изолированный фоносемантический анализ специфических фонем, не имеющих аналогов в русском консонантизме

([K], [F], [Ч], [X], [Ū]). Эксперимент выявил их жесткую фоносемантическую полярность. Звук [X] формирует зону абсолютного позитива (светлый, нежный), в то время как увулярные [K] и [F] составили ядро негативной фоносемантики, воспринимаясь как тяжелые, грубые и суровые.

В рамках исследования нами было предложено новаторское обоснование данного феномена через призму арабо-мусульманской сакральной фонетики (науки **Таджвид**). Доказано, что гортанные, напряженные звуки (относящиеся к категории *тафхим/муста'лия*) исторически ассоциируются в менталитете носителей с семантикой мужской силы, величия и суровости. Аналогично, восприятие закрытых гласных [Ū] и [Э] как «тяжелых» и «темных» коренится в их артикуляционной сложности и исторической принадлежности к категории смешанных звуков (*мачхул*).

3. Билингвальная интерференция. Исследование в билингвальной среде (студенты Филиала МГУ) позволило зафиксировать специфику интерференции фоносемантических систем. Восприятие звуков активными билингвами отличается легкими когнитивными сдвигами (например, в восприятии звуков [И] или [У]) за счет наложения русской артикуляционной базы и семантических концептов на таджикскую матрицу языкового сознания.

4. Трансформация фоносемантики в художественном переводе.

Комплексный анализ поэтических текстов (оригиналов и переводов А.С. Пушкина и Х. Юсуфи) доказал, что фонетическая структура текста является мощнейшим инструментом психологической суггестии. Использование традиционных алгоритмов компьютерного анализа (*analizpisem.ru*) в синергии с передовыми нейросетевыми моделями (LLM, такими как ChatGPT) показало, что при переводе неизбежно происходит трансформация суггестивного ореола текста. Так, наличие высокой концентрации специфических увулярных звуков [K, F] и закрытого [Ū] в таджикском переводе «Письма Татьяны» придало тексту оттенок фатальной суровости и надрывного страдания, видоизменив первоначальную легкую элегичность русского оригинала.

Проведённое анкетирование среди носителей таджикской лингвокультуры подтвердило, что перенос шкал оценки на другой язык требует внимания к семантическим тонкостям синонимов, сложной адаптации и тщательной методологической подготовки. Технические и когнитивные трудности, связанные с восприятием звуков вместо букв и особенностями оценивания звуков на подсознательном уровне, свидетельствуют о высокой сложности таких исследований.

В настоящее время программное обеспечение для автоматизированного фоносемантического анализа (подобное системам *Vaal.ru* или *Звукоцвет*) ориентировано преимущественно на русский и западноевропейские языки. Главным практическим итогом нашей диссертационной работы является создание верифицированной эмпирической базы – статистической матрицы оценок таджикских фонем.

Полученные результаты открывают прямую перспективу для разработки первой таджикской версии компьютерной программы фоносемантического анализа. Создание такого цифрового инструмента будет иметь колоссальное прикладное значение для коммерческой сферы (разработка благозвучных неймингов, брендов и рекламных слоганов на таджикском языке), политической лингвистики (составление текстов с заданным вектором суггестивного воздействия), а также для теории художественного перевода, психологии и нейролингвистического программирования. Дальнейшие исследования в этой области могут быть расширены за счет вовлечения диалектного материала таджикского языка и памирских языков, что позволит составить полную фоносемантическую карту региона. Это даст возможность глубже изучить понимание механизмов звукоизобразительных слов и повысить качество языкового анализа в контексте глобальных лингвистических процессов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭ – ассоциативный эксперимент

ЗИ – звукоизобразительность

ЗИС – звукоизобразительная система языка

МПШ – Московская психолингвистическая школа

НКС – набор ключевых слов

НКТЯ – Национальный корпус таджикского языка

НЛП – нейролингвистическое программирование

РД – речевая деятельность

СД – семантический дифференциал

ТРД – теория речевой деятельности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги

1. Абаев, В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке // Труды института языкознания. – М.: АН СССР, 1956. Т.6. – С. 409-428.
2. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учеб. пособие / Большакова, Е.И., Воронцов, К.В., Ефремова, Н.Э., Клышинский, Э.С., Лукашевич, Н.В., Сапин, А.С. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. – 269 с.
3. Арзуманов, С.Д., Сангинов А. Таджикский язык. – Душанбе: Маориф, 1988. – 416 с.
4. Ашмарин, Н.И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. – Казань: Акад. центр ТНКТ, 1928. – 160 с.
5. Боас, Ф. Разум первобытного человека; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Нью-Йорк: Макмиллан, 1938. – 285 с.
6. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 384 с.
7. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998 (2-е изд. – 2005). – 336 с.
8. Ван, Фусян. Латентная грамматика. – М.: Наука, 1999.
9. Ван, Фусян, У. Ханьин. Современная лингвистика и ее дисциплинарное подразделение / Ван, Фусян, У. Ханьин. Изд-во преподавания иностранных языков и исследования, 2007 // Ван Фусян, У. Ханьин. Сяньдай Юйяньсюэ Цзици Фэньчжи Сюэкэ, Вайюй Цяосюэ Юй Яньцзю Чубаньшэ // 王福祥, 吴汉英, 现代语言学及其分支学科·外语教学与研究出版社·2007.
10. Воронин, С.В. Английские ономотопы. – СПб.: Институт иностранных языков, 1969. – 196 с.
11. Воронин, С.В. Дескриптивные праформы в ностратическом сравнительном словаре (т.1) В. М. Иллич-Свитыча. – В кн.: Конференция

«Ностратические языки и ностратическое языкознание»: Тезисы докладов. – М., 1977.

12. Воронин, С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 243 с.

13. Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). – М.: Наука, 1965. – 183 с.

14. Газов-Гинзберг, А.М. Символизм прасемитской флексии: О безусловной мотивированности знака. – М.: Наука, 1974. – 122 с.

15. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

16. Глухов, В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

17. Горелов, И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. – Челябинск, 1974. – 116 с.

18. Давлатмирова, М.Б. Вербализация макроконцепта «Судьба» в языковом сознании носителей таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков: результаты ассоциативного эксперимента: монография / М.Б. Давлатмирова. – Душанбе: РТСУ, 2019. – 170 с.

19. Давлетшин, М.Г. Психология технических способностей школьников. Ташкент: Фан, 1971. – 176 с.

20. Давлетшин, М.Г. Умудий психология (Общая психология). – Ташкент: УзМУ, 2002.

21. Еловков, Д.И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 151 с.

22. Журавлев, А.П. Звук и смысл / Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

23. Журавлев, А.П. Компьютерный звукоцвет: Альбом. – Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2004. – 108 с.

24. Журавлев, А.П. Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.

25. Журинский, А.Н. Некоторые сопоставления «периферийных» классов языковых знаков. (В одном и разных языках). – В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. – М.: 1971. – С. 240-256.
26. Журковский, Б.В. Идеофоны: сопоставительный анализ. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1968. – 65 с.
27. Зулпукаров, К.З., Дарбанов Б.Е., В.Б. Суркеева. Психолингвистические модели и теории восприятия речи в условиях кыргызско-русского билингвизма. – Бишкек, 2023, – 636 с.
28. Искандарова Д.М., Бекташ Л. Редупликация в турецком и таджикском языках. – Душанбе, РТСУ, 2016. – 175 с.
29. Исследование толерантности в молодёжной среде Таджикистана (лингвистические аспекты): монография / Искандарова, Д.М., Гулова, З.А., Давлатмирова, М.Б., Каримова, Н.И., Мухторов, З.М., Фомин, А.Ю.; под общ. ред. проф. Д.М. Искандаровой. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 142 с.
30. Казакевич, О.А. Односложные звукоподражательные идеофоны зулу // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. – М.: МГУ, 1975. – 181 с.
31. Казарин, Ю.В. Проблемы фоносемантики поэтического текста: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 171 с.
32. Караулов, Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – Москва: Рус. яз., 1993. – 330 с.
33. Каримова, Н.И. Концептуализация пространства в языковом сознании носителей русской, польской и таджикской лингвокультур (результаты ассоциативного эксперимента): монография / Н.И. Каримова. – Душанбе: РТСУ, 2019. – 180 с.
34. Кезина, С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. – 304 с.

35. Киле, Н.Б. Образные слова нанайского языка. – Л.: Наука, 1973. – 188 с.
36. Ковшиков, В.А., Глухов, В.П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 589 с.
37. Кудайбергенов, С. Подражательные слова в киргизском языке. – Фрунзе: Киргучпедгиз, 1957. – 88 с.
38. Куделин, А.Б. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII – XI в.). – М.: Наука, 1983. – 261 с.
39. Кунгуров, Р. Изобразительные слова в современном узбекском языке. – Самарканд, 1961. – 277 с.
40. Левицкий, В.В. Семантика и фонетика: пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований. – Черновцы: Черновицкий гос. университет, 1973. – 103 с.
41. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. – М.: 1936. – 484 с.
42. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 119 с.
43. Леонтьев, А.А. Психолингвистика. – Л.: Наука, 1967. – 169 с.
44. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969а. – 306 с.
45. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев; отв. ред. М. М. Гухман; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1965. – 244 с.
46. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность/А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969b. – 214 с.
47. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию. – Соч. в 10-ти т. – М.; Л.: 1952, т. 7. – С. 89-378.
48. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха: Пособие для студентов. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.

49. Михалев, А.Б. Теория фоносемантического поля: монография / А.Б. Михалев. – Краснодар: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 1995. – 213 с.
50. Мурзин, Л.Н., Штерн, А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
51. Павловская, И.Ю. Фоносемантический анализ речи. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 292 с.
52. Пелевина, Н.Ф. Языковая и внеязыковая мотивировки семантики языкового знака. В кн.: Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: 1976. – 197 с.
53. Перельмутер, И.А. Платон. – В кн.: История лингвистических учений / Древний мир. – Л.: 1980. – С. 130-156.
54. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
55. Прокофьева, Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: 2007. – 280 с.
56. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания – ММА, 2021. – 626 с.
57. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
58. Слобин, Д., Грин, Дж. Психолингвистика. Перевод с английского Е. И. Негневицкой / Под общей редакцией с предисловием д.ф.н. А.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1976. – 242 с.
59. Смаль-Стоцький, Р. Примітивний словотвір. – Варшава, 1929, – 200 с.
60. Сулейманов А.А. Словообразование в арабском языке (история и современность). – Баку: Элм, 1983.
61. Тронский, И.М. Из истории античного языкознания. – В кн.: Советское языкознание. – Л.: 1936, т. 2. – С. 21-38.

62. Фрейд, З. Психопатология обыденной жизни. Пер. с нем. – Издательство «Азбука», 2023. – 256 с.
63. Фролов, Д.В. Арабская филология: Грамматика, стихосложение, корановедение. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 440 с.
64. Фрумкина, Р.М. Внутри истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 480 с.
65. Хаскашев, Т.Н. Фонетикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, қ. I. – Душанбе: ТГУ, 1983. – 104 с.
66. Хомский, Н., Миллер, Дж. Введение в формальный анализ естественных языков: Пер с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 64 с.
67. Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.М. Березина. – М.: Высшая школа, 1977. – 440 с.
68. Худайкулиев, М. Подражательные слова в туркменском языке. – Ашхабад: Изд-во АН Турк. ССР, 1962. – 135 с.
69. Черевко, К.Е. Звуко- и образоподражательные слова в японском языке и их роль в происхождении языка: учеб. пособие / Дипломат. акад. МИД России, Ин-т актуал. междунар. проблем. – М.: Науч. кн., 2003. – 219 с.
70. Шагдаров, Л.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. – Улан-Удэ: Изд-во БКНШ АН СССР, 1962. – 149 с.
71. Шестакова, О.В. Мир сквозь призму ономотопеи: монография / О.В. Шестакова. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. – 302 с.
72. Штерн, А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. – СПб., Изд-во СПбГУ, 1992. – 236 с.
73. Ягунова, Е.В. Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации. Учебное пособие для вузов. – СПб.: Издательство «Остров», 2005. – 51 с.
74. Arnold, I. The English word. – Moscow; Leningrad, 1966. – 346 p.
75. Brown, R. Words and things. – Glencoe: 1958. – 398 p.

76. Carroll, D.W. *Psychology of Language* (Fifth edition). – Belmont: University of Wisconsin, 2008. – 492 p.
77. Chomsky, N. *Syntactical Structures*. – The Hague: Mouton, 1957. – P. 116.
78. Doke, C. *The southern Bantu languages*. – London, 1954. – 262 p.
79. Freud, S. *Zur Auffassung der Aphasien: Eine kritische Studie*. – Wien; Leipzig: Franz Deuticke, 1891. – 107 S.
80. Gabelentz, Georg von der. *Die Sprachwissenschaft: ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. – Leipzig: T.O. Weigel, 1891. – 491 p.
81. Graur, A. *Les consonnes géminées en latin*. – Paris, 1929. – 237 p.
82. Gui, Shichun. *Psycholinguistics (Xinli Yuyanxue)*. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1985.
83. Herder, J. *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. – Stuttgart: 1969. – 176 p.
84. Hilmer, H. *Schallnachahmung, Wortschöpfung und Bedeutungswandel*. – Halle, 1914. – 356 S.
85. Johannesson, A. *Origin of language*. – Reykjavik, 1949. – 171 p.
86. Jordan, I. *An introduction to Romance linguistics*. – London: 1937. – 403 p.
87. Jordan, I. *Lingvistica romanică: evoluție, curente, metode*. – București: 1944. – 399 p.
88. Magnus, M. *What's in a Word?: Studies in Phonosemantics*. – Trondheim: Norwegian University of Science and Technology, 2001. – 202 p.
89. Maxwell, W.E. *The Malay Language and how to Learn it*. – Kuala Lumpur: 1933. – 94 p.
90. Meinhof, C. *Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen*. – Berlin: 1948. – 235 p.
91. Mirambel, A. *La langue grecque moderne*. – Paris, 1959. – 473 p.
92. Noreen, A. *Vart sprak*. – Lund: 1904. – Bd 5. – 128 S.
93. Nyrop, K. *Ordenes liv*. – København: 1927. – 210 S.

94. Osgood, C.E., Suci, G.J., Tannenbaum, P.H. The measurement of meaning. – Urbana: 1957. – 342 p.
95. Paget, R. Human Speech. – London: 1930. – 360 p.
96. Peng, Danling (Пэн Даньлин). Language and Cognitive Neuroscience (Yuyan yu Renzhi Shenjing Kexue). – Beijing: Beijing Normal University Press, 2012.
97. Pinker, S. The Language Instinct. – New York: William Morrow and Co., 1994, – 494 p.
98. Révész, G. Ursprung und Vorgeschichte der Sprache. – Bern: 1946. – 156 S.
99. Rosetti, A. Introdúcere in phonetica. – Bucureşti, 1957. – 113 p.
100. Scovel, T.A Time to Speak: A Psycholinguistic Inquiry into the Critical Period for Human Speech. Newbury House, 1988. – 206 p.
101. Steinthal, H. Der Ursprung der Sprache. – Berlin: 1858. – 142 S.
102. Stopa, R. Die Schnalse. – Krakow: 1935. – P. 96.
103. Von Humboldt, W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts . – Berlin: 1836. – I. Bd., 421 S. 2. Bd. – 544 S.
104. Wundt, W. Grundzüge der physiologischen Psychologie (Принципы физиологической психологии). – Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1874. – 870 S.
105. Wundt, W. Völkerpsychologie. Die Sprache. – Leipzig: 1900. – 792 S.
106. 王福祥 (Ван Фусян). 汉语话语语言学初探 (Первые исследования лингвистики китайского текста). – 北京: 商务印书馆, 1989.

Диссертации

107. Алиназарова, Н. Фоносемантические исследования таджикского языка: выпуск. квал. работа (диссертация). – Душанбе: РТСУ, 2014. – 85 с.

108. Каримова, Н.И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Д.: 2019с. – 451 с.

109. Курбонова, Х.Х. Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Курбонова Хафиза Халимовна. – Д.: 2021. – 197 с.

110. Музафарова, Д.Ш. Редупликативные слова в таджикском и английском языках (сопоставительный анализ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Музафарова Дильбар Шарофовна. – Душанбе, 2016. – 168 с.

111. Рыбалкин, В.С. Арабская лингвистическая традиция. – Киев: Накова думка, 2000. – 359 с.

112. Турсунова, Ф.Р. Структурно-семантический анализ звукоподражательных слов в английском и таджикском языках: в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Турсунова Фируза Рахматжоновна. – Душанбе, 2013. – 153 с.

113. Фазылов, М.Ф. Изобразительные слова в таджикском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Фазылов Мулладжан Фазылович. – Сталинабад: Наука, 1958. – 188 с.

114. Худоёров, Х.Ё. Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Худоёров Хусейн Ёдгорович. – Д.: 2021. – 191 с.

Авторефераты

115. Газов-Гинзберг, А.М. Роль звукоизобразительных истоков в образовании семитского запаса корней: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Газов-Гинзберг Анатолий Михайлович. – Л., 1963. – 19 с.

116. Гафуров, Н.А. Структура и семантика повтора: лингвистический аспект (на материале таджикского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гафуров Нуриддин Абдукахорович. – Д., 2019. – 25 с.

117. Горелов, И.Н. Проблема функционального базиса речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Горелов Илья Наумович. – М., 1977. – 50 с.

118. Гурджиева, Е.А. Элементарный звуковой символизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гурджиева Евгения Аркадьевна. – М., 1973. – 31 с.

119. Ишмухаметов, З.К. Звукоподражательные слова башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ишмухаметов Зайнулла Кульмухаметович. – Уфа, 1970. – 21 с.

120. Катембаева, Б.Ш. Подражательные слова в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Катембаева Бибигуль Шолтаевна. – Алма-Ата, 1965. – 23 с.

121. Корди, Е.Е. Значение, образование и употребление междометий во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Корди Елена Евгеньевна. – Л., 1965. – 19 с.

122. Косов, В.Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Косов Валентин Тимофеевич. – М., 1963. – 30 с.

123. Лапкина, Л.З. Английские и башкирские акустические ономатопы (Опыт типологического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лапкина Лариса Зиннатовна. – Л., 1979. – 22 с.

124. Леонтьев, А.А. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Леонтьев Алексей Алексеевич. – М., 1963. – 31 с.

125. Пак, Г.А. Изобразительные слова в корейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Пак Геннадий Александрович. – Ленинград, 1958. – 15 с.

Статьи

126. Ашмарин, Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья. – Изв. Азерб. ун-та. Обществ. науки, 1925, т. 2-3, с. 143-157; т. 4-5, с. 75-99.

127. Баиндурашвили, А.Г. Некоторые экспериментальные данные о психологической природе наименования / Труды Тбилисского государственного университета. – Тбилиси, 1966b. – Т. 124. – С. 103-124.

128. Баиндурашвили, А.Г. Экспериментальные данные о психологической природе наименования и проблема языкового знака. – М., 1966a. – С. 67-76.

129. Бубрих, Д.В. К проблеме изобразительной речи. – Учен. зал. Карело-финск. ун-та, 1948. – Т.3. – Вып. I. – С. 85-94.

130. Вестерман, Д. Звук, тон и значение в западно-африканских суданских языках // Африканское языкознание. – М., 1963. – С. 94-113.

131. Воронин, С.В. К истории и методологии изучения английской ономотопеи // Романское и германское языкознание / Республиканский межвузовский сборник. – Вып. 4. – Минск, 1974. – С. 88-96.

132. Воронин, С.В. Об одном случае звукового символизма // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии / Отв. ред. И.П. Иванова. – Л., 1973. – Вып. 3. – С. 152-156.

133. Воронин, С.В., Дубинская, Е.А. К символизму лабиальных // Функциональные особенности лингвистических единиц / Отв. ред. А.В. Юрин. – Краснодар, 1979. – С. 113-119.

134. Воронин, С.В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципу Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всероссийск. конф.; под ред. А.В. Пузырев. – М., 1999. – С. 128-130.

135. Воронин, С.В. Синестезия и звукосимволизм // Психолингвистические проблемы семантики; отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 1983. – С. 120-131.

136. Габучан, Г.М. К вопросу об арабских грамматических учениях // Семитские языки. Вып. 2. – М.: Наука, 1965. – С. 824-839.
137. Глухарева, Е.А. Звукоподражательные глаголы с диссонантным денотатом (семантические особенности) / Глагол в германских языках. – Тула, 1976. – С. 77-94.
138. Горцевская, В.А. Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках. Тюркологические исследования. – М. – Л., 1963. – С. 177-189.
139. Давлатмирова, М.Б., Искандарова, Д.М., Каримова, Н.И. // Отражение национально значимых элементов макроконцепта СУДЬБА в таджикской и памирской лингвокультурах: результаты анкетирования в университетской среде Таджикистана. Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. – №4. – С. 78-84.
140. Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. – М., 1972. – С. 28-29.
141. Журинский, А.Н. Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания (в применении к идеофонам языка эве) // Проблемы африканского языкознания. – М.: Наука, 1972. – С. 95-124.
142. Журковский, Б.В. Идеофоны в языке хауса / Б.В. Журковский // Вопросы африканской филологии. – М., 1974. – С. 124-132.
143. Ибраева, Ж.К. Социально-психологические аспекты билингвизма. – Алматы, 2012.
144. Исаков, А.И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. – Т.І. – М. – Л., 1951. – С. 103-111.
145. Искандарова, Д.М. Билингвизм в коммуникативной среде Таджикистана / Д.М. Искандарова, Ш. Асророва // Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: Материалы Республиканской научно-практической конференции, Душанбе, 23 мая 2024

года. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2024. – С. 44-49.

146. Исследования по корпусной лингвистике: сборник статей. – Душанбе., РТСУ, 2022. – 90 с.

147. Казакевич, О.А. О связи между структурой звукоподражательных идеофонов зулу и передаваемых ими звучаний. // Восточное языкознание. – М., 1976. – С. 11-13.

148. Каримова, Н.И. Ассоциативно-вербальное поле концепта «przestrzeń/пространство» в польском языковом сознании / Н.И. Каримова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2018а. – №4 (64). – С. 130-140.

149. Каримова, Н.И. Ассоциативное поле «дом/хона» в сознании носителей таджикского языка / З.Ш. Холова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2018b. – №2 (62). – С. 190-197.

150. Каримова, Н.И. Ассоциативное поле паремий в языковом сознании носителей польской культуры / Н.И. Каримова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019а. – №2 (66). – С. 151-160.

151. Каримова, Н.И. Ассоциативный эксперимент как один из приемов изучения языкового сознания студентов (на материале анкетирования) / Н.И. Каримова // Вестник Таджикского Национального Университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2019b. – №6. – С. 154-158.

152. Каримова, Н.И. Исследование ассоциативного поля «пространство»: результаты анкетирования в студенческой среде / Н.И. Каримова // Вестник Таджикского Национального Университета. – Душанбе: РТСУ, 2016. – №2 (53). – С. 190-197.

153. Каримова, Н.И. Статистический анализ результатов ассоциативного эксперимента / Н.И. Каримова // Вестник университета

(Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2017. – №2 (58). – С. 173-177.

154. Климов, Г.А. Хайдаков, С.М., Шагиров, А.К. Лексические общности // Структурные общности кавказских языков. – М., 1978. – С. 20-22.

155. Конрад, Н.И. Фрагмент японской поэтики. – Восточные записки, 1927, т. I. – С. 319-326.

156. Левицкий, В.В. Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // НДВШ. Филологические науки. – 1975. – №4. – С. 54-61.

157. Леонтьев, А.А. Проблема глоттогенеза в современной науке. // Энгельс и языкознание. – М.: Наука, 1972. – С. 135-157.

158. Олимова, А.Ш. Перспективы исследования фоносемантической системы таджикского языка / А.Ш. Олимова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №2 (74). – С. 189-198.

159. Опарина, Е.О. Исследования речи Дональда Трампа / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. Реферативный журнал. – М.: 2020. – №1. – С. 87-95.

160. Петрова, Т.И. Образные слова в нанайском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1948. Т. VII. Вып. 6. – С. 522-536.

161. Рогожникова, Т.М. Проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» // Вопросы психолингвистики. 2018. – №4 (38). – С. 163-174.

162. Роммевейт, Р. Слова, значения и сообщения / Р. Роммевейт. – Москва // Психолингвистика за рубежом / ред. А.А. Леонтьева, Л.В. Сахарный. – Москва: Наука, 1972. – С. 53-87.

163. Сапогова, Л.И. Некоторые вопросы теории звукоподражаний // Вопросы английской и французской филологии. – Тула, 1972. – С. 118-131.

164. Сахарный, Л.В. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) / Л.В. Сахарный // Теоретические аспекты деривации / под ред. Л. Н. Мурзина. – Пермь, 1982. – С. 29-38.

165. Сахарный, Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221-237.

166. Сахарный, Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994а. – С. 17-20.

167. Сахарный, Л.В., Штерн, А.С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. – Пермь: Пермский политехнич. ин-т, 1988. – С. 34-51.

168. Спиркин, А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. – В кн.: Мышление и язык. – М.: 1957. – С. 3-72.

169. Таджибаева, А. Проблемы психолингвистического исследования узбекского языка. – Ташкент, 2023. – С. 281-289

170. Толстая, С.М. Фонетические наблюдения над ономатопеическими образованиями с суффиксом -от в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию: Сборник в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна / Отв. ред. Е.В. Чешко. – М., 1971. – С. 272-280.

171. Хасанов, Б.Х. Казахско-русское двуязычие (социально-лингвистический аспект). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 196 с.

172. Цыдендамбаев, Ц.Б. Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. Памяти Б.Я. Владимирцова. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 136-151.

173. Чернышев, В.А. Звукоподражательные глаголы хинди // В.А. Чернышев // Индийская и иранская филология. – 1964. – С. 254-261.

174. Шабес, В.Я., Доценко, Т.И., Овчинникова, И.Г., Сахарный, Л. В. // Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. – Пермь, 2006. – С. 14-15.
175. Шаяхметова, А.К. Фонологические особенности русской речи двуязычных казахских школьников // Проблемы онтолингвистики – 2013: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2013. – С. 455-457.
176. Шаяхметова, А.К. Формирование билингвальной личности в Казахстане // Многоязычие в образовательном пространстве. – Ижевск: Удмуртский университет, 2014. – Т. 6. – С. 93-99.
177. Штерн, А.С. Объективное изучение субъективных оценок звуков речи // Вопросы порождения звуков речи и обучения языку. – М., 1967. – С. 114-117.
178. Штерн, А.С. Объективные критерии выявления «звуковой символики» // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л., 1969. – С. 69-73.
179. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 123-156.
180. Якобсон, Р. Итоги девятого конгресса лингвистов. – В кн.: Новое в лингвистике. – М., 1965, вып. IV. – С. 577-588.
181. Altmann, G.T.M. The language machine: Psycholinguistics in review. *British Journal of Psychology*, 2001, vol.92. – P. 129-170.
182. Bolinger, D. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis / D. Bolinger // *Great Britain: Word*. – 1950. – vol. 6. – P. 117-136.
183. Boranić, D. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. – *Rad jugoslavenske akademije*, 1909, kn.178, razr. hist.–filolog., №72. – S. 1-86.
184. Brown, R.W. and Nuttall, R. Methods in phonetic symbolism experiments. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1959, vol. 59. – P. 441-445.

185. Bunak, V. Present state of the problem of the origin of speech and the early stages of its evolution. – *Cahiers d'hist: France*, 1959, vol. 5, №2. – P. 310-324.
186. Chastaing, M. La brillance des voyelles // *Archivum linguisticum*. – France, 1962. – P. 1-13.
187. Chastaing, M. «Le symbolisme des voyelles. Signification des «i». II. Symboles d'acuité et de petitesse», *Journal de Psychologie*, 55, 1958. – P. 461-481.
188. Congresso Internazionale dei linguisti. – Terzo, Firenze, 1935. – 449 p.
189. Diego, V.de. Etimologías naturales. – *Revista de dialectología y tradiciones populares*. – Madrid, 1965, vol. 20. – №1/2. – P. 3-39.
190. Diffloth, G. «Expressives in Semai» in P. Jenner et al. (eds.), *Austroasiatic Studies*, The University Press of Hawaii. – Honolulu, 1976. – P. 249-264.
191. Dong, Yanping. Psycholinguistics in China (1998–2008) // *Journal of Foreign Languages*. – China, 2009. – № 6. – P. 2-11.
192. Dubois, D. Théories linguistiques, modèles informatiques, expérimentation psycholinguistique. – Paris, 1975. – P. 30-40.
193. Fröhlich, A. Zusammenhang zwischen Lautform und Bedeutung bei englischen Wörtern // *Die Neueren Sprachen*, 1925. – №33. – S. 27-42.
194. Gonda, J. Some remarks on onomatopoeia, sound-symbolism and word formation a propos of the theories of C.N. Maxwell. *Selected Studies*, Vol. V: Indonesian Linguistics. Leiden: Brill, 1975. – PP. 166-243.
195. Grammont, M. La psychologie et la phonétique. La phonétique impressive. – *J. psych. norm. et pathol.* – France, 1930, vol. 27. – P. 544-613.
196. Graur, A. Sur le symbolisme phonétique. – Bucarest, 1959. – P. 73-78.
197. Gui, Shichun. *Experimental Psycholinguistics*. – Changsha: Hunan Education Publishing House, 1991.

198. Householder, F.W. «Azerbaijani Onomatopes», N. Poppo (ed.), *American Studies in Altaic Linguistics*. – Bloomington, IN, 1962. – P. 115-121.
199. Iskandarova, D., Gulova, Z., Davlatmirova, M., Karimova, N., Fomin, A. Monitoring of Tolerance Associative Field and Forecasting of Inter-ethnic Interrelations Problems: Questionnaire Survey in the University Environment of Tajikistan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015, 6 (5 S4). – P. 35-46.
200. Iskandarova, D.M., Shambezoda, H.D., Davlatmirova, M.B., Ladygina, O.V., Salikhov, N.N. Social and Linguistic Aspects of the Tajik National Identity Formation: the Findings of the Survey of Students in Tajikistan. *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – T.9. – №5. – P. 1-13.
201. Jakobson, R. *Zeichen und System der Sprache*. – Berlin, 1962. – Bd. 2. – S. 50-56.
202. Jespersen, O. Symbolic value of the vowel i. – In: Jespersen O. *Linguistica*. Copenhagen, 1933. – P. 283-303.
203. Khudoikulova, N. Linguistic situation in Tajikistan: language use in public space. *Russian Journal of Communication*. – 2015, 7 (2). – P. 164-178.
204. Kopečný, F. Slavistický příspěvek k problému t. zv. Elementární příbuznosti // *Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов*. – София, 1957. – С. 363-387.
205. Langdon, M. Sound Symbolism in Yuman Languages. – *Studies in American Indian Languages*. – Berkeley, CA, USA, 1971, vol.65. – P. 149-173.
206. Lehmann, R. Le sémantisme des mots expressifs en Suisse romande. – In: *Románica Helvética*. – Berne, 1949, vol. 34. – 146 p.
207. Marchand, H. Phonetic Symbolism in English Word-Formation // *Indogermanische Forschungen*. – Germany, 1959. – Bd. 64. – H.2. – S. 146-168.
208. Martin, S.E. Phonetic symbolism in Korean. *American studies in Altaic linguistics*, 13. – USA, 1962. – P. 177-189.

209. Miron, M.S. A crosslinguistic investigation of phonetic symbolism. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. – USA, 1962. – Vol. 62 (3), 623-630 p.
210. Orr, J. On some sound values in English. – *Brit. J. Psych.*, 1934, vol. 35, pt. I. – P. 1-8.
211. Paul, H. Der Ursprung der Sprache. – *Beilage zur Allg. Zeitung*. – München, 1907, №13, 14.
212. Peterfalvi, J.M. Les recherches expérimentales sur le symbolisme phonétique / *Annee. Psychol.* – France, 1965. – Vol. 65. – №2. – P. 439-474.
213. Pronko, N.H. Language and Psycholinguistics: A Review // *Psychological Bulletin*. – USA, 1946. Vol. 43. P. 189-239.
214. Rosetti, A. Asupra valorii expresive a sunetelor vorbite. – *Studii si cercetări lingvistice*. – București, 1965, vol. 16, №5. – P. 557-558.
215. Sapir, E. Diminutive and augmentative consonantism in Wishram. *Handbook of American Indian Languages*, part 1. – USA, 1911. – P. 638-645.
216. Sapir, E. Study in Phonetic symbolism // *Journal of experimental psychology*. – USA, 1929. – 12. – P. 225-239.
217. Scovel, T. *Psycholinguistics (Oxford Introductions to Language Study)*. – UK: Oxford University Press, 1998. – 136 p.
218. Shu, Hua (IIIy Xya). Properties of School Chinese: Implications for Learning to Read // *Child Development*. – USA: Society for Research in Child Development 2003. – Vol. 74. – P. 1184-1199.
219. Sieberer, A. Primäre oder sekundäre Lautbedeutsamkeit? *Philosophisch-historische Klasse, Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. – Wien, Österreich: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1947. – Bd. 84. – S. 35-52.
220. Stutterheim, C. De taal en haar 'klank-logica'. – *De nieuwe taalgide*. – Netherlands, 1933, Bd. 27. – P. 361-379.
221. Taylor, I., Taylor, M. Another look at phonetic symbolism. *Psychol. bull.* – USA, 1965, vol. 64. – №6. – P. 117-124.

222. Ultan, R. «A Case of Sound Symbolism in Konkow». *Studies in American Indian Languages*. – Berkeley, CA, 1971. – P. 295-301.

223. Urtel, H. Zur baskischen Onomatopoesis. *Sitzungsberichte Der Akademie Der Wissenschaften Berlin XIII*. 1919. – P. 138-157.

224. Vooy, C.G.N.de. Klanknabootsing, klanksymboliek, klankexpressie. – *Mededelingen, Kon. Nederl. Akad. v. Wetensohappen, afd. Letterkunde*, 1942, Bd.5, №3, S. 213-241.

225. Wilkinson, R. Onomatopoeia in Malay. *J. Malay – an Branch Roy. Asiat. Soc.*, 1936, vol. 14, pt.3, p. 72-88.

226. Wissemann, H. Untersuchungen zur Onomatopoeie, I. Teil: Die sprachpsychologischen Versuche. – Heidelberg, 1954. – P. 241.

Художественная литература

227. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. Роман манзум. Аз русӣ тарҷ. Мухиддин Фархат. / муҳар. Ч., Шамбезода ва Т. Гольд. – Душанбе, «Ирфон», 1967. – 212 с.

228. Юсуфӣ, Ҳ. Роҳи нотаом. – Душанбе, «Ирфон», 1973. – 257 с.

229. Юсуфи, Х. Слово о жизни. – М., «Советский писатель», 1977. – 112 с.

Словари

230. Горский, Д.П. Краткий словарь логики. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.

231. Дмитрюк, Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. – Алматы – Москва: Медиа-Логос, 2014. – 330 с.

232. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

233. РАС 1 – Русский ассоциативный словарь: Кн.2. Обратный словарь: от реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. – М., 1994. – 356 с.

234. РАС 2 – Русский ассоциативный словарь: Кн.3. Прямой словарь: от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. – М., 1996. – 211 с.

235. Фарҳанги забони тоҷикӣ: иборат аз 2 ҷилд. Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ. – Душанбе, 2008. Ҷилди 1 А – Н 950 с.; ҷ. 2 О – Я. – 1095 с.

Электронные ресурсы

236. Боченкова, М.Ю. Билингвизм и билингвальная среда как социокультурный и психолого-педагогический феномен [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 586-590. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46136.htm> (дата обращения: 8.04.2025).

237. Искандарова, Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны [Электронный ресурс] // Русин. 2023. – №74. – С. 319–338. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-tadzhikistane-etnokontaktnye-zony> (дата обращения: 05.01.2025).

238. Лосев, А.Ф. Краткий анализ диалога Платона «Кратил» [Электронный ресурс]. – 2006. – URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_64.shtml (дата обращения: 5.04.2024).

239. Международный научный интернет-проект: Лингвистический ИКонизм [Электронный ресурс]. – URL: <https://liconism.com> (дата обращения: 30.05.2022).

240. Онлайн-сервис анализа писем [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.analizpisem.ru/public.html> (дата обращения: 4.12.2022).

241. Программа СЛОВОДЕЛ (версия DIATONE) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vedium.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

242. Программное обеспечение для фоносемантического анализа русского, английского языков [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vaal.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

243. Прокофьева, Л.П. Звукоцвет: программа фоносемантического анализа текста / Прокофьева Л.П., Миронова Т.В., Пластун И.Л. – Саратов: ГБОУ ВПО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского», 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedium.ru> (дата обращения: 23.04.2022).

244. Прокофьева, Л.П. Прикладные программы анализа фоносемантической структуры текста (игры разума или полезная в хозяйстве вещь?) // Диалог – 2006. Международная конференция по компьютерной лингвистике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2006/?type=doc> (дата обращения: 25.12.2024).

245. Пушкин А.С. «Евгений Онегин». – URL: <https://www.culture.ru/books/178/evgenii-onegin/read> (дата обращения: 2.04.2025).

246. Речевой портрет национального лидера России В.В. Путина. – URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2020/01/08/rechevoy-portret-natsionalnogo-lidera-rossii-v-v-putina> (дата обращения: 15.03.2025).

247. Рогожникова, Т.М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность // Всероссийская Интернет-конференция «Языковая действительность и действительность языка», посвященная памяти доктора филол. наук, проф. Травкиной А.Д. Тверь, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Rogozhnikova-2013.pdf> (дата обращения: 08.03.2022).

248. Студент сервис [Электронный ресурс]. – URL: <https://student-servis.ru/spravochnik/psiholingvistika-vtorogo-pokoleniya-n-homskij-i-dzh-miller> (дата обращения: 02.01.2023).

249. Флакман, М.А., Ткачева, Л.О., Седёлкина, Ю.Г., Лавицкая, Ю.В., Наследов, А.Д., Коротаевская, Е.А., Таликина, Е.Д. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография. – М.: Мир науки, 2022. – Сетевое издание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).

250. Шамбезода, Х.ДЖ. Многоязычное образование в многонациональном социуме (на примере Республики Таджикистан) // SLAVICA HELSINGIENSIA. 2019. – 52. – Р. 166-175. [Электронный ресурс]. – URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/sh52-13.pdf> (дата обращения: 18.10.2023).

251. Шутки В.В. Путина (a) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FeOkmOWeC4k&t=125s> (дата обращения: 20.03.2025).

252. Шутки В.В. Путина (b) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-Xu0zcsbGJ0> (дата обращения: 20.03.2025).

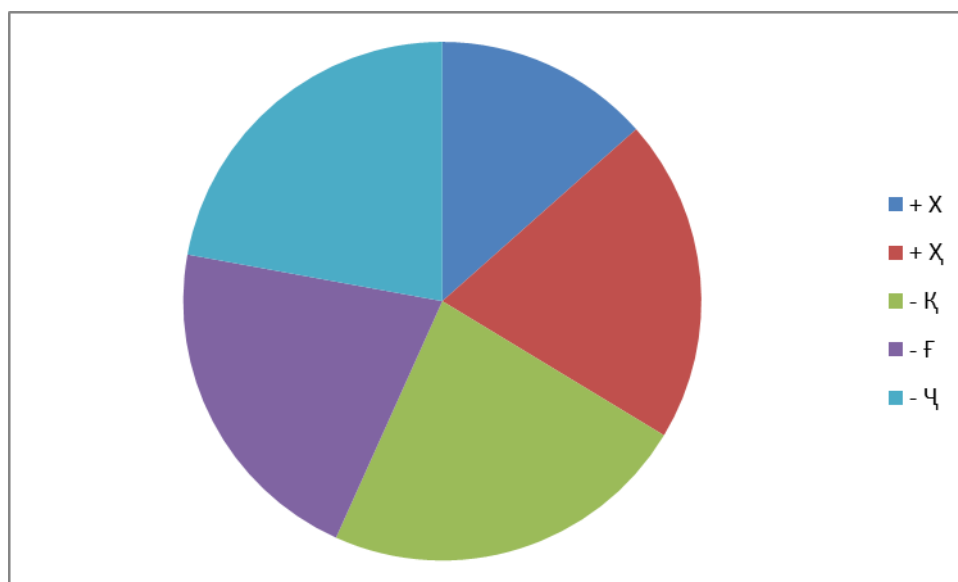
253. Психоллингвистика [Электронный ресурс]. – URL: <https://bibliotekar.ru/psihologia-2/125.htm> (дата обращения: 03.03.2022).

254. Iconicity atlas project [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iconicity-atlas.com> (дата обращения: 12.01.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Диаграмма 1 – Результаты количественного анализа специфических согласных звуков таджикского языка

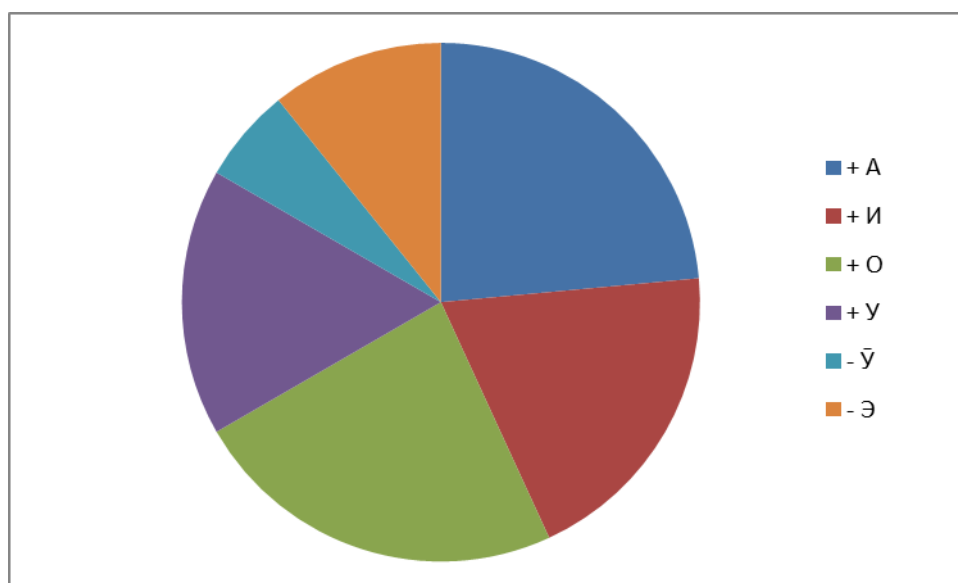
Приложение № 1а

График 1 – Матрица валентности «положительных» и «отрицательных» звуков по 25 шкалам

Приложение № 2

Диаграмма 2 – Результаты анализа гласных звуков.

Приложение № 2а

График 2 – Результаты анализа положительных и отрицательных звуков (Матрица валентности)

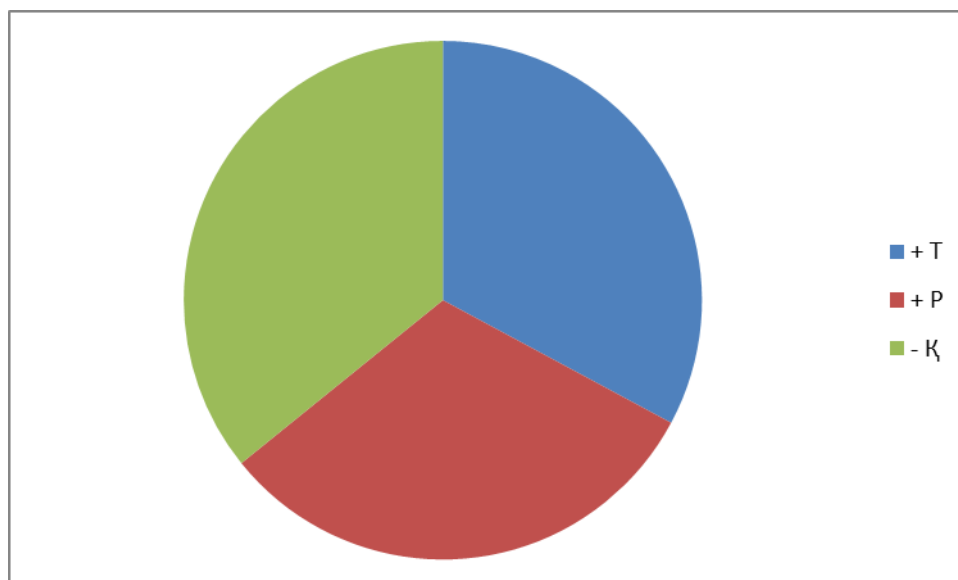
Приложение № 3

График 3 – Результаты анализа гласных звуков (в билингвальной аудитории).

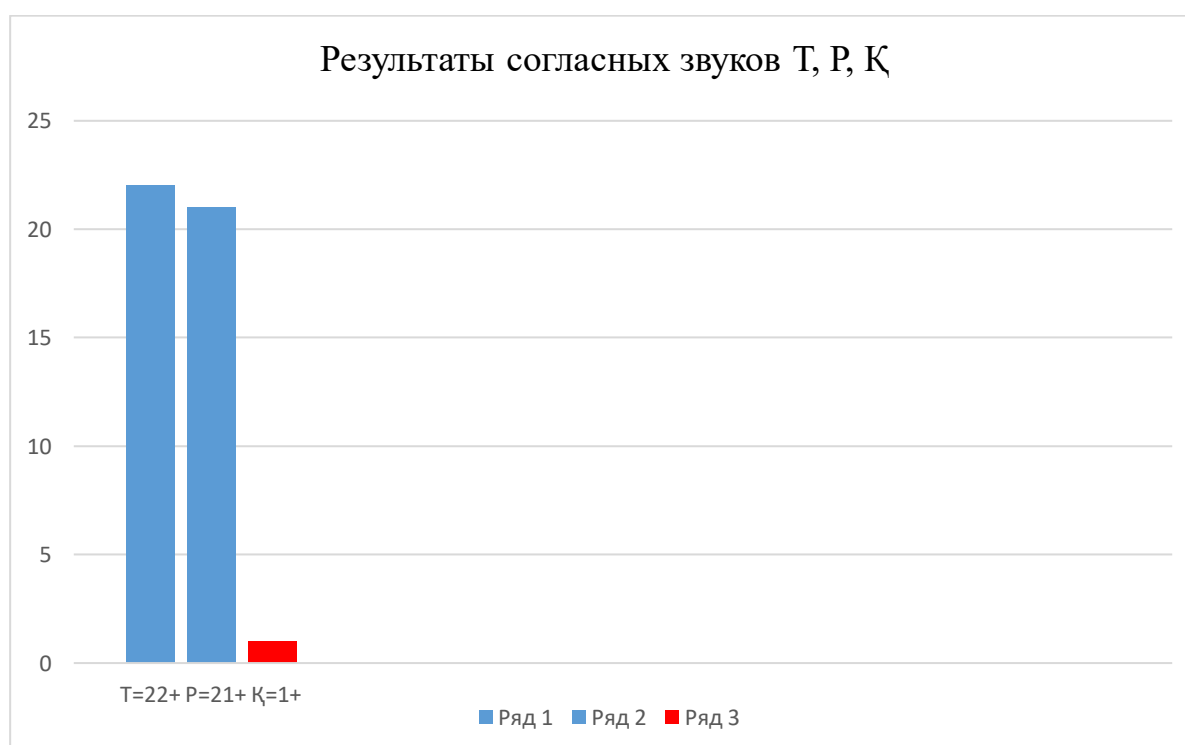
Приложение № 4

Диаграмма 3 – Результаты фоносемантической оценки согласных звуков Т, Р, Қ.

Приложение № 4а

График 4 – Результаты фоносемантической оценки согласных звуков Т, Р, Қ.

Приложение № 5

Письмо Татьяны Онегину (оригинальный текст) [URL:

<https://www.culture.ru/books/178/evgenii-onegin/read>].

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блесним,
Хоть вам и рады простодушно.
Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.
Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...

То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? Я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искушитель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!
Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

Приложение № 6

Номаи Татяна ба Онегин (перевод на тадж. язык) [Пушкин 1967]

Бар шумо хат менависам, чӣ дигар?
 Пас, чӣ гуфтан метавонам боз ман?
 Ҳақ шумо доред, донам, ин қадар
 Нафратам хонед, истам бесухан.
 Шӯри пешонии ман, охир, шумо
 Андаке доред шафқат дар бисот?
 Тарк гӯедам, шавам дур аз нишот.
 Хостам хомӯш бошам аввало;
 Пас, шумо бовар кунед: ин ҳоли ман
 Бар шумо асло намешуд ошкор,
 Дар дилам уммед агар мебуд: дучор
 Дар деҳи мо гаҳ шавем, аҳволи ман
 Хуб мешуд бо сафои беканор,
 Мешунидам ҳарфи ширини шумо,
 Мезадам ҳарфею мекардам ҳаёл,
 То ба ҳам аз нав дучор оем мо.
 Фикр мекардам зи нав боз аз висол
 Халқ мегӯяд: шумо одамгурез;
 Зиқатон кардаст деҳ бисёрҳо.
 Лек мо... Мо нестем аз ҳусн низ
 Босафо, ҳар чанд шодем аз шумо.
 Баҳри чӣ охир, ба ин ҷо омадед?
 Дар деҳи дар чашми олам нопадид,
 Ман намедидам шуморо ҳеҷ гоҳ,
 Аз алам ҳолам намешуд бас табоҳ.
 Љӯшиши дилро (кӣ донад? Алҳазар!)
 Балки рафта-рафта мекардам хамӯш.
 Дӯсте меёфтам дилхоҳтар,
 Завҷа мебудам вафодору баҳуш,
 Мома мебудам накӯю хушҳунар.
 Дигаре!.. Ҳаргиз ба шахси дигаре
 Дил намедодам ба умрам дар ҷаҳон!
 Ин маро қисмат шуда дар осмон...
 Аз туям бо азми чархи бартарӣ;
 Буда умри ман гарав бар он, ки то
 Вохӯрам бо ту ба роҳи зиндагӣ;

Дода, медонам, туро бар ман худо,
 Мекунӣ ҳифзам ту бо пояндагӣ
 То ба мурдан... Мешудӣ дар хоби ман.
 Аз ҳамон вақт аз бароям меҳрбон
 Будӣ, эй бурда қарору тоби ман
 Бо нигоҳе. Буд овозат ба ҷон
 Ҷо шуда... Не, не, нахоб аст, ин, на хоб!
 Чун шудӣ ворид, бидонистам туро,
 Мот гаштам, рафт сабру рафт тоб,
 Дар дилам гуфтам: Ана вай! – Муддао!
 Рост не? Бишнидаам аз ту садо,
 Гап задӣ бо ман бари хилваткада,
 Ман ба мискинон будам мушфиқшуда,
 Ё ки ғамҳои дили шӯридаро
 Бо ибодат дур меандохтам!
 Ту набудӣ, ҷонакам, ин лаҳзаҳо
 Мисли рӯё буда, манд дил бохтам,
 Омадӣ, то бар сари болини ман,
 Ҷо шудӣ то дар дили ғамгини ман?
 Ту набудӣ он, ки бо меҳру сурур
 Гуфти оҳиста ба ман ҳарфи умед?
 Кистӣ ту, зудтар бинмо падид,
 Ту малак ё дев, худ бинмо зухур.
 Бартараф кун шубҳаю шакки маро,
 Бар дилам аз роҳи некӯӣ даро.
 Балки ин гапҳо ҳама бекора аст!
 Ё фиреби ин дили бечора аст...
 Хайр, бошад, қисматамро баъд аз ин
 Бар ту биспорам ба азми оташин,
 Пеши ту аз ҷашм резам ашки хун,
 Аз ту ҳифзи хеш меҳоҳам кунун...
 Фикр кун: Ин ҷо каси танҳо манам,
 Кас намедонад, ки ман ҳаста ҷӣ сон,
 Бин, ки гардад тира ақли равшанам,
 Боядам нобуд гаштан аз ҷаҳон.
 Мунтазир ҳастам ба ту, бо як нигоҳ
 Зинда кун уммедҳоро дар дилам.
 Қатъ кун, аз хоби вазнин деҳ паноҳ,

Ё бикун бо таъна мушкил мушкилам!
Нома поён ёфт! Хондан мудҳиш аст...
Шуд ҳаёю тарс даҳшат-оварам...
Дар бисотам, дӯстам, чун нанг ҳаст,
Ман паноҳ андар бари он мебарам.